

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

№ 71

**Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № 77-12789 от 31 мая 2002 г.)**

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» И54242

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

Томск
2019

Учредитель – Томский государственный университет

«Сибирский психологический журнал» является научно-практическим изданием, публикует оригинальные статьи по различным отраслям психологии. «Сибирский психологический журнал» публикует результаты завершённых оригинальных исследований в различных областях современной психологии, ранее нигде не публиковавшиеся и не представленные к публикации в другом издании. Решение о публикации принимается научной редакцией после рецензирования, учитывая соответствие тематике журнала, актуальность проблемы, научную и практическую новизну и значимость, профессионализм выполнения работы, качество подготовки и оформления материала. Официальные языки журнала: русский и английский. Средний срок рассмотрения рукописи 3–6 месяцев.

«Сибирский психологический журнал» выходит ежеквартально. Публикации осуществляются на некоммерческой основе. Все опубликованные материалы находятся в свободном доступе.

Журнал индексируется: eLIBRARY.RU; Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index; Scopus

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/psychology>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Залевский Г.В. (Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград). E-mail: usa9@sibmail.com

Лукьянов О.В. – зам. главного редактора (Томский государственный университет, Томск). E-mail: lukyanov7@gmail.com

Алексеевская Е.О. – ответственный секретарь редакции журнала (Томский государственный университет, Томск). E-mail: sibjornpsy@gmail.com

Богомаз С.А. (Томский государственный университет, Томск); **Бохан Т.Г.** (Томский государственный университет, Томск); **Кабрин В.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Карнышев А.Д.** (Иркутский государственный университет, Иркутск); **Козлова Н.В.** (Томский государственный университет, Томск); **Красноярцева О.М.** (Томский государственный университет, Томск); **Мещерякова Э.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Серый А.В.** (Кемеровский государственный университет, Кемерово)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Асмолов А.Г. (МГУ имени М.В. Ломоносова, федеральное государственное автономное учреждение «Федеральный институт развития образования», Москва, Россия); **Бохан Н.А.** (Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук, Томск, Россия); **Вассерман Л.И.** (Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Россия); **Галажинский Э.В.** (Томский государственный университет, Томск, Россия); **Гарбер И.Е.** (Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия); **Зинченко Ю.П.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Знаков В.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия); **Ковас Ю.** (Голдсмитс, Университет Лондона, Лондон, Великобритания); **Лаги Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Ломбардо К.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Лучиди Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Малых С.Б.** (Психологический институт РАО, Москва, Россия); **Такушян Г.** (Фордхемский университет, Нью-Йорк, США); **Тхостов А.Ш.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Ушаков Д.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия)

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета

Редактор Шумская Е.Г.; редакторы-переводчики: Лукьянова Е.О., Стайпек А.А., Горенинцева В.Н.; оригинал-макет Шумской Е.Г.; дизайн обложки: Кривцова Л.Д.

Подписано в печать 29.03.2019 г. Формат 70х108^{1/16}. Усл.-печ. л. 16,25. Тираж 50 экз. Заказ № 3696. Цена свободная.

Дата выхода в свет 11.04.2019 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия

Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

ABOUT SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

Founder – Tomsk State University

The scientific journal “Siberian journal of psychology” publishes the results of the completed original researches (theoretical and experimental manuscripts) in different areas of contemporary psychology which have not been published before in this or any other edition. Besides, it includes descriptions of conceptually new methods of research, round-up articles on particular topics and overviews.

The Editorial Board of the “Siberian journal of psychology” commits to the internationally accepted principles of publication ethics expressed.

International standard serial edition number: ISSN 1726-7080 (Print), ISSN 2411-0809 (Online)

Language: Russian, English

Publications are on non-commercial basis (FREE).

Open access

Term of publication: 3–12 months

Abstracting and Indexing: eLIBRARY.RU; Emerging Sources Citation Index (Web of Science Core Collection's); Scopus.

Contact the Journal

Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation

<http://journals.tsu.ru/psychology/en/>

Editor-in-Chief – Genrikh V. Zalevsky, Dr. Sci. (Psychol.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, honored scientist of Russian Federation, member of the World Federation of Mental Health. E-mail: usya9@sibmail.com

Deputy Editor-in-Chief – Oleg V. Lukyanov, Dr. Sci. (Psychol.), Tomsk State University, Russia. E-mail: lukyanov7@gmail.com

Executive secretary – Ekaterina O. Alekseevskaya, Tomsk State University, Russia. E-mail: sibjornpsy@gmail.com

EDITORIAL COUNCIL

S.A. Bogomaz (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **T.G. Bokhan** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **V.I. Kabrin** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **A.D. Karnyshev** (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia); **N.V. Kozlova** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **O.M. Krasnorjadtseva** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **E.I. Meshcheriakova** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **A.V. Seryi** (Kemerovo State University, Kemerovo, Russia)

EDITORIAL BOARD [In Russian Alphabetical order]

A.G. Asmolov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **N.A. Bokhan** (Mental Health Research Institute, Tomsk, Russia); **L.I. Vasserman** (St. Petersburg Research Institute of neuropsychiatric named Bekhterev, St. Petersburg, Russia); **E.V. Galazhinsky** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **I.E. Garber** (Saratov NG Chernyshevskii State University, Saratov, Russia); **Iu.P. Zinchenko** (Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **V.V. Znakov** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); **Yu. Kovas** (Goldsmiths, University of London, London, UK); **F. Laghi** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **C. Lombardo** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **F. Lucidi** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **S.B. Malykh** (Psychological Institute Russian Academy of Education, Moscow, Russia); **H. Takooshian** (Fordham University, New York, USA); **A.Sh. Tkhostov** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **D.V. Ushakov** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

PUBLISHER:

Tomsk State University Publishing House (Tomsk State University, Tomsk, Russia)

Editor E.G. Shumskaya; editor-translators: E.O. Lukyanova, A.A. Stipek; V.N. Gorenintseva; camera-ready copy E.G. Shumskaya; cover design L.D. Krivtsova.

Passed for printing 29.03.2019. Format 70x108¹/₁₆. Conventional printed sheets 16,25. Circulation – 50 copies. Order N 3696.

36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation. Tel. +7(382-2)–52-98-49. <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Карлин А.В., Григорьев А.А. Модель факторов инновационной эффективности страны	6
Корнеев А.А., Кричевец А.Н., Ушаков Д.В. Закон убывающей отдачи Спирмена: виды асимметрий распределений и их роль в порождении артефактов	24
Атагунов Р.И., Алишев Б.С. Социальные верования и убеждения российских военнослужащих: призывники и контрактники	44

Тематические сообщения

Залевский Г.В. «Строительные леса» на здании, которое называется «психология человека»	61
Карпинский К.В. Смыслжизненные задачи и состояния в развитии личности как субъекта жизни	79
Луцик М.Ю., Бергфельд А.Ю. Карточный тест-мари: валидизация и модификация	107
Краснорядцева О.М., Мезенцева М.П. Специфика восприятия детьми дошкольного возраста двойственных изображений	122
Боженкова К.А., Бохан Т.Г. Качество жизни пожилых людей с разной степенью открытости к себе и миру (природному, социальному, культурному) ...	144
Козлова Н.В., Мешерякова Э.И., Левицкая Т.Е., Обуховская В.Б., Назметдинова Д.Г., Зайцев А.А., Цехмейструк Е.А. Биопсихосоциальная модель реабилитации пациентов с цереброваскулярными заболеваниями в отечественной и зарубежной практике	159
Бакаева И.А., Новохатко Е.Н., Шевырева Е.Г. Защитные механизмы и копинг-стратегии у детей с детским церебральным параличом и их родителей	180

Рецензии

Залевский Г.В. Рецензия на монографию В.А. Мазилова «Методология психологической науки. История и современность»	197
---	-----

CONTENTS

Articles

Karlin A.V., Grigoriev A.A. The Model of Innovative Efficiency Factors of a Country	6
Korneev A.A., Krichevets A.N., Ushakov D.V. Spearman's law of diminishing returns: the impact of the distribution asymmetry in artefact producing	24
Atagunov R.I., Alishev B.S. Social Beliefs and Convictions of Russian Military Service Men: Conscripts and Contract Soldiers	44

Thematic reports

Zalevskij G.V. "Scaffolding" on the Building Called "Psychology of Human"	61
Karpinskij K.V. Meaning-oriented Tasks and Meaning-associated States in Personality Development	79
Lutsik M.Y., Bergfeld A.Y. MARI Card Test: Validation and Modification	107
Krasnoryadtseva O.M., Mezentseva M.P. Specific Features of Ambiguous Figure Perception among Preschool Children	122
Bozhenkova K.A., Bokhan T.G. Quality of Life of Elderly People with Varying Degrees of Openness	144
Kozlova N.V., Meshheryakova E.H.I., Levitskaya T.E., Obukhovskaya V.B., Nazmetdinova D.G., Zajtsev A.A., Tsekhmejstruk E.A. Biopsychosocial Model of Rehabilitation of Patients with Cerebrovascular Diseases in Russian and Foreign Practice	159
Bakaeva I.A., Novokhatko E.N., Shevyreva E.G. Defense Activities and Coping Strategies at Children with Cerebral Palsy and their Parents	180

Review

Zalevskij G.V. Review of the monograph "Methodology of Psychology. History and Contemporaneity" by V.A. Mazilov	197
--	-----

Статьи

УДК 159.9.072.43

МОДЕЛЬ ФАКТОРОВ ИННОВАЦИОННОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРАНЫ¹

А.В. Карлин^а, А.А. Григорьев^а

^а ФГБУН Институт психологии РАН, 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1

Рассматривается связь одного из показателей инновационной эффективности страны – индекса публикационной активности Nature Index – со средним коэффициентом интеллекта населения страны (национальным IQ). Показано, что уровень национального IQ объясняет 40% дисперсии количества высококачественных научных публикаций на душу населения. Доля объясняемой дисперсии увеличивается до почти 54% при учете наличия в стране социалистического строя в прошлом или настоящем. Также рассматриваются другие факторы инновационной эффективности: ВВП на душу населения и культурные ценности Шварца. Показано, что уровень аффективной автономии вносит независимый вклад в предсказание инновационной эффективности стран, в то время как ВВП на душу населения, интеллектуальная автономия и иерархия характеризуются незначительным эффектом.

Ключевые слова: инновационная эффективность; публикационная активность; национальный IQ; ВВП на душу населения, культурные ценности.

Вместе с экономической эффективностью и человеческим капиталом технологический прогресс является одним из наиболее важных факторов развития экономики, динамика его показателя объясняет практически весь долгосрочный рост экономического продукта на душу населения [1, 2]. Иными словами, если прекратится технологический прогресс, то закончится и рост материального благосостояния (после завершения оставшихся конвергенционных процессов). Более того, страны, генерирующие технологические прорывы, являются, как правило, наиболее богатыми, цивилизованными и конкурентоспособными. Следовательно, понимание источников технологического прогресса является одной из ключевых задач исследований как национального, так и мирового развития.

Мы полагаем, что когнитивные способности населения страны, показателем которых является, в частности, средний коэффициент интеллекта всего населения (национальный IQ), являются фактором производства тех-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 17-29-02244.

нологий в этой стране, ее инновационной активности и эффективности¹. К настоящему времени получены эмпирические данные, свидетельствующие об этом. Так, например, в работе А.А. Григорьева были проанализированы связи национального IQ с такими показателями инновационной активности страны, как число специалистов, занимающихся исследованием или проектированием, процент высокотехнологичной продукции в экспорте, стоимость экспортируемой высокотехнологичной продукции и число патентных заявок от лиц, постоянно проживающих в стране [3]. Было показано, что эти связи являются нелинейными: страны с низкими значениями национального IQ характеризуются невысокими показателями инновационной активности без выраженной тенденции к повышению до некоторого значения IQ. При уровне IQ выше 95 связи являются в целом линейными, но не тесными.

Таким образом, определенный уровень национального IQ является необходимым условием инновационной активности и эффективности², а при национальном IQ выше этого уровня в действие вступают другие факторы. В данной работе в качестве одного из таких факторов была рассмотрена эффективность работы правительства. Она оказалась значимым предиктором на диапазоне от IQ 95 только одного показателя инновационной активности – числа специалистов, занимающихся исследованием или проектированием.

Данные факторы изучались и другими авторами. Так, в работе Р. Линна [4] рассматривается связь высших творческих достижений стран – числа Нобелевских премий и международных наград по математике – с одним из факторов пятифакторной модели личности – открытостью к опыту. В работе Г. Гилэйда [5] было рассмотрено влияние на показатели патентной активности страны как доли лиц в ее населении с IQ выше 140, так и двух культурных ценностей по Ш. Шварцу: интеллектуальной автономии и иерархии. Как оказалось, эти культурные ценности вносят независимый от доли лиц с высоким интеллектом вклад в предсказание патентной активности страны. Кроме того, значимый вклад вносит взаимодействие интеллектуальной автономии с долей высокоинтеллектуальных лиц. В работе С. Морса [6] различия стран в индексе публикационной активности объясняются их различиями в благосостоянии (подробнее об этой работе см. ниже).

Таким образом, в настоящее время показано влияние на инновационную активность и эффективность отдельных факторов, как психологических, так и непсихологических. Это создает фундамент для следующего шага – создания модели инновационной эффективности, включающей ряд факторов. В настоящей статье делается попытка приступить к решению

¹ По данным некоторых авторов (Rindermann H., Thompson J., 2011), большее значение, чем средний уровень IQ всего населения страны, имеет уровень интеллекта элиты: пяти процентов самых умных людей в населении страны.

² Впрочем, и это нуждается в уточнении: при невысоком среднем интеллекте инновационная эффективность страны может быть высокой за счет непропорционально высокого интеллекта элиты.

данной задачи. В качестве показателя инновационной эффективности используется публикационная активность. Мы попытались, во-первых, подобрать функцию, удовлетворительным образом выражающую характер зависимости публикационной активности от национального IQ, и, во-вторых, определить, в какой мере некоторые другие факторы, как психологические, так и непсихологические, обуславливают, наряду с национальным IQ, публикационную активность. В качестве таких факторов рассмотрены существование в стране социалистического строя в прошлом или настоящем, экономическое благосостояние и некоторые из культурных ценностей, выделенных Ш. Шварцем.

Метод исследования

В анализ, следуя Мейзенбергу и Линну [7], включались страны с населением более 250 000 человек. Таких стран 175.

Показатели

Публикационная активность. В настоящей работе используется ежемесячно обновляющийся индекс публикационной активности Nature Index (natureindex.com) с 1 июня 2017 г. по 31 мая 2018 г. Этот индекс измеряет количество публикаций в 82 наиболее престижных научных журналах в сфере естественных наук. Данные журналы составляют меньше 1% всех журналов в сфере естественных наук в базе данных Web of Science (Clarivate Analytics), но на них приходится почти 30% всех цитат в этой области. Следовательно, Nature Index можно считать хорошим показателем уровня научных исследований в странах и институтах. Есть два варианта этого индекса: AC (article count) и FC (fractional count). При первом варианте институт и страна каждого автора статьи, попадающей в Nature Index, получают по одному баллу, вне зависимости от количества авторов. При втором варианте каждая принятая статья получает один балл, и этот балл равно распределяется между институтами и странами всех соавторов. В настоящей статье мы использовали второй вариант Nature Index, так как на AC влияет уровень международного научного сотрудничества данной страны или данного института, а FC является более точным отражением «чистого» вклада в науку. Он был выражен относительно численности населения страны: на миллион человек населения.

Не для всех включенных в анализ стран сообщены значения Nature Index. В случаях, когда значения не были сообщены, мы считали, что публикаций граждан этих стран не было и значения показателей Nature Index равны нулю.

Национальный IQ. Использовались оценки национального IQ, выведенные путем объединения данных большого числа психометрических измерений интеллекта в странах мира и результатов международных исследований достижений в образовании.

Социалистическая история. Страны с социалистическим прошлым или настоящим определяются как страны, где коммунистическая партия моно-

полизировала власть в течение достаточно долгого времени (как минимум несколько лет). Список таких стран был взят из книги Я. Корная «Социалистическая Система» [8].

В настоящем исследовании также используются показатель экономического благосостояния и оценки культурных ценностей общества. Они будут описаны ниже.

Результаты исследования

Значения показателя FC в расчете на миллион человек населения были картографированы, получившаяся карта представлена на рис. 1.

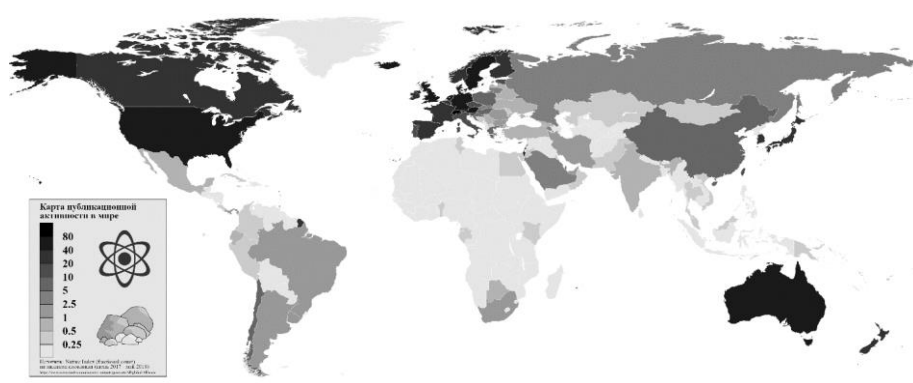

Рис. 1. Карта публикационной активности в мире

Значения FC, оценки национального IQ и значения переменной «социалистическое прошлое / настоящее» (1 – имеет социалистическую историю, 0 – не имеет) для 175 стран представлены в табл. 1.

Таблица 1

FC в расчете на миллион человек населения, национальный IQ и наличие (1) или отсутствие (0) социалистического строя в прошлом или настоящем для 175 стран мира

Страна	FC на 1 млн чел.	Националь- ный IQ	Социалистическое прошлое / настоящее
Австралия	42,96629	100,1	0
Австрия	41,94516	98,9	0
Азербайджан	0,098702	85,0	1
Албания	0,081906	83,9	1
Алжир	0,059538	81,8	0
Ангола	0,006379	76,5	1
Аргентина	2,073816	91,4	0
Армения	3,542118	93,3	1
Афганистан	0	80,8	1
Багамские Острова	0,15176	81,5	0
Бангладеш	0,027631	75,5	0
Барбадос	0	90,0	0

Продолжение табл. 1

Страна	ФС на 1 млн чел.	Националь- ный IQ	Социалистическое прошлое / настоящее
Бахрейн	0,113896	85,2	0
Беларусь	0,873437	97,0	1
Белиз	0	76,9	0
Бельгия	30,12423	99,5	0
Бенин	0,117219	69,3	1
Болгария	1,205436	92,8	1
Боливия	0,036194	95,0	0
Босния и Герцеговина	0,327914	93,3	1
Ботсвана	0,733093	76,5	0
Бразилия	1,30681	87,4	0
Бруней	2,192691	90,1	0
Буркина-Фасо	0,088572	55,0	0
Бурунди	0	69,5	0
Бутан	0	74,6	0
Вануату	0,542998	83,4	0
Великобритания	53,59905	99,3	0
Венгрия	7,633549	98,0	1
Венесуэла	0,059418	87,2	0
Восточный Тимор	0,154284	85,5	0
Вьетнам	0,117751	95,2	1
Габон	0,31109	68,5	0
Гаити	0	64,0	0
Гайана	0	87,9	0
Гамбия	0,066649	60,0	0
Гана	0,031214	68,2	0
Гватемала	0,001774	65,0	0
Гвинея	0,006291	67,0	0
Гвинея-Бисау	0,016118	67,0	0
Германия	51,60811	99,1	0
Гондурас	0,01619	68,9	0
Греция	6,390811	93,3	0
Грузия	0,761747	84,8	1
Дания	63,49643	97,7	0
Джибути	0	72,5	0
Доминиканская Республика	0	81,5	0
Египет	0,125265	82,6	0
Замбия	0,009945	74,2	0
Зимбабве	0,035693	71,7	1
Израиль	66,51029	95,2	0
Индия	0,691535	81,2	0
Индонезия	0,025683	85,5	0
Иордан	0,102037	85,8	0
Ирак	0,024298	84,0	0
Иран	1,204	84,9	0
Ирландия	24,43267	95,9	0
Исландия	71,90508	98,3	0
Испания	22,54375	96,8	0

Продолжение табл. 1

Страна	ФС на 1 млн чел.	Националь- ный IQ	Социалистическое прошлое / настоящее
Италия	16,52648	96,8	0
Йемен	0	76,1	0
Кабо-Верде	0	73,9	0
Казахстан	0,275756	86,7	1
Камбоджа	0,066853	83,5	1
Камерун	0,08772	64,0	0
Канада	39,71281	100,7	0
Катар	3,944361	80,9	0
Кения	0,122938	69,3	0
Кипр	3,128309	91,6	0
Китай	6,691638	105,8	1
Колумбия	0,336284	84,5	0
Коморы	0	77,0	0
Конго, Демократическая Республика (Заир)	0,012663	67,0	0
Конго, Республика	0	73,0	1
Корея, Народно-Демократическая Республика (Северная)	0,074536	104,7	1
Корея, Республика (Южная)	24,63899	103,6	0
Коста-Рика	0,430106	87,8	0
Кот-д'Ивуар	0,01029	71,0	0
Куба	0,263831	86,0	1
Кувейт	0,198234	86,1	0
Кыргызстан	0,041356	80,2	1
Лаос	0	88,5	1
Латвия	0,892459	96,5	1
Лесото	0	66,4	0
Либерия	0	66,4	0
Ливан	1,132785	85,7	0
Ливия	0,045493	82,5	0
Литва	3,463312	94,7	1
Люксембург	29,39387	95,8	0
Маврикий	0	87,1	0
Мавритания	0	73,9	0
Мадагаскар	0,049666	82,0	0
Македония	0,403234	87,4	1
Малави	0,066588	60,0	0
Малайзия	0,308624	89,7	0
Мали	0,093302	70,0	0
Мальдивы	0,504206	80,6	0
Мальта	7,49707	93,4	0
Марокко	0,081143	80,8	0
Мексика	0,602725	87,1	0
Мозамбик	0	69,5	1
Молдова	0,286334	89,5	1
Монголия	0,399916	96,0	1
Мьянма	0,010118	84,7	0

Продолжение табл. 1

Страна	ФС на 1 млн чел.	Националь- ный IQ	Социалистическое прошлое / настоящее
Намибия	0,01184	69,7	0
Непал	0,040266	68,0	0
Нигер	0,021418	70,3	0
Нигерия	0,00241	70,3	0
Нидерланды	50,69694	100,6	0
Никарагуа	0,073984	63,5	1
Новая Зеландия	26,11236	99,3	0
Норвегия	34,70249	97,9	0
Объединенные Арабские Эмираты	1,811674	89,0	0
Оман	0,248045	85,0	0
Пакистан	0,162982	83,0	0
Палестина	0,03658	84,4	0
Панама	1,834779	81,6	0
Папуа – Новая Гвинея	0,170885	82,8	0
Парагвай	0,02349	92,0	0
Перу	0,124046	83,4	0
Польша	5,890118	96,1	1
Португалия	12,90962	94,9	0
Россия	2,897012	97,0	1
Руанда	0,008191	76,0	0
Румыния	1,206852	89,3	1
Сальвадор	0	78,1	0
Саудовская Аравия	3,680224	78,6	0
Свазиленд	0,095081	75,4	0
Сенегал	0,090848	67,0	0
Сербия	0,951019	90,8	1
Сингапур	101,1501	108,7	0
Сирия	0,018063	75,4	0
Словакия	2,568074	97,5	1
Словения	17,65886	98,0	1
Соломоновы Острова	0,098145	83,4	0
Сомали	0	67,6	1
Судан	0,021217	79,0	0
Суринам	0,053248	89,0	0
США	58,53776	97,7	0
Сьерра-Леоне	0,042344	64,0	0
Таджикистан	0,043715	87,5	1
Таиланд	0,475104	88,2	0
Тайвань	16,82267	104,7	0
Танзания	0,031583	71,9	0
Тоголезская Республика	0	69,3	0
Тринидад и Тобаго	0,72309	87,5	0
Тунис	0,24887	85,7	0
Туркменистан	0	87,2	1
Турция	0,79299	89,5	0
Уганда	0,058325	75,4	0
Узбекистан	0,020056	85,5	1

Окончание табл. 1

Страна	ФС на 1 млн чел.	Националь- ный IQ	Социалистическое прошлое / настоящее
Украина	0,561021	94,4	1
Уругвай	1,408838	90,8	0
Фиджи	0,143567	85,0	0
Филиппины	0,022398	87,8	0
Финляндия	34,32592	100,8	0
Франция	32,07148	99,7	0
Хорватия	6,68361	97,2	1
Центральноафриканская Республика	0,010732	64,0	0
Чад	0,009396	71,1	0
Черногория	0,015899	86,8	1
Чехия	16,0666	98,9	1
Чили	5,260672	90,3	0
Швейцария	159,3404	100,4	0
Швеция	57,4581	98,6	0
Шри Ланка	0,088615	80,0	0
Эквадор	0,563012	82,0	0
Экваториальная Гвинея	0,283981	64,0	0
Эритрея	0	76,0	0
Эстония	14,4239	100,8	1
Эфиопия	0,011814	66,0	1
Южно-Африканская Республика	1,15838	71,8	0
Южный Судан	0	70,5	0
Ямайка	0,121095	74,0	0
Япония	23,27429	104,4	0

На рис. 2 представлена диаграмма рассеивания национального IQ и FQ. Как можно видеть, связь национального IQ с индексом публикационной активности является резко нелинейной. Данная диаграмма сходна с диаграммами рассеивания для связей национального IQ с некоторыми другими показателями инновационной активности [3] и демонстрирует тот же характер связи: некоторый пороговый уровень национального IQ (около 95) является необходимым условием инновационной эффективности, при его превышении значительную роль играют другие факторы (корреляция при IQ 95 и выше составляет всего 0,242).

Необходимо было выбрать некоторую нелинейную функцию, удовлетворительно отражающую соотношение национального IQ и индекса публикационной активности в рассматриваемом нами множестве стран. В литературе предлагались нелинейные регрессионные модели для соотношения национального IQ с показателем экономического благосостояния [9–11]. Было показано, что квадратичная модель эффективней линейной [11], а экспоненциальная модель еще более эффективна [9]. Линн и Ванханен нашли, однако, что на большем множестве стран экспоненциальная и полиномиальная модели примерно одинаково эффективны. Основываясь на этом результате, мы по аналогии искали оптимальную с точки зрения эф-

фактивности предсказания и краткости полиномиальную регрессионную модель для рассматриваемой нами связи путем введения в регрессионное уравнение национального IQ в увеличивающейся степени, пока это приводило к значительному увеличению эффективности предсказания публикационной активности.

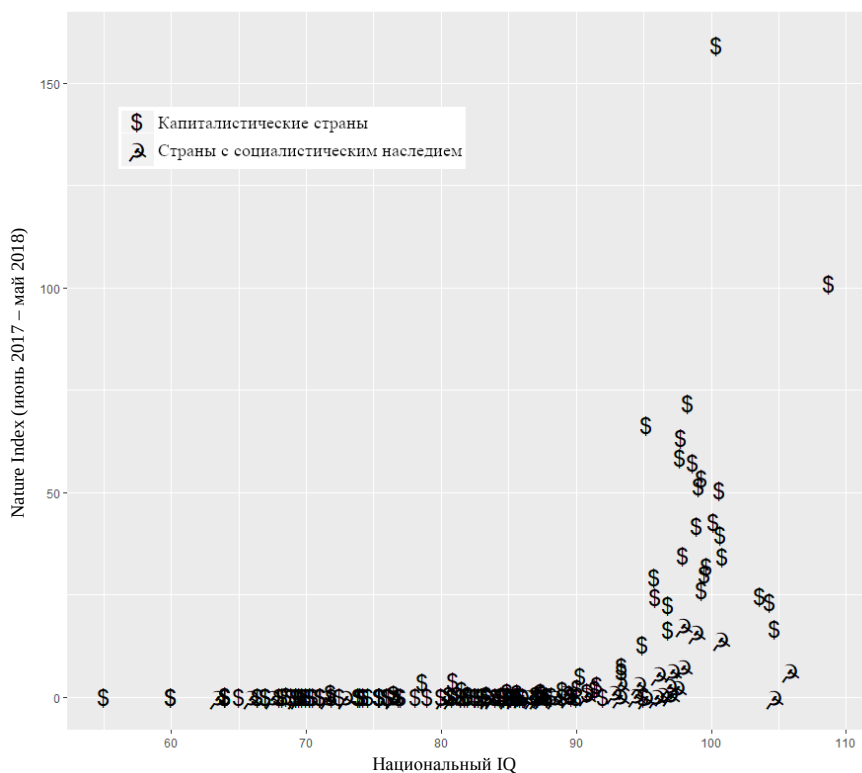

Рис. 2. Диаграмма рассеивания национального IQ и индекса публикационной активности

Результаты этих действий представлены табл. 2. Как можно видеть, введение квадрата национального IQ в регрессионное уравнение приводит к значительному, на 15%, увеличению доли объясняемой дисперсии публикационной активности. Введение же куба национального IQ увеличивает ее на 1,2%. Это увеличение лишь маргинально значимо ($p < 0,1$) и невелико. Введение в модель национального IQ в кубе, следовательно, является нецелесообразным; мы, таким образом, остановились на квадратичной регрессии для предсказания публикационной активности по национальному IQ.

Сделав это, можно перейти к оценке других факторов как предикторов публикационной активности. В первую очередь был рассмотрен фактор существования в стране социалистического строя в прошлом или настоящем. Из табл. 2 следует, что введение этого предиктора в модель приводит

к заметному (на 6,5%) увеличению нормированного квадрата корреляции. Существование социалистического строя в прошлом или настоящем в стране отрицательно связано с публикационной активностью: среднее значение ее индекса в таких странах значимо ниже, чем в остальных странах (2,198 vs 9,481; $p < 0,001$), в то время как средний национальный IQ в этих странах значимо выше (87,902 vs 82,697; $p < 0,01$).

Таблица 2

**Нормированные квадраты корреляций при регрессиях FC
на различные наборы предикторов, N = 175**

Предикторы	Квадрат нормированной корреляции	Увеличение эффективности предсказания при добавлении последнего предиктора	F
IQ	0,249		
IQ; IQ ²	0,400	0,150	43,092 ($p < 0,001$)
IQ; IQ ² ; IQ ³	0,412	0,012	3,506 ($p < 0,1$)
IQ; IQ ² ; социализм	0,464	0,065	20,683 ($p < 0,001$)
IQ; IQ ² ; социализм; IQ x социализм	0,537	0,072	26,444 ($p < 0,001$)

Представлялось также целесообразным оценить роль взаимодействия национального IQ с существованием социалистического строя: действует ли он одинаково при социализме и капитализме? Как можно видеть в последней строке табл. 2, введение взаимодействия этих двух факторов в модель также приводит к заметному (на 7,2%) увеличению доли объясняемой дисперсии публикационной активности, доводя ее до 53,7%. На множестве стран, в которых не было социалистического строя, публикационная активность предсказывается по национальному IQ значительно точнее, чем на множестве стран, где он был или существует (при использовании квадратичной регрессии нормированные квадраты корреляции равны 0,558 и 0,312 соответственно).

Следующим оценивавшимся фактором было благосостояние населения страны. Данный фактор, однако, потребовал особого рассмотрения.

IQ или ВВП?

В 2008 г. была опубликована статья С. Морса [6], в которой критиковались работы Р. Линна и Т. Ванханена. Критика в ней представляется довольно идеологизированной, однако автор провел и одно эмпирическое исследование, результаты которого использовались, разумеется, как аргумент против теории Линна и Ванханена. Это исследование очень близко описываемому в данной статье, поэтому мы считаем себя обязанными разобраться, насколько весомый аргумент против теории Линна и Ванханена дают его результаты.

Морс проанализировал связи логарифма показателя публикационной активности в 2004 г. с национальным IQ и логарифмом валового внутрен-

него продукта (ВВП) на душу населения в 2004 г. При регрессии публикационной активности на национальный IQ нормированный квадрат корреляции оказался равен 0,50, при регрессии публикационной активности на логарифм ВВП на душу населения – 0,76. На основании этого Морс заявляет, что «если рассматривать национальное богатство как движущую силу публикационной активности, а не наоборот, то представляется разумным считать IQ также детерминируемым уровнем благосостояния через образование, а не наоборот»¹ [6. С. 203].

Автор, таким образом, считает, что и национальный IQ, и показатель публикационной активности определяются благосостоянием, этим объясняется корреляция между ними. Однако, чтобы это его мнение могло претендовать на серьезное отношение, он должен был бы сделать еще один шаг – ввести в регрессионное уравнение для предсказания публикационной активности по ВВП национальный IQ и оценить значимость его вклада сверх ВВП в ее предсказание: если данный вклад окажется незначимым – его утверждение остается в силе, если значимым – откладывается в сторону до получения дополнительной аргументации от заинтересованной стороны. Мы попробовали сделать этот шаг. Так как Морс не привел данные, на которых он проводил анализ, мы провели аналогичный анализ на своих данных.

Метод

Индекс публикационной активности FC и оценки национального IQ описаны выше. В качестве показателя благосостояния используется ВВП на душу населения по паритету покупательной способности по текущим ценам за 2017 г. по данным МВФ. Так как в источнике отсутствовали данные для Кубы, Сирии и Сомали, эти страны были исключены из анализа. Таким образом, анализ проводился на множестве из 172 стран.

Результаты

Как и у Морса, значения индекса публикационной активности и показателя благосостояния были прологарифмированы. Так как среди значений индекса публикационной активности были нулевые величины, к каждому из них было прибавлено 0,0005.

В табл. 3 представлены нормированные квадраты корреляций при регрессиях $\ln(FC)$ на национальный IQ, на $\ln(\text{ВВП на душу населения})$ и на национальный IQ и $\ln(\text{ВВП на душу населения})$.

Полученная нами эффективность предсказания публикационной активности по IQ очень близка к сообщенной Морсом. Однако эффективность предсказания ее по ВВП оказалась значительно ниже, чем у Морса, у нас она почти не отличается от эффективности предсказания по IQ. Важнее,

¹ Прямая цитата: “If national wealth is seen as a driver of the articles indicator, rather than the other way around, then it seems reasonable to think of the IQ variable as also being driven by wealth via education rather than the reverse”.

однако, другое: национальный IQ внес значимый вклад сверх ВВП в предсказание публикационной активности. Таким образом, проведенный анализ не дал оснований считать, что национальный IQ является следствием благосостояния, к чему склоняется Морс, напротив, результаты позволили оставить в силе представление о нем как о самостоятельном факторе.

Таблица 3

Нормированные квадраты корреляций в регрессиях $\ln(FC)$ на национальный IQ, $\ln(FC)$ на $\ln(\text{ВВП на душу населения})$, $\ln(FC)$ на национальный IQ и $\ln(\text{ВВП на душу населения})$, $N = 172$

Предикторы	Квадрат нормированной корреляции	Увеличение эффективности предсказания при добавлении последнего предиктора	F
IQ	0,489		
$\ln(\text{ВВП})$	0,490		
$\ln(\text{ВВП}); \text{IQ}$	0,563	0,073	28,38 ($p < 0,001$)

Освободив, таким образом, национальный IQ от инспирированных Морсом подозрений, мы оценили, вносит ли ВВП весомый вклад в предсказание публикационной активности при введении его в модель сверх имеющихся там предикторов. Как оказалось, его введение увеличивает нормированный квадрат корреляции на 1,7% ($p < 0,05$). Это увеличение не представляется достаточно значительным, чтобы включать ВВП в модель. Мы также оценили вклад логарифма ВВП. Увеличение было практически нулевым (0,0000014).

Роль ценностей

Включенные в модель предикторы объясняют около 54% дисперсии публикационной активности. Какие другие факторы могут отвечать за оставшуюся часть дисперсии? Разумно предположить, что это могут быть личностные особенности населения стран. Как упоминалось во введении, роль личности уже исследовалась: Р. Линн [4] рассматривал в качестве дополнительного к интеллекту фактора открытость к опыту. К сожалению, впоследствии оказалось, что полученные в международных исследованиях личности оценки доброжелательности и открытости к опыту могут быть поставлены под сомнение [12]. Поэтому анализ с использованием данных международных исследований личности приходится отложить до лучших времен.

Представляется также весьма вероятным влияние культурных факторов. И действительно, как уже отмечалось во введении, Г. Гилэйд продемонстрировал эффективность культурных ценностей Шварца как самостоятельных предикторов инновационной активности и эффективности: им было показано, что интеллектуальная автономия и иерархия вносят независимый от доли высокоинтеллектуальных людей в стране вклад в предсказание патентной активности и что независимый вклад вносит также взаимодействие интеллектуальной автономии с долей высокоинтеллектуальных людей.

Исходя из этих результатов, мы предприняли попытку оценить роль культурных ценностей как факторов публикационной активности. В дополнение к рассмотренным Гилэйдом интеллектуальной автономии и иерархии мы включили в анализ аффективную автономию. Это было обусловлено следующими соображениями. Социальные действия человека детерминированы не только когнитивными факторами. Для выдвижения новой идеи, нахождения оригинального решения необходима, конечно, неординарность мышления. Однако за возникновением неординарной продуктивной мысли может не последовать ее реализация из-за неодобрения в культуре эгоистических устремлений, усматриваемых в попытках такой реализации. Это неодобрение относится, скорее, к сфере аффективной автономии. Соответственно, можно предположить, что в менее аффективно автономных культурах атмосфера для предложения новых идей, в том числе в публикациях, менее благоприятна, чем в более аффективно автономных культурах.

Метод

Индекс публикационной активности FC и оценки национального IQ описаны выше. Оценки по культурным ценностям были получены в исследовании ценностей Шварца между 1988 и 2007 гг.¹ В этом исследовании англоговорящее и франкоговорящее население Канады, население Западной и Восточной Германии, еврейское и арабское население Израиля, германоговорящее и франкоговорящее население Швейцарии оценивалось раздельно. Чтобы получить общие оценки для этих стран, были посчитаны взвешенные численностями соответствующего населения средние.

Выборку настоящего исследования составили 75 стран, для которых были получены данные в исследовании Шварца.

Результаты

В табл. 4 показано, как изменяется эффективность предсказания публикационной активности (FC) при добавлении к исходному множеству предикторов (национальный IQ, квадрат национального IQ, наличие социализма и взаимодействие национального IQ с социализмом) каждой из трех культурных ценностей – интеллектуальной автономии, аффективной автономии и иерархии – и взаимодействий с этими ценностями.

Из полученных результатов видно, что сколь-нибудь весомый дополнительный вклад в эффективность предсказания публикационной активности вносит только аффективная автономия, а вклад остальных ценностных предикторов незначительный или нулевой. Поэтому представляется целесообразным включить в модель только ее.

¹ Выражаем глубокую благодарность профессору Ш. Шварцу, предоставившему нам для проведения расчетов данные по культурным ценностям стран.

Таблица 4

**Нормированные квадраты корреляций при регрессиях FC
на различные наборы предикторов, N = 75**

Предикторы	Квадрат нормированной корреляции	Увеличение эффективности предсказания при добавлении последнего предиктора	F
IQ; IQ ² ; социализм; IQ x социализм	0,490		
IQ; IQ ² ; социализм; IQ x социализм; интеллектуальная автономия	0,518	0,027	3,932 (p < 0,1)
IQ; IQ ² ; социализм; IQ x социализм; аффективная автономия	0,549	0,059	9,075 (p < 0,01)
IQ; IQ ² ; социализм; IQ x социализм; иерархия	0,492	0,002	0,280 (нз)
IQ; IQ ² ; социализм; IQ x социализм; интеллектуальная автономия; IQ x интеллектуальная автономия	0,517	–0,001	–0,081 (нз)
IQ; IQ ² ; социализм; IQ x социализм; аффективная автономия; IQ x аффективная автономия	0,570	0,020	3,237 (p < 0,1)
IQ; IQ ² ; социализм; IQ x социализм; иерархия; IQ x; IQ x иерархия	0,507	0,014	1,971 (нз)

Осталось проверить, не делает ли включение в модель аффективной автономии излишними уже имевшиеся в модели предикторы. Мы осуществили эту проверку, исключив из модели с аффективной автономией, во-первых, только социализм, во-вторых, только взаимодействие национального IQ с социализмом и, в-третьих, и социализм, и взаимодействие национального IQ с социализмом. Соответствующие нормированные квадраты корреляции составили 0,548, 0,542 и 0,477. Как видно из сопоставления с данным показателем для исходной модели (0,549), один из исключавшихся предикторов может быть изъят из модели (но не оба). Мы изъяли из числа предикторов социализм, так как это приводит к минимальной, практически нулевой потере точности предсказания. Таким образом, итоговая регрессионная модель содержит четыре предиктора: национальный IQ, квадрат национального IQ, взаимодействие национального IQ с социализмом и аффективную автономию. Она имеет следующий вид:

$$FC = 3,529 - 4,236 \times IQ + 4,542 \times IQ^2 + 3,654 \times (AA) - 3,492 \times (IQ \times S),$$

где AA – аффективная автономия; S – социализм.

Обсуждение

Сделанная в настоящей работе попытка создать регрессионную модель инновационной эффективности, в качестве показателя которой использовалась публикационная активность, была предпринята не с целью сконструировать инструмент для предсказания инновационного развития стран

в будущем, для этой цели больше подошла бы модель *роста* инновационной эффективности. Целью нашей работы было выделить факторы инновационной эффективности и по возможности понять характер их действия. По полученным результатам можно заключить следующее.

1. Определенный уровень национального IQ является необходимым, но не достаточным условием публикационной эффективности. До определенного уровня (около 95 баллов IQ) значения ее показателя практически нулевые, начиная с этого уровня наблюдается широкий разброс значений, детерминированных, очевидно, другими факторами. Данный характер присущ не только связи с публикационной активностью, она наблюдается и при использовании других показателей инновационной эффективности [3].

В данной работе в качестве предиктора публикационной активности использовался средний интеллект всего населения страны. Возможно, если бы в этом качестве использовался уровень наиболее интеллектуальной части населения, точность предсказания была бы выше.

2. Существование социалистического строя в прошлом или настоящем ассоциировано со снижением уровня публикационной активности, являющейся показателем инновационной активности. Кроме того, в странах с социалистической историей национальный IQ слабее связан с ее уровнем.

Можно предположить, что несколько факторов играет роль в снижении уровня инновационной активности в странах с социалистической историей. Один достаточно очевиден: массовая утечка мозгов, преимущественно в США и Западную Европу, после падения социалистического строя. Другим, по всей видимости, явились коллапс финансирования науки и упадок ее престижа. Но есть и третья возможная причина.

Когда соцлагерь вступил в капиталистический мир, в его странах не только произошел экономический кризис, но также открылись новые возможности долгосрочной экономической конвергенции с развитыми странами (по крайней мере теоретически). В этих условиях копирование является намного более эффективным, чем инновация – зачем «опять изобретать колесо»? Страны, которые все еще догоняют свой «оправданный» уровнем национального IQ ВВП на душу населения (в странах с социалистической историей ВВП на душу населения обычно ниже, чем предсказывается по национальному IQ), производят меньше научной продукции, чем они «должны» (по уровню того же национального IQ): выгоднее инвестировать в копирование, прикладные науки, промышленный шпионаж и т.д.

Низким спросом на инновации в странах с социалистической историей можно объяснить и менее тесную среди них связь инновационной эффективности с национальным IQ, который в таких условиях реализуется не в полной мере.

3. Культурные ценности играют определенную роль как фактор публикационной активности. Однако нужно сказать, что их роль, выявленная в нашем исследовании, оказалась меньшей, чем в исследовании Гилэйда [5]. Вероятно, это связано с тем, что использовались разные показатели инно-

вационной эффективности. Возможно также, что сыграл роль учет в нашем исследовании фактора социалистической истории страны. Задачей дальнейших исследований явится более детальный анализ связей инновационной эффективности страны с психологическими характеристиками ее населения, оценка которых будет учитывать как результаты международных психологических исследований, так и исторические данные.

Литература

1. Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // Q. J. Econ. 1956. V. 70, № 1. P. 65–94.
2. Romer P. Endogenous Technological Change // J. Polit. Econ. 1990. V. 98, № 5. P. S71–S102.
3. Григорьев А.А. Национальный IQ и инновационная активность страны // Сибирский психологический журнал. 2016. № 60. С. 6–21.
4. Lynn R. Race differences in intelligence, creativity and creative achievements // Mankind Quarterly. 2007. V. 48, № 2. P. 157–168.
5. Gelade G.A. IQ, cultural values, and the technological achievement of nations // Intelligence. 2008. V. 36. P. 711–718.
6. Morse S. The geography of tyranny and despair: development indicators and the hypothesis of genetic inevitability of national inequality // The Geographical Journal. 2008. V. 174, № 3. P. 195–206.
7. Meisenberg G., Lynn R. Intelligence: A measure of human capital in nations // The Journal of Social, Political, and Economic Studies. 2011. V. 36, № 4. P. 421–454.
8. Kornai J. The Socialist System: The Political Economy of Communism. Princeton University Press, 1992. 672 p.
9. Dickerson R.E. Exponential correlation of IQ and the wealth of nations // Intelligence. 2006. V. 34. P. 291–295.
10. Lynn R., Vanhanen T. IQ and global inequality. Augusta, GA : Washington Summit Publishers, 2006. 401 p.
11. Whetzel D.L., McDaniel M.A. Prediction of national wealth // Intelligence. 2006. V. 34. P. 449–458.
12. Meisenberg G. Do we have valid country-level measures of personality? // Mankind Quarterly. 2015. V. 55, № 4. P. 360–382.
13. Rindermann H., Thompson J. Cognitive capitalism: The effect of cognitive ability on wealth, as mediated through scientific achievement and economic freedom // Psychol. Sci. 2011. V. 22, № 6. P. 754–763.

Поступила в редакцию 24.01.2019 г.; принята 13.02.2019 г.

Карлин Анатолий Владимирович – младший научный сотрудник ФГБУН Институт психологии РАН.

E-mail: alfatols@yandex.ru

Григорьев Андрей Александрович – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник ФГБУН Институт психологии РАН.

E-mail: andrey4002775@yandex

For citation: Karlin A.V., Grigoriev A.A. The Model of Innovative Efficiency Factors of a Country. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 2019; 71:6-23. doi: 10.17223/17267080/71/1. In Russian. English Summary

The Model of Innovative Efficiency Factors of a Country

Anatolij V. Karlin^a, Andrej A. Grigoriev^a

^a Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 3 build. 1, Yaroslavskaya str., Moscow, 129366, Russian Federation

Abstract

Technological progress is the most important source of long-term productivity growth, and that plays the major role in economic development and growth in material living standards. Several studies have shown a relationship between national IQ of a country and its innovative efficiency (efforts). In this paper, we create a model of innovation efficiency based on the national rate of publication of high-quality scientific studies (estimated by the Nature Index). The correlation of national IQ and the Nature Index is nonlinear, when fitted with a quadratic function the proportion is 40%. This increases to nearly 54% when we adjust for the impact of a socialist legacy in the past or present, and this socialist legacy's interaction with IQ.

Some researchers have argued that both IQ and publication activities are determined by welfare. We tested this hypothesis and found that IQ explained a significant percentage of publication activity over and above that explained merely by GDP per capita. It suggests that IQ really is an independent factor that predicts innovation. Meanwhile, introducing GDP per capita into the innovation model increases the explained variance in the publication activity index by just 1.7% points.

Finally, we looked at the influence of three Schwartz culture value orientation scores (intellectual autonomy, affective autonomy, and hierarchy) as predictors of innovation rates. Only affective autonomy was found to significantly increase the predictive power of our model. Including it in our model annulled the main effect of a socialist legacy, though not its interaction with IQ.

We conclude the paper with a discussion of possible reasons for why a socialist legacy seems to suppress innovation, compare our findings about the role of cultural values with those reported by another researcher, and offer suggestions for further research.

Keywords: innovative efficiency; publication activities; national IQ; GDP per capita; cultural values.

References

1. Solow, R.M. (1956) A Contribution to the Theory of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics*. 70(1). pp. 65–94. DOI: 10.2307/1884513
2. Romer, P. (1990) Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy*. 98(5). pp. S71–S102. DOI: 10.3386/w3210
3. Grigoriev, A.A. (2016) National IQ and innovational activity of a country. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 60. pp. 6–21. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/60/1
4. Lynn, R. (2007) Race differences in intelligence, creativity and creative achievements. *Mankind Quarterly*. 48(2). pp. 157–168. DOI: 10.4236/wjns.2015.54025
5. Gelade, G.A. (2008) IQ, cultural values, and the technological achievement of nations. *Intelligence*. 36. pp. 711–718. DOI: 10.1016/j.intell.2008.04.003
6. Morse, S. (2008) The geography of tyranny and despair: development indicators and the hypothesis of genetic inevitability of national inequality. *The Geographical Journal*. 174(3). pp. 195–206. DOI: 10.1111/j.1475-4959.2008.00296.x
7. Meisenberg, G. & Lynn, R. (2011) Intelligence: A measure of human capital in nations. *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*. 36(4). pp. 421–454.

8. Kornai, J. (1992) *The Socialist System: The Political Economy of Communism*. Princeton University Press.
9. Dickerson, R.E. (2006) Exponential correlation of IQ and the wealth of nations. *Intelligence*. 34. pp. 291–295. DOI: 10.1016/j.intell.2005.09.006
10. Lynn, R. & Vanhanen, T. (2006) *IQ and global inequality*. Augusta, GA: Washington Summit Publishers.
11. Whetzel, D.L. & McDaniel, M.A. (2006) Prediction of national wealth. *Intelligence*. 34. pp. 449–458. DOI: 10.1016/j.intell.2006.02.003
12. Meisenberg, G. (2015) Do we have valid country-level measures of personality? *Mankind Quarterly*. 55(4). pp. 360–382.
13. Rindermann, H. & Thompson, J. (2011) Cognitive capitalism: The effect of cognitive ability on wealth, as mediated through scientific achievement and economic freedom. *Psychological Science*. 22(6). pp. 754–763. DOI: 10.1177/0956797611407207

Received 24.01.2019; Accepted 13.02.2019

Anatolij V. Karlin – Junior Researcher, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.

E-mail: alfatols@yandex.ru

Andrej A. Grigoriev – Chief Researcher, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, D. Sc., Associate Professor.

E-mail: andrey4002775@yandex.ru

УДК 159.9.075

ЗАКОН УБЫВАЮЩЕЙ ОТДАЧИ СПИРМЕНА: ВИДЫ АСИММЕТРИЙ РАСПРЕДЕЛЕНИЙ И ИХ РОЛЬ В ПОРОЖДЕНИИ АРТЕФАКТОВ¹

А.А. Корнеев^а, А.Н. Кричевец^а, Д.В. Ушаков^{а, б}

^а *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1*

^б *ФГБУН Институт психологии РАН, 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1*

Анализируются источники и методы оценки эффекта убывающей отдачи Спирмена (SLODR effect). Смоделированы возможные артефакты, формально соответствующие SLODR-эффекту: недостатки психометрических инструментов, нерепрезентативность выборки и т.д. Предлагается новый подход к оценке изменений связи между переменными – «метод скользящей оценки». Продемонстрированы возможности мультигруппового конфирматорного анализа для оценки эффекта убывающей отдачи на примере реальных и модельных данных. Показано, что современные методы проверки гипотезы Спирмена не гарантируют валидности выводов из-за отсутствия жесткой метрики на тестовых данных.

Ключевые слова: интеллект; закон убывающей отдачи Спирмена; математическое моделирование; структурное моделирование; структура интеллекта

Введение

В работе 1927 г. Ч. Спирмен сформулировал так называемый закон убывающей отдачи, в публикациях настоящего времени обозначаемый SLODR (Spearman's Law of Diminishing Returns) [1]. Спирмен полагал, что корреляции между тестами интеллекта оказываются более высокими на выборках менее интеллектуальных испытуемых. Отметим, что первоначально Спирмен использовал для обоснования тезиса выборки детей разного возраста, но сформулировал закон для общего интеллекта независимо от возраста; обосновать же данный закон в этой последней формулировке оказывается гораздо труднее. В последние три десятилетия интерес к теме оживился, поскольку исследователи получили возможность использовать очень большие выборки и компьютерные программы для их обработки (см., напр.: [2–4]). Также проводится сопоставление результатов многочисленных исследований с помощью методов метаанализа. Так, в работе [5] проводится метаанализ результатов 106 публикаций разных лет. Хотя

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 17-29-07030.

в целом тенденция к снижению интеркорреляций между субтестами тестов интеллектуальных способностей с ростом уровня интеллекта была подтверждена, результаты выглядят довольно противоречивыми: лишь немногим больше половины из них подтверждают мнение Спирмена.

Более ранний метод исследования, который в настоящее время называют традиционным, использовал факторный анализ полученных по выборке данных субтестов теста интеллекта. Полученный главный фактор (без вращения) интерпретировался как фактор *g*. Затем выборки делились на две половины по медиане факторных значений. После этого проводился факторный анализ отдельно для каждой группы. В пользу закона Спирмена в таком случае говорят меньшее собственное значение первого фактора, меньшее среднее факторных нагрузок на данный фактор или уменьшение среднего уровня интеркорреляций субтестов в группе более интеллектуальных испытуемых [4]. Варианты метода используют для деления на подгруппы субтесты или другие переменные, которые затем исключаются из исследуемого массива данных. Также используется выборочное среднее вместо медианы. Кроме того, можно сравнивать дисперсии факторных значений в группах, не делая факторного анализа для групп по отдельности. Во всех случаях подразумевается, что при отсутствии SLODR и при симметричности всех распределений одинаковыми будут и значения указанных показателей, однако при нарушении симметричности вопрос о том, чем вызваны различия показателей, оказывается совсем не простым: кроме SLODR похожие вариации показателей могут быть вызваны многими причинами. Понятно, что при делении на группы в случае асимметричных распределений корреляционные структуры в подгруппах, как правило, оказываются разными, чем бы асимметрия ни была вызвана [6]). Деление на большее число групп только усугубляет ситуацию и в настоящее время практически не встречается в исследованиях SLODR.

Так называемые современные методы используют структурные уравнения. Рассматривается два вида моделей: иерархические (двухуровневые), в которых *g* нагружено только факторами специальных способностей, на которые, в свою очередь, нагружаются субтесты; и двухслойные (*bi-factor*, или *nested* в международной терминологии), в которых субтесты нагружены непосредственно на *g* и дополнительно каждый на свой фактор специальных способностей (рис. 1). В работе [6] были сопоставлены эти модели на реальных данных и на симуляциях, воспроизводящих различные возможные структуры корреляций, получаемые на реальных данных. Вывод авторов таков: хотя чаще всего иерархическая модель демонстрирует лучшие оценки точности, однако это преимущество может быть вызвано большей ее экономностью, которая может не иметь отношения к реальной структуре, связывающей интеллектуальные способности. Противопоставление двух типов моделей активно обсуждается в литературе, высказываются и теоретические, и математические соображения за и против обоих типов моделей [7–9], однако этот вопрос выходит за пределы данной работы. Мы использовали иерархические модели, так как они используются в большинстве исследований в настоящее время.

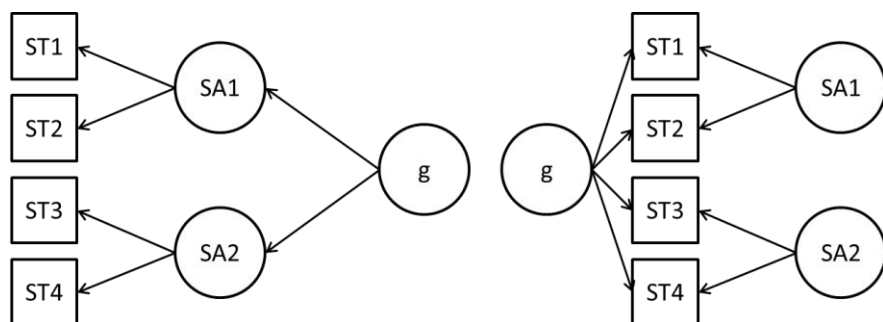

Рис. 1. Общая схема двух типов факторных моделей интеллекта: иерархическая (слева) и двухслойная (справа). ST – субтесты, SA – специальные способности, g – фактор g

В подобных моделях закон Спирмена может выражаться прежде всего в уменьшении факторных нагрузок, причем на двух уровнях – субтестов на факторы специальных способностей и этих последних на фактор g по мере роста значения фактора g. Кроме этого, по мере увеличения g могут расти ошибки (на уровне субтестов) и остатки (на уровне специальных способностей). Со всеми этими проявлениями может быть связана асимметрия распределения g (факторных значений) [6, 10].

В нескольких недавних работах вместо деления на подвыборки используются модерируемые структурные модели. В работе D. Molenaar и соавт. [10] нужные эффекты обнаруживаются при использовании модерации факторных нагрузок и вклада остатков на всех уровнях структурной модели. Например, можно задать линейную зависимость факторных нагрузок на g и искать наилучшие угловые коэффициенты. SLODR в этом случае будет выражаться в отрицательных коэффициентах, указывающих на убывание влияния фактора g по мере роста его значения. Авторы сопоставляли результаты симуляции данных с заданными характеристиками и рассчитанные на них структурные модели.

Также необходимо отметить, что зависимость параметров от модераторов была выбрана линейной, поскольку авторы не располагали средствами предсказать, какого рода нелинейность можно заложить в модель. Мы отложим исследование модерированных структурных моделей для следующего исследования.

Второй подход использует технику мультигруппового анализа (multi-group confirmatory factor analysis). В рамках этого метода оценивается ряд вложенных моделей с последовательным наложением условий эквивалентности различных параметров модели в сопоставляемых группах и прослеживанием ухудшения качества модели [11, 12]. В нашем исследовании мы будем следовать методу первой из этих работ.

Отметим еще раз, что во всех перечисленных статьях используется гибридная методология: анализ реальных данных с помощью структурных моделей и симуляция данных, имеющих аналогичные параметры, которые затем проверяются на тех же моделях. Такой прием вызван к жизни тем,

что структурные модели – инструмент в значительной степени закрытый и слишком сложный, чтобы позволять пользователю простые и уверенные интерпретации результатов. Например, в упомянутой работе [10] задается набор параметров структурной модели и по ним строится симулированная выборка. Затем для симулированной выборки проводится структурное моделирование с целью оценки этих же параметров. Вторая операция не всегда приводит к значениям параметров, близким к использованным в симуляциях.

Далее с помощью симуляции данных с контролируемыми параметрами можно получить результаты такого вида, который, если он получен на натуральных данных, традиционно интерпретируется как свидетельствующий в пользу той или иной гипотезы (например, SLODR), в то время как процедура получения симулированных данных исключает такую интерпретацию [6]. Например, показывается, что асимметрия распределения переменных приводит к SLODR-подобному поведению параметров структурных моделей, как и традиционных индикаторов SLODR¹. Часто авторы указывают на возможное разнообразие источников асимметрий, однако нам неизвестны работы, в которых проводилось бы систематическое сопоставлений этих разных источников. В данной работе мы начинаем заполнять этот пробел. Мы будем строить симуляции данных с различными источниками асимметрий и сравнивать результаты применения упомянутых выше методов к симуляциям и натуральным данным.

Кроме того, мы разработали простое средство анализа данных в терминах дисперсий, которое позволяет в некоторых случаях достаточно наглядно представить детали поведения данных, касающиеся SLODR и других подобных феноменов. Мы назвали его «метод скользящей оценки вариации» (Running Variation Estimate, RVE): остаточная дисперсия оценивается отдельно для каждого участника, что дает возможность отслеживать любые зависимости остатков от главного фактора или иных переменных.

1. Метод скользящей оценки вариации

Определение. Пусть имеются измеряемые переменные X_i , Y_i – стандартизованные результаты измерительных процедур одного уровня (например, результаты субтестов теста интеллекта). Определим для каждого индивида скользящую оценку вариации

$$V_i = \frac{(X_i - M_i)^2 + (Y_i - M_i)^2}{2 - 1}, \text{ где } M_i = \frac{X_i + Y_i}{2}.$$

¹ Аналогичные результаты, связывающие асимметрию с ложными находками, встречаются и в других областях: например, в психогенетических исследованиях асимметрии приводят к ложному обнаружению генетически-средовых взаимодействий [13]. Автор отмечает, что степень надежности обнаружения таких взаимодействий зависит от устойчивости метрических свойств используемых шкал, от степени их «интервальности», если выражать эту мысль в знакомых отечественному психологу терминах Стивенса. Она полагает, что IRT-подход дает большую надежность, чем подход суммирования баллов [Там же] (см. также: [14]). Эту тему мы вынуждены отложить до специального исследования.

А. Если совместное распределение X и Y двумерное нормальное (стандартизованное по координатам), то сумма по i $V = \frac{\sum V_i}{N}$ оценивает величину $1 - r_{xy}$. Это значит, что чем больше корреляция между переменными, тем меньше будет оценка V .

Б. Если вместо целой выборки берется любая ее подвыборка, то оцениваемый по той же формуле параметр $1 - r_{xy}$ остается тем же самым, изменяется только точность оценки. Например, можно взять подвыборку $(X_i + Y_i > 0)$ и подвыборку $(X_i + Y_i \leq 0)$ и получить две несмещенные оценки одной и той же величины.

В. Если, как в случае SLODR, корреляция для верхней половины выборки, соответствующей большим значениям суммы показателей $X + Y$ меньше, чем для нижней половины выборки, то среднее значение показателя V по верхней подвыборке будет больше, чем соответствующее значение по нижней подвыборке. Отметим, прежде чем продолжить, что понятие корреляции способностей или субтестов при данном значении g трудно операционализировать. Наш метод предназначен для частичного заполнения этого пробела.

В более общем случае для коррелирующих переменных $A, B, \dots, F$ (каждая из которых имеет, как и в разобранным случае, стандартное нормальное распределение, и в дополнение все они имеют примерно равные факторные нагрузки на первую главную компоненту) RVE определяется совершенно аналогично: вычислив $M_i = \frac{A_i + B_i + \dots + F_i}{n}$, затем рассчитываем индивидуальную дисперсию $V_i = \frac{(A_i - M_i)^2 + (B_i - M_i)^2 + \dots + (F_i - M_i)^2}{n-1}$, где n – число переменных¹. В зависимости от задачи, можно рассматривать также корень из величин V_i . Если условие примерного равенства факторных нагрузок не выполняется, придется рассматривать взвешенные суммы, но рассмотрение этого случая мы пока отложим.

Мы покажем далее, что выражать предположение Спирмена в терминах корреляций – упрощение, уводящее от существа дела. В наших симуляционных примерах будет показано, что в совершенно естественных случаях отношения между показателями типа корреляций и RVE могут быть более сложными. Сопоставление показателей двух родов позволит различать разные случаи асимметрии и сопутствующего им SLODR по содержательным источникам их возникновения.

Нами была проведена проверка разрешающей способности метода скользящей оценки вариации, тестирование проводилось на двух вариантах выборок.

Первая представляла простейший вариант симуляции SLODR: она «склеивалась» из последовательности пар коррелирующих выборок. Средние в каждой паре были равны и составляли в последовательности ариф-

¹ Подробное описание и обоснование сформулированных выше утверждений мы поместили в Приложение 1. Приложения доступны по адресу: http://mathpsy.com/slodr_appendix.html

метическую прогрессию от -1 до 1 с шагом $0,25$ (они изображают разные уровни фактора g). Объемы парных выборок убывали от центра к краям по закону нормального распределения $N(0, 0,5)$, а корреляции между членами пар монотонно убывали от $0,9$ для подвыборки с центром в точке -1 до $0,5$ для подвыборки с центром в точке 1 . Подвыборки соединялись в одну общую парную выборку, буквально реализуя формулировку о различии корреляций на разных уровнях фактора g . Общий этой и всех следующих ниже симулированных выборок составлял $10\,000$.

Для каждого «респондента» была рассчитана RVE. «Индивидуальные» средние, вычисленные для каждого из них, были сгруппированы с шагом $0,25$. Средние значения квадратного корня из RVE ($\text{Sqr}(\text{RVE})$) по группам изображены на рис. 2, *A* (выводится та часть распределения, где в каждой ячейке гистограммы не менее 50 наблюдений).

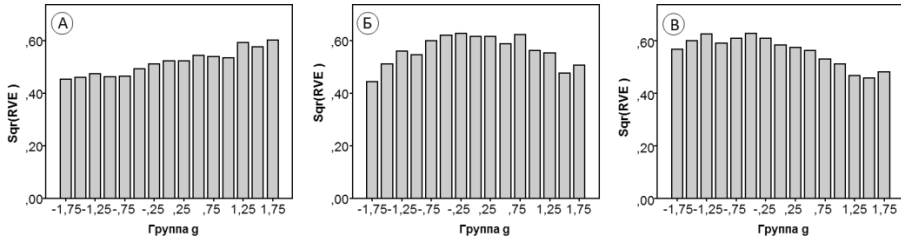

Рис. 2. Распределения параметра $\text{Sqr}(\text{RVE})$. *A* – результат простейшей симуляции SLODR; *B* – модель сильных корреляций по краям; *B* – результат оценки реальных Данных. По горизонтали g (полученный как факторные значения главного фактора, округленного с точностью $0,25$; значения g вне интервала $(-1,75, 1,75)$ отброшены, поскольку получаемые группы слишком малочисленны и дают неустойчивые оценки RVE). По вертикали $\text{Sqr}(\text{RVE})$ для двух переменных – вербальная память и память на фигуры (реальные данные), рассчитанные для каждого индивида относительно индивидуального среднего значения

Для второй серии подвыборок процедуры были похожи, за исключением того, что корреляции на парах сначала убывали на отрезке от -1 до 0 , а затем симметрично возрастали. Результат представлен на рис. 2, *B*.

Графики показывают, что усредненные по группам RVE демонстрируют согласованность с изменением корреляции.

Следующий пример (рис. 2, *B*) демонстрирует результат применения метода к реальным данным. Оценка проведена по двум переменным из данных тестирования, о которых пойдет речь ниже.

2. Сопоставление традиционных методов исследования SLODR, стандартизованных структурных моделей и метода скользящей оценки вариации

2.1. Данные. Объектом исследования служат данные тестирования абитуриентов военных училищ ($113\,388$ испытуемых) по специально сконструированной для их отбора тестовой батарее интеллектуальных достижений.

Батарея состоит из 10 тестов по 30 заданий в каждом, более подробное описание можно найти в работе [15]. Для наших сопоставительных исследований мы выбрали четыре теста с простой структурой корреляций, чтобы в симуляциях можно было получить сходные корреляционные структуры (никаких содержательных соображений за этим выбором не стоит): субтесты «Аналогии» (далее «Ан»), «Силлогизмы» (далее «Сил»), «Запоминание фигур» (далее «Фиг») и «Вербальная память» (далее «ВП»). Матрица корреляций приведена в табл. 1. Такой структуре хорошо соответствует простая двухуровневая модель с фактором g на верхнем уровне и двумя факторами частных способностей, нагруженных парами переменных. В силу простоты корреляционной структуры к этим данным приложим вариант RVE, описанный выше и, подробнее, в приложении 1.

Таблица 1

Матрица корреляций четырех включенных в анализ переменных

Шкалы	Ан	Сил	Фиг	ВП
Ан	1	0,553	0,369	0,335
Сил	0,553	1	0,306	0,331
Фиг	0,369	0,306	1	0,481
ВП	0,335	0,331	0,481	1

В статье [15] данные по всем десяти субтестам были нормализованы с помощью перевода в z -норму (десятибалльные шкалы с приблизительно нормальным распределением). Мы воспользовались сырыми данными (30-балльные оценки) и их нормализациями. Нормализация показателя проводилась по следующему алгоритму (по сравнению с [15] мы не теряли информацию, переходя от 30 значений к 10): данные по всем испытуемым ранжировались, после чего вычислялось отношение ранга R результата данного испытуемого и общего числа испытуемых N , затем для этого числа R/N подбирался X , такой что функция стандартного нормального распределения F принимала в точке X значение R/N . Это X и принималось в качестве нормированного значения показателя данного испытуемого. Всем испытуемым, показавшим данный результат, присваивался средний ранг результата и соответствующее значение аргумента функции распределения. Отметим, что этот способ нормализации не давал абсолютно симметричного результирующего распределения показателя в случае асимметрии сырых данных. Для переменной Ан исходная асимметрия составляла $-0,309$, после нормализации $-0,022$, для переменной Сил $-0,232$ и $-0,002$, для переменной Фиг $0,302$ и $-0,032$, для переменной Вп $-0,361$ и $-0,066$ соответственно.

Для исходных данных корреляции внутри групп переменных, входящих в один фактор, были 0,55 и 0,48, средние корреляции между группами 0,35 ($s = 0,026$).

Для выделения групп с низким и высоким уровнями фактора g использовалась следующая процедура. Рассчитывались факторные значения первого фактора с помощью метода главных компонент. Попытки использовать эти значения в сыром виде как основание для разбиения на подвыборки

приводили к несходимости моделей в группе с высокими значениями, что вызвано, по всей видимости, низкими значениями корреляций между переменными. Чтобы преодолеть это затруднение, мы добавляли случайный компонент к факторным значениям, варьируя вес этой добавки и выбрав минимальное значение, обеспечивающее сходимость моделей. Итоговая формула была такова: переменная $test = 0,77 \times \Phi 3 + 0,64 \times N(0, 1)$, где $\Phi 3$ – факторные значения по первому фактору, а $N(0,1)$ – случайная стандартная нормальная величина (здесь и далее переменная $test$ представляет собой аналог используемой для разбиения выборки в традиционном методе исследования SLODR переменной, коррелирующей с фактором g , например субтеста, который далее исключается из анализа). Затем выборка была разделена на две части по медиане переменной $test$.

Кроме выборки реальных данных были сформированы две выборки симулированных данных. Мы старались подобрать параметры симуляции так, чтобы корреляционные матрицы симулированных данных были похожи на корреляционную матрицу натуральных данных и в то же время имели похожие показатели асимметрии. Достичь сразу обеих целей нашими средствами оказалось невозможно. Ниже мы приведем корреляции и асимметрии симулированных данных.

Симуляция отбора респондентов по внешнему критерию. На первом шаге формировалась выборка объема 15 000 случаев с четырьмя нормально распределенными переменными, обладающими заранее заданной матрицей корреляций (Внутригрупповые $R_{12} = R_{34} = 0,56$, межгрупповые приблизительно равны ,42). Затем рассчитывалась сумма показателей по каждому «респонденту»¹, которая стандартизовалась по всем респондентам (переменная обозначалась ZT). Затем образовывалась переменная $test = 0,83 \times ZT + 0,56 \times N(0, 1)$. Коэффициенты подбирались так, чтобы обеспечить одновременно и сходимость моделей на подвыборках, и структуру корреляций, сходную со структурой корреляций реальных данных. Далее респонденты делились по значениям переменной $test$ на три 33,3-процентильные части. Верхняя треть респондентов отбрасывалась, и оставшиеся 10 000 составляли искомую выборку. В этой выборке (относительно) высокие значения тестовых показателей были представлены большим числом «респондентов». Показатели асимметрии четырех полученных «усеченных» переменных представляли собой случайные отклонения от среднего значения $-0,217$ ($sd = 0,035$). Выборочные корреляции внутри подгрупп: $R_{12} = 0,512$, $R_{34} = 0,515$, средняя межгрупповая корреляция (R_{13} , R_{23} , R_{14} , R_{24}) равна $0,367$ ($s = 0,006$). Увеличить асимметрию распределения можно было, только увеличивая корреляции между переменными, так что достичь лучшего сходства с реальными данными нам не удалось.

¹ Заметим, что даже в случае натуральных данных корреляция между суммой стандартизованных показателей и факторными значениями по первому фактору главных компонент превышала 0,9995. У симулированных данных она была еще выше.

Симуляция неравномерного распределения заданий по трудности. Четыре стандартные нормальные переменные, корреляции между которыми были похожи на корреляции предыдущего примера, затем были преобразованы по формуле $NEW_i = -(OLD_i + 9,3)^2$. Преобразование привело к образованию левой асимметрии распределения, соответствующей в распределениях тестовых показателей большей плотности легких заданий по сравнению с трудными. Асимметрии в результате колебались вокруг $-0,332$ ($s = 0,025$). Внутригрупповые корреляции были: $R_{12} = 0,514$, $R_{34} = 0,524$, межгрупповые в среднем равнялись $0,329$ ($s = 0,021$)¹. Данные обеих симуляций были нормализованы по описанной в п. 1 данного раздела процедуре. Далее вычислялась дискриминирующая переменная $test = 0,89 \times ZT + 0,45 \times N(0, 1)$.

Таким образом, было получено три пары выборок – реальные и две симулированные, в каждой паре «сырая» выборка и нормализованная.

Симуляция «правильного» SLODR. Последняя выборка была получена как реализация структурной модели с убывающими факторными нагрузками и растущими остатками при двух противоположных по знаку значениях g (скрипт для SPSS в приложении 2А). В результате получены внутригрупповые корреляции $0,540$ и $0,539$, а межгрупповые в среднем $0,326$ ($s = 0,014$). Переменные были стандартизованы (в нормализации они не нуждались, поскольку выборочное распределение мало отличалось от нормального (асимметрия не превышала $0,03$)). Дискриминирующая переменная вычислялась по формуле $test = 0,78 \times ZT + 0,62 \times N(0, 1)$. Эту выборку мы называем далее «канонический SLODR».

2.2. Метод. Каждая из семи выборок была поделена на две части по медиане распределения дискриминирующей переменной $test$, представляющей собой линейную комбинацию индивидуального среднего (главного фактора) и случайной добавки (в реальных данных и первой симуляции, как мы писали, «размывание» главного фактора требовалось для сходимости структурных моделей, в остальных двух симуляциях для сходимости эта процедура не требовалась и была введена для обеспечения похожих условий разбиения и сходных корреляций). Отметим, что корреляции дискриминирующей переменной с главным фактором практически не зависят от того, рассчитаны ли факторные значения по исходным переменным или по нормализованным в силу сильной корреляции между главными факторами для этих двух вариантов.

Далее для каждой из семи пар подвыборок были оценены факторные модели одного вида (рис. 3), рассчитано стандартное отклонение главного фактора и среднее значение квадратного корня из показателя RVE (обозначен $Sqr(RVE)$).

¹ Первоначально для большей точности симуляции мы округляли результаты, с тем чтобы получить дискретные выборки, соответствующие тридцатибалльной шкале, однако здесь мы приводим более простой вариант, чтобы рельефнее подчеркнуть следствия чистой деформации шкалы. Более точный вариант дает примерно те же результаты.

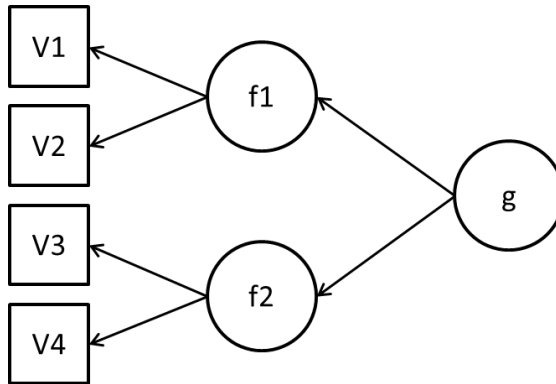

Рис. 3. Проверяемая двухуровневая факторная модель.

V1–V4 – результаты (суб)тестов (реальные или симулированные),
f1 и f2 – факторы первого порядка, g – общий фактор второго порядка

2.3. Результаты. Коэффициенты оценки качества моделей оказались во всех случаях достаточно хорошими. (CFI > 0,95, RMSEA < 0,05). Полные данные о качестве моделей приведены в приложении 3.

Результаты, сгруппированные попарно для каждого вида данных, приведены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты сравнения двух групп на разных данных

Тип данных	Группа	Нагрузки на g	Средние остатки	Средние факторные нагрузки	Средние ошибки	Ст. откл. g	Sqr(RVE)
Реальные данные							
Сырые данные	Низкая	0,696	0,516	0,640	0,589	0,636	1,40
	Высокая	0,544	0,704	0,614	0,610	0,542	1,28
Нормализованные	Низкая	0,693	0,519	0,637	0,591	0,607	1,35
	Высокая	0,545	0,702	0,616	0,608	0,546	1,34
Отбор наблюдений							
Сырые данные	Низкая	0,766	0,414	0,653	0,573	0,640	1,33
	Высокая	0,382	0,851	0,508	0,741	0,467	1,32
Нормализованные	Низкая	0,759	0,424	0,648	0,579	0,615	1,29
	Высокая	0,385	0,852	0,506	0,742	0,487	1,38
Разная плотность заданий							
Сырые данные	Низкая	0,683	0,534	0,656	0,569	0,650	1,41
	Высокая	0,709	0,497	0,653	0,572	0,594	1,28
Нормализованные	Низкая	0,681	0,536	0,657	0,568	0,625	1,36
	Высокая	0,711	0,494	0,655	0,570	0,622	1,33
«Канонический» SLODR							
Сырые данные	Низкая	0,700	0,510	0,704	0,503	0,649	1,33
	Высокая	0,624	0,610	0,646	0,581	0,588	1,36

Примечание. В графе «Ст. отклонение g» приведены результаты усреднения по низкой и высокой группам индивидуальных средних (по четырем субтестам), относительно которых считается RVE.

2.4. Обсуждение. Первые четыре столбца таблиц – коэффициенты структурной модели. Во всех случаях, кроме симуляции разной плотности заданий, факторные нагрузки на g и специальные факторы в нижней группе больше, чем в верхней, а ошибки и остатки больше в верхней группе, чем в нижней, – все признаки указывают на наличие эффекта SLODR. В каждой из трех пар сырых / нормализованных данных нормализация почти не влияет на соотношение коэффициентов. Это объясняется тем, что на каждой подвыборке нормализация представляет собой преобразование, не очень сильно отличающееся от линейного (для отрицательной асимметрии на нижней подвыборке сжатие, на верхней – растяжение, общая нелинейность есть следствие разнонаправленных деформаций на подвыборках), и в силу этого факторные нагрузки в стандартизованной модели изменяются слабо, только за счет отклонений от линейности этого преобразования. По этой же причине нет признаков эффекта SLODR в симуляции разной плотности – плотность заданий сказывается в похожем процессе растяжения / сжатия метрики подгрупп.

Главный фактор, полученный из распределений с отрицательной асимметрией в подвыборках, разделенных медианой, заведомо имеет меньшую дисперсию в верхней группе. Однако, сопоставляя симуляции, мы видим, что в симуляции разной плотности заданий меньшая дисперсия g сопровождается *меньшим* показателем $Sqr(RVE)$ («нормальное» соотношение этих показателей наблюдается в симуляции модельного SLODR)¹. Обратим внимание на то, что такова же тенденция поведения $Sqr(RVE)$ на сырых реальных данных.

В случае симуляции отбора респондентов картина иная: показатель $Sqr(RVE)$ на сырых данных симуляции постоянный (при порождении данных с постоянными корреляциями $Sqr(RVE)$ оценивает, как мы писали выше, одну и ту же величину на любой подвыборке).

Таким образом, $Sqr(RVE)$ помогает различать источники асимметрии распределений.

При нормализации данных в случае отбора наблюдений мы также получили картину, соответствующую выраженному эффекту SLODR. О нем же говорят почти не различающиеся варианты структурных моделей, причем на всех уровнях (дисперсии g , факторные нагрузки на g , средние остатки, факторные нагрузки на факторы специальных способностей и средние остатки). Таким образом, о том, что мы имеем дело с артефактом, вызванным отбором наблюдений, мы можем судить только по равенству показателей $Sqr(RVE)$ у сырых данных.

При нормализации данных в случае разной плотности заданий мы получили практически совпадающие по группам структурные модели,

¹ В нашей симуляции разной плотности заданий мы предполагаем, что результаты выполнения заданий близкой сложности сильно коррелируют для испытуемых равных способностей, т.е. что они в смысле «решаемости» похожи. Это, конечно, не совсем так, поэтому контраст между группами по показателю $Sqr(RVE)$ у нас несколько завышен, однако при снижении корреляций между задачами он всего лишь смягчится.

т.е. отсутствие эффекта SLODR, но странные, хотя и небольшие вариации показателей дисперсии g и $Sqr(RVE)$ по группам (мы ожидали их приближительного равенства) – один в пользу наличия эффекта SLODR, другой против него. По-видимому, это связано с тем, что деление на группы производилось во всех случаях по сырым данным, а нормализация не только деформирует шкалы, но и перемешивает средние значения. Деление на группы по нормированным показателям почти полностью убирает этот эффект.

Реальные данные, которые мы использовали, если судить по показателю $Sqr(RVE)$, демонстрируют признаки неравной плотности заданий, вызвавших отрицательную асимметрию (автор методики подтверждает этот вывод, указывая, что тестирование направлено на отсеивание потенциальных отстающих, поэтому чувствительность теста в нижней группе респондентов для практических нужд важнее, чем в верхней). Но поверх эффекта неравномерности данные тестирования демонстрируют дополнительно различия в дисперсии g . Решить, «настоящий» ли SLODR порождает эти различия или же отбор респондентов (который, как мы видим на симуляции, порождает подобный перекося дисперсий, который не устраняется нормализацией), нет возможности.

2.5. Выводы. Главный наш вывод: при отсутствии устойчивой и обоснованной метрики на исследуемых шкалах тонкие эффекты типа SLODR не могут быть установлены с достоверностью. Картина во всей ее сложности в некоторой степени проясняется при использовании нескольких методов оценки параметров, характеризующих разные аспекты вариации данных, в частности RVE , а также симуляций, в которых закладываются возможные варианты источников асимметрий и зависимости корреляций переменных от фактора g . Мы показали, что не асимметрии сами по себе ответственны за ложный эффект SLODR, поскольку он не исчезает при нормировании, а, скорее, остающийся «в тени» источник асимметрий.

3. Метод тестирования инвариантностей

Над нашими данными мы провели процедуры тестирования инвариантностей, примененные в статье [11]. В рамках этого метода мультигруппового конфирматорного факторного анализа одна и та же модель рассчитывается для двух или более выборок. Далее последовательно накладываются условия эквивалентности на отдельные показатели модели и с помощью оценки Хи-квадрат выявляются серьезные ухудшения подгонки модели. Подробнее метод описан, например, в гл. 5 работы [16].

3.1. Данные. Мы использовали те же реальные данные и результаты симуляций, что и в предыдущей части работы. Деление на две группы проводилось аналогично. Также была добавлена симуляция эффекта SLODR средней выраженности с неравномерным убыванием вклада порождающего корреляции фактора g . Он был разным для разных факторов первого уровня, как и вклад этих последних в субтесты. Влияние g в верхней группе по сравнению с нижней для двух субтестов (относящихся к разным фак-

торам) убавлялось так же, как и в примере «канонического» SLODR, а в двух других существенно слабее (скрипт в приложении 2Б).

3.2. Метод. Чтобы сделать работу обозримой, мы сократили процедуру М. Рейнолдса и соавт. [11] до трех этапов, исключив сопоставление факторных нагрузок на g с факторными нагрузками на специальные факторы, поскольку во всех наших симуляциях для простоты предусматривалось, что эффект SLODR в равной степени присутствует или отсутствует на обоих уровнях структурной модели (хотя это, по-видимому, не так для реальных данных). Последовательность вложенных моделей такова:

0. Конфигурационная модель (Configural): 2 группы, средние значения факторов равны 0, все дисперсии факторов равны 1. Остальные показатели модели могут отличаться в двух группах.

1. Проверка «слабой» (структурной) инвариантности (Weak Factorial Invariance): средние значения факторов свободны в двух группах, их дисперсия в низкой группе зафиксирована на 1, в высокой – свободна, зафиксированы равными в двух группах только все факторные нагрузки.

2. Проверка «сильной» (метрической) инвариантности (Strong Factorial Invariance): средние значения факторов свободны, дисперсия в низкой группе зафиксирована на 1, в высокой – свободна, зафиксированы равными в двух группах все факторные нагрузки и интерсепты наблюдаемых переменных.

3. Проверка инвариантности дисперсии: средние значения факторов свободны, дисперсия в низкой группе зафиксирована на 1, в высокой – свободна, зафиксированы равными в двух группах все факторные нагрузки и интерсепты наблюдаемых переменных.

В последовательности вложенных моделей нулевая, конфигурационная модель совпадала с описанной в предыдущем пункте, за исключением того, что использовались матрицы ковариаций, а не корреляций. Такая модель в целом эквивалентна по всем показателям стандартизованной модели и может быть в нее «перешифрована».

3.3. Результаты. В табл. 2 приведены результаты применения метода к нашим данным. Переход от нулевой модели к модели 1 проверяет структурную инвариантность, приравнивая соответствующие факторные нагрузки в верхней и нижней группах. Смысл хорошо понятен в случае пропорциональности нагрузок: приравнивание означает, что ищется линейная деформация шкалы g в верхней группе, такая, что пропорциональные факторные нагрузки становятся равными.

Данный шаг частично решает проблему неопределенности метрики латентного фактора. Если в нулевой модели факторные нагрузки (все шесть в нашем случае) изменяются от низкой группы к высокой пропорционально, то линейной деформацией метрики фактора g (без восстановления факторных значений две группы не могут сопоставляться по g явно) факторные нагрузки могут быть уравнены. Поскольку в наших симуляциях пропорциональность была заложена в порождающие процедуры, то все симуляции выдержали добавление этой связи без существенного ухудшения модели

(в примере неравномерного эффекта факторные нагрузки на специальные факторы изменялись непропорционально, но в совокупности они были пропорциональны нагрузкам на g; видимо, поэтому симуляция также выдержала проверку). Реальные данные, напротив, проверку не выдержали, поскольку соотношение факторных нагрузок в подгруппах существенно разное.

Результаты проведенного анализа и сравнение оценок моделей, рассчитанных на различных данных, представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Результаты двухгруппового конфирматорного факторного анализа
на различных данных**

Условие	Модель инвариантности	χ^2	Df	$\Delta\chi^2$	Δdf	p	CFA	RMSEA
Реальные данные (сырые)	Модель 0	41,727	2	—	—	—	0,991	0,059
	Модель 1	48,439	4	6,712	2	0,035	0,99	0,044
	Модель 2	57,177	5	8,737	1	0,003	0,988	0,043
	Модель 3	145,363	6	88,186	1	< 0,001	0,969	0,064
Реальные данные (нормализованные)	Модель 0	41,874	2	—	—	—	0,991	0,059
	Модель 1	48,871	4	6,998	2	0,03	0,990	0,044
	Модель 2	56,991	5	8,12	1	0,004	0,988	0,043
	Модель 3	107,085	6	50,094	1	< 0,001	0,977	0,055
Отбор тестируемых (сырые)	Модель 0	2,582	2	—	—	—	1	0,008
	Модель 1	3,203	4	0,621	2	0,733	1	< 0,001
	Модель 2	5,998	5	2,795	1	0,095	1	0,006
	Модель 3	335,964	6	329,966	1	< 0,001	0,902	0,105
Отбор тестируемых (нормализованные)	Модель 0	2,595	2	—	—	—	1	0,008
	Модель 1	3,14	4	0,545	2	0,762	1	< 0,001
	Модель 2	5,446	5	2,307	1	0,129	1	0,004
	Модель 3	265,874	6	260,428	1	< 0,001	0,920	0,093
Задания разной плотности (сырые)	Модель 0	0,774	2	—	—	—	1	< 0,001
	Модель 1	4,85	4	4,077	2	0,13	1	0,007
	Модель 2	9,796	5	4,946	1	0,026	0,999	0,014
	Модель 3	12,89	6	3,094	1	0,079	0,999	0,015
Задания разной плотности (нормализованные)	Модель 0	0,77	2	—	—	—	1	< 0,001
	Модель 1	4,614	4	3,844	2	0,146	1	0,006
	Модель 2	9,581	5	4,967	1	0,026	0,999	0,014
	Модель 3	10,169	6	0,589	1	0,443	0,999	0,012
«Канонический» SLODR	Модель 0	13,526	2	—	—	—	0,999	0,034
	Модель 1	16,492	4	2,966	2	0,227	0,999	0,025
	Модель 2	17,761	5	1,269	1	0,26	0,999	0,023
	Модель 3	127,597	6	109,835	1	< 0,001	0,987	0,064
SLODR с неравномерно убывающими коэффициентами	Модель 0	13,414	2	—	—	—	0,998	0,034
	Модель 1	16,286	4	2,872	2	0,238	0,998	0,025
	Модель 2	60,276	5	43,99	1	< 0,001	0,992	0,047
	Модель 3	71,685	6	11,409	1	0,001	0,99	0,047

Примечание. Модель 0 – конфигурационная, модель 1 – слабая инвариантность, модель 2 – сильная инвариантность, модель 3 – инвариантность дисперсии факторов.

На следующем шаге на модель накладывается одна связь – приравниваются интерсепты (соответствующие свободным членам в регрессионном уравнении). Хотя, кроме реальных данных, тест не выдержали и симуляции разной плотности заданий, но степень «провала» их хи-квадрат оценки не так велика, как реальных. Очень сильно «провалилась» также симуляция с неравномерно убывающими коэффициентами.

Наконец, последняя проверка показывает, что во всех случаях, кроме обоих вариантов симуляции заданий разной плотности, приравнивание дисперсии g сильно ухудшает показатель хи-квадрат, что означает выраженность эффекта SLODR – неравные дисперсии g сильно сопротивляются приравниванию.

3.4. Обсуждение. В предыдущем пункте мы следовали схеме, описанной в работе [11] (несколько сократив ее). Комментарии также проводились в духе этой схемы. Однако сама схема вызывает у нас некоторые вопросы. Во-первых, отметим, что в статье уровень значимости 0,05 используется как граница принятия решений, что после серьезной критики в сотнях работ в настоящее время вовсе не является общепринятым. При этом критикуется не числовое значение 0,05, а логика рассуждений, когда на основании положения результата относительно некой границы принимается решение (в цитируемой статье, например, равны vs не равны факторные нагрузки и другие параметры модели в двух группах). Логическая схема проверок инвариантностей тесно связана с принятием подобных решений. Вывод о наличии эффекта SLODR делается постольку, поскольку все предыдущие проверки «устрожение» модели выдержало, а последнюю, связанную с равенством дисперсий g – нет, что свидетельствует о неравенстве дисперсий. Однако оценка хи-квадрат в данном случае не статистическая (она не зависит от объема выборки), а количественная. Она говорит о степени уменьшения точности модели при уменьшении количества свободных параметров. Здесь важнее обращать внимание на отношение изменения хи-квадрат к числу степеней свободы, а не на значимость, которая отвечает на другой вопрос.

Во-вторых, как мы видим из наших данных, применение схемы грозит ошибками: схема остановилась бы на отвержении реальных данных и симуляции неравномерно убывающих коэффициентов на этапе уравнивания интерсептов, которое, по мнению авторов, ничего не говорит о наличии или отсутствии эффекта SLODR, и в то же время симуляция отбора наблюдений такую проверку бы выдержала и эффект SLODR был бы для нее установлен. Как нам представляется, существенное увеличение показателя хи-квадрат на любом этапе может быть интерпретировано. Например, заметное ухудшение оценки хи-квадрат при фиксации равенства интерсептов для симуляции неравномерно убывающих коэффициентов вполне понятно: сопряженный с приравниванием интерсептов сдвиг нуля из центра распределения g в верхней подгруппе на нуль нижней группы¹ приводит к резко-

¹ Эти операции делаются в данной схеме без перехода к факторным значениям, поэтому точно говорить о сдвиге нуля невозможно. Однако, если перейти на уровень факторных значений, то ситуация станет вполне прозрачной.

му росту влияния непропорциональности факторных нагрузок, заложенной в программу симуляции. Но похожий рост мы видим и в реальных данных.

Выводы

Мы показали, что проверка гипотезы Спирмена с помощью методов, которые сопоставляют характеристики подвыборок, порожденных медианным делением, не гарантирует валидности выводов вследствие отсутствия жесткой метрики на тестовых данных. Отметим прежде всего, что метод проверки инвариантности в том виде, как он изложен в работе [11], оставит вопрос о наличии эффекта SLODR без ответа в «сыром» и нормализованном вариантах реальных данных (поскольку они не выдержат перехода от модели первого к модели второго уровня), в то время как этот эффект им, скорее всего, присущ. С другой стороны, смоделированные данные с искусственным, порожденным отбором респондентов SLODR-подобным поведением проходят тест на наличие эффекта безукоризненно. Эта форма использования структурных моделей уступает сравнению стандартизованных моделей, рассмотренному в разд. 2, только из-за жесткой логической формы, которая диагностирует эффект SLODR лишь в случае приемлемой значимости, характеризующей оценку разности хи-квадрат при переходах на уровнях 0–1 и 1–2. Мы уже отмечали, кроме того, что обоснованность принятия решений, исходя из граничного значения 0,05, вызывает большие сомнения. Вопрос о статистическом оценивании различий мы оставляем пока в стороне, иначе статья увеличилась бы до совершенно неприемлемого объема, но ясно, что рассмотрение F-отношения (дисперсий g или RVE по подвыборкам; в случае выборки нашего объема значимость 0,05 соответствует примерно трехпроцентному отличию дисперсий числителя и знаменателя) выглядит более приемлемым с точки зрения статистики. Продолжая характеристику обоих вариантов использования структурных моделей, мы видим, что оба метода дают основания усомниться в наличии эффекта SLODR только в случае симуляции различной плотности заданий. Этот же вывод можно сделать с помощью более наглядного индикатора – одновременного сопоставления дисперсии g и показателя RVE по подвыборкам: то, что оба они оказываются выше в нижней подвыборке. Сравнительно низкая чувствительность RVE в этом случае связана с тем обстоятельством, что различие RVE в большей степени проявляется на краях выборки, а в среднем значении по подгруппам при медианном делении преобладают представители середины распределения всей группы. Этот дефект может быть легко учтен и нейтрализован.

В следующих работах мы рассмотрим в рамках подхода данной статьи и последний по времени метод использования структурных уравнений в исследованиях SLODR: структурные модели с моделированием коэффициентов. Мы думаем, что по той же причине отсутствия определенной метрики на тестовых шкалах результаты получатся похожими на полученные в данной работе. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что авторы

этого подхода в последней работе [14] обратились к Item-response theory, чтобы иметь более определенную метрику в тестовых результатах.

Кроме того, мы считаем полезным продолжить попытки найти более простые и прямые измерители эффектов типа SLODR (подобные RVE), чем недостаточно хорошо контролируемые и интерпретируемые характеристики структурных моделей.

Литература

1. Spearman C. The abilities of man. New York : MacMillan, 1927.
2. Arden R., Plomin R. Scant evidence for Spearman's law of diminishing returns in middle childhood // *Personality and individual differences*. 2007. V. 42, № 4. P. 743–753. DOI: 10.1016/j.paid.2006.08.010.
3. Dombrowski S.C., Canivez G.L., Watkins M.W. Factor Structure of the 10 WISC-V Primary Subtests Across Four Standardization Age Groups // *Contemporary School Psychology*. 2018. V. 22, № 1. P. 90–104. DOI: 10.1007/s40688-017-0125-2.
4. Hartmann P., Reuter M. Spearman's "Law of Diminishing Returns" tested with two methods // *Intelligence*. 2006. V. 34, № 1. P. 47–62. DOI: 10.1016/j.intell.2005.06.002.
5. Blum D., Holling H. Spearman's law of diminishing returns. A meta-analysis // *Intelligence*. 2017. V. 65. P. 60–66. DOI: 10.1016/j.intell.2017.07.004.
6. Murray A.L., Dixon H., Johnson W. Spearman's law of diminishing returns: a statistical artifact? // *Intelligence*. 2013. V. 41, № 5. P. 439–451. DOI: 10.1016/j.intell.2013.06.007.
7. Beaujean A.A. John Carroll's views on intelligence: Bi-factor vs. higher-order models // *Journal of Intelligence*. 2015. V. 3, № 4. P. 121–136. DOI: 10.3390/jintelligence3040121.
8. Morgan G.B., Hodge K.J., Wells K.E., Watkins Are fit indices biased in favor of bi-factor models in cognitive ability research? A comparison of fit in correlated factors, higher-order, and bi-factor models via Monte Carlo simulations // *Journal of Intelligence*. 2015. V. 3, № 1. P. 2–20. DOI: 10.3390/jintelligence3010002.
9. Molenaar D. On the distortion of model fit in comparing the bifactor model and the higher-order factor model // *Intelligence*. 2016. V. 57. P. 60–63. DOI: 10.1016/j.intell.2016.03.007.
10. Molenaar D., Dolan C.V., Wicherts J.M., van der Maas H.L. Modeling differentiation of cognitive abilities within the higher-order factor model using moderated factor analysis // *Intelligence*. 2010. V. 38, № 6. P. 611–624. DOI: 10.1016/j.intell.2010.09.002.
11. Reynolds M.R., Keith T.Z. Spearman's law of diminishing returns in hierarchical models of intelligence for children and adolescents // *Intelligence*. 2007. V. 35, № 3. P. 267–281. DOI: 10.1016/j.intell.2006.08.002.
12. Reynolds M.R., Keith T.Z., Beretvas S.N. Use of factor mixture modeling to capture Spearman's law of diminishing returns // *Intelligence*. 2010. V. 38, № 2. P. 231–241. DOI: 10.1016/j.intell.2010.01.002.
13. Shwabe I. Nature, Nurture and Item Response Theory – a Psychometric Approach to Behaviour Genetics. Thesis for: PhD, 2016. DOI: 10.3390/1.9789036540735.
14. Molenaar D., Kö N., Rózsa S., Mészáros A. Differentiation of cognitive abilities in the WAIS-IV at the item level // *Intelligence*. 2017. V. 65. P. 48–59. DOI: 10.1016/j.intell.2017.10.004.
15. Сугоняев К.В., Радченко Ю.И. «Закон уменьшения отдачи» Спирмена: исследование на масштабных российских выборках // *Вестник ЮУрГУ. Сер. Психология*. 2018. Т. 11, № 1. С. 5–21. DOI: 10.17223/17267080/69/1.
16. Wang J., Wang X. Structural equation modeling: Applications using Mplus. John Wiley & Sons, 2012. DOI: 10.1002/9781118356258.

Поступила в редакцию 20.01.2019 г.; принята 19.02.2019 г.

Корнеев Алексей Андреевич – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: korneeff@mail.ru

Кричевец Анатолий Николаевич – доктор философских наук, кандидат физико-математических наук, профессор кафедры методологии психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: ankrich@mail.ru

Ушаков Дмитрий Викторович – доктор психологических наук, профессор, директор ФГБУН Институт психологии РАН; заведующий кафедрой общей психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; член-корреспондент РАН.

E-mail: dv.ushakov@gmail.com

For citation: Korneev, A.A., Krichevets, A.N., Ushakov, D.V. Spearman's Law of Diminishing Returns: the Impact of the Distribution Asymmetry in Artefact Producing. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2019; 71:24-43. doi: 10.17223/17267080/71/2. In Russian. English Summary

Spearman's Law of Diminishing Returns: the Impact of the Distribution Asymmetry in Artefact Producing

Alexej A. Korneev^a, Anatolij N. Krichevets^a, Dmitriy V. Ushakov^{a,b}

^a Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

^b Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 3 build. 1, Yaroslavskaya Str., Moscow, 129366, Russian Federation

Abstract

Spearman's law of diminishing returns (SLODR) is the hypothesis formulated in 1927 by Ch. Spearman. It states that intercorrelations between intellectual tests are higher when the dataset contains subjects with less intellectual abilities (factor g score) and vice versa. After almost hundred years of researches only the trend in average was detected. Several works had shown also that test distribution asymmetry may lead to the artefactual appearance of SLODR effect but no systematic analysis of different sources of asymmetry was provided. The aim of our work is to check and to compare the real data set and two simulated sets with different sources of the asymmetry both of which does not present the real SLODR effect but only asymmetry, and the simulation set with SLODR effect. We used three methods of SLODR detection to test whether they can differentiate real and artefactual SLODR effect. The first simulates the asymmetrical choice of respondents with different ability test results. The second one simulates the case of different density of the tasks with different difficulty. We select the simulation parameters so that the simulated data correlation matrixes to be similar to one of the real data, and at the same time all distributions to have similar asymmetry parameters.

The SLODR testing methods use the dividing a data sample into two subsamples by g factor median. Then we used so called traditional method comparing the g deviation in subsamples, the structural models comparing, the invariance testing in nested structural models (Reynolds et al, 2010), and the original method of 'Running Variance Estimate'. This method gives the one point estimate of the (1-r) for every 'participant' and so allows getting estimates of 1-r for any subsets of data set, not only for subset having got by median or any other dichotomy. So we can detect not only monotonic change of subtests intercorrelation, but also the non-

monotonic ones. We test the ability of such a detection simulating the dataset with such a property.

The results in general demonstrate that all methods used can't differentiate real and artificial SLODR effect having got alone. The summary of all methods gives better result but it is also not complete. We think that this non-completeness is indispensable until sufficient psychometric properties (interval scales in terms of Stevens' typology) be provided.

We think that the method of moderated factor analysis that had appeared in some more recent works (Molenaar et al, 2010) as a mean to avoid the problem can't give the essential effect and we hope to test the hypothesis in following research.

Keywords: intelligence; Spearman's law of diminishing returns; mathematical modeling; structural modeling; structure of intelligence.

References

1. Spearman, C. (1927) *The Abilities of Man*. New York: MacMillan.
2. Arden, R. & Plomin, R. Scant evidence for Spearman's law of diminishing returns in middle childhood. *Personality and Individual Differences*. 42(4). pp. 743–753. DOI: 10.1016/j.paid.2006.08.010
3. Dombrowski, S.C., Canivez, G.L. & Watkins, M.W. (2018) Factor Structure of the 10 WISC-V Primary Subtests Across Four Standardization Age Groups. *Contemporary School Psychology*. 22(1). pp. 90–104. DOI: 10.1007/s40688-017-0125-2
4. Hartmann, P. & Reuter, M. (2006) Spearman's "Law of Diminishing Returns" tested with two methods. *Intelligence*. 34(1). pp. 47–62. DOI: 10.1016/j.intell.2005.06.002
5. Blum, D. & Holling, H. (2017) Spearman's law of diminishing returns. A meta-analysis. *Intelligence*. 65. pp. 60–66. DOI: 10.1016/j.intell.2017.07.004
6. Murray, A.L., Dixon, H. & Johnson, W. (2013) Spearman's law of diminishing returns: a statistical artifact? *Intelligence*. 41(5). pp. 439–451. DOI: 10.1016/j.intell.2013.06.007
7. Beaujean, A.A. (2015) John Carroll's views on intelligence: Bi-factor vs. higher-order models. *Journal of Intelligence*. 3(4). pp. 121–136. DOI: 10.3390/jintelligence3040121
8. Morgan, G.B., Hodge, K.J., Wells, K.E. Watkins, M.W. (2015) Are fit indices biased in favor of bi-factor models in cognitive ability research? A comparison of fit in correlated factors, higher-order, and bi-factor models via Monte Carlo simulations. *Journal of Intelligence*. 3(1). pp. 2–20. DOI: 10.3390/jintelligence3010002
9. Molenaar, D. (2016) On the distortion of model fit in comparing the bifactor model and the higher-order factor model. *Intelligence*. 57. pp. 60–63. DOI: 10.1016/j.intell.2016.03.007
10. Molenaar, D., Dolan, C.V., Wicherts, J.M. & van der Maas, H.L. (2010) Modeling differentiation of cognitive abilities within the higher-order factor model using moderated factor analysis. *Intelligence*. 38(6). pp. 611–624. DOI: 10.1016/j.intell.2010.09.002
11. Reynolds, M.R. & Keith, T.Z. (2007) Spearman's law of diminishing returns in hierarchical models of intelligence for children and adolescents. *Intelligence*. 35(3). pp. 267–281. DOI: 10.1016/j.intell.2006.08.002
12. Reynolds, M.R., Keith, T.Z. & Beretvas, S.N. (2010) Use of factor mixture modeling to capture Spearman's law of diminishing returns. *Intelligence*. 38(2). pp. 231–241. DOI: 10.1016/j.intell.2010.01.002
13. Shwabe, I. (2016) *Nature, Nurture and Item Response Theory – a Psychometric Approach to Behaviour Genetics*. Thesis for PhD. DOI: 10.3990/1.9789036540735
14. Molenaar, D., Kö, N., Rózsa, S. & Mészáros, A. (2017) Differentiation of cognitive abilities in the WAIS-IV at the item level. *Intelligence*. 65. pp. 48–59. DOI: 10.1016/j.intell.2017.10.004
15. Sugonyaev, K.V. & Radchenko, Yu.I. (2018) Spearman's law of diminishing returns: investigation on large-scales Russian samples. *Vestnik YuUrGU. Ser. Psikhologiya* –

Bulletin of South Ural State University. Series "Psychology". 11(1). pp. 5–21. (In Russian).
DOI: 10.17223/17267080/69/1

16. Wang, J. & Wang, X. (2012) *Structural equation modeling: Applications using Mplus*. John Wiley & Sons. DOI: 10.1002/9781118356258

Received 20.01.2019; Accepted 19.02.2019

Alexej A. Korneev – Senior Researcher, Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology Lomonosov Moscow State University, Cand. Sc. (Psychol).

E-mail: korneeff@mail.ru

Anatolij N. Krichevets – Professor, Department of Methodology of Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, D. Sc.

E-mail: ankrich@mail.ru

Dmitrij V. Ushakov – Director, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; Head of the Chair of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University. Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, D. Sc., professor.

E-mail: dv.ushakov@gmail.com

УДК 159.9

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И УБЕЖДЕНИЯ РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: ПРИЗЫВНИКИ И КОНТРАКТНИКИ

Р.И. Атагунов^а, Б.С. Алишев^б

^а Войсковая часть № 29286, Россия, Новосибирск

^б Казанский федеральный университет, 420008, Россия, Казань, ул. Кремлёвская, 18

Анализируются социальные верования и убеждения российских военнослужащих: призывников и контрактников. Показано, что для обеих групп испытуемых характерна выраженность позитивных убеждений и верований (вера в справедливость, безопасность, доброжелательность людей, в свою способность контролировать жизнь, позитивный образ Я и др.). При этом они являются более позитивными у военнослужащих-контрактников. Установлены также факторная структура социальных верований (убеждений) военнослужащих и связь этих верований с личностными чертами «большой пятерки».

Ключевые слова: военнослужащие; призывники; контрактники; социальные убеждения; социальные верования; установки; личностные черты.

Введение

Личный состав Российской армии уже давно комплектуется как по призыву, так и по контракту. По официальным данным Министерства обороны, в настоящее время число служащих по контракту превысило число солдат-призывников, и поскольку они заключают контракт, как правило, на несколько лет, а призывники служат только год, именно контрактники составляют сегодня основную боевую силу армии. Однако ее боеготовность и способность защищать страну в значительной мере зависят от того, как взаимодействуют друг с другом эти группы военнослужащих, какое между ними существует взаимопонимание. Это зависит от множества факторов, но в том числе и от наличия у них общих элементов мировоззрения, например общих ценностей, социальных убеждений и верований. Поэтому в данной статье ставится цель определить, насколько совпадают или различаются некоторые базовые компоненты системы социальных верований и убеждений разных групп российских военнослужащих.

Теоретические положения

В современной психологии используется ряд понятий – «мировоззрение», «внутренний мир», «образ мира» и др. – для обозначения всей совокупности знаний (в том числе обыденных), субъективных значений и

отношений, чувств и переживаний человека. Например, А.Н. Леонтьев и С.Д. Смирнов активно разрабатывали концепцию образа мира [1, 2], обращая особое внимание на описание его структуры. По А.Н. Леонтьеву, в структуре образа мира необходимо выделять, во-первых, образы-представления перцептивного порядка, а во-вторых, систему значений [1. С. 253–254]. Это утверждение не вызывает принципиальных возражений, но полностью согласиться с ним можно лишь в том случае, если расширять содержание понятия «образ» (и «представление») или расширять содержание понятия «значение».

Поясним свою мысль. У человека есть множество представлений, которые в строгом смысле слова имеют лишь косвенное, опосредованное отношение к перцептивной сфере психики. Это, например, представления о различных психологических, нравственных, социальных, политических и других сущностях (сознание, мышление, добро, свобода, консерватизм, право и т.д.), о соотношениях между отдельными сторонами объективной и субъективной действительности (случайность, неопределенность, рациональность, тождество, различие, справедливость, доверие и т.д.) и др. Формирование и закрепление в сознании (во внутреннем мире) таких представлений, безусловно, происходит в результате ежедневного восприятия человеком множества фактов и событий. Но, по-видимому, большую роль в этом играют не процессы получения информации, а процессы их анализа и переработки. Такие представления трудно называть феноменами чисто перцептивного порядка.

С другой стороны, говоря о значениях, обязательно нужно учитывать, что они бывают и конкретными, привязанными к отдельным объектам и ситуациям или к их конкретным свойствам, и абстрактными, обобщенными [3]. В первом случае можно, например, говорить о значении для человека, стоящего на остановке, приближающегося к ней автобуса. Во втором случае нужно обсуждать вопрос о фундаментальных, обобщенных значениях. Такие значения приобретают форму убеждений, ценностей, верований и начинают «жить отдельной жизнью» в ментальном мире человека, отрываясь от прямой привязки к отдельным объектам и ситуациям. Каждый человек имеет убеждения, каждый во что-то верит. Например, кто-то верит в то, что нужно быть великодушным и милосердным к людям, а некто иной, проходящий сейчас мимо него, наоборот, убежден в том, что никому ничего нельзя прощать.

Такие убеждения и верования образуют важную структурную часть образа мира человека, к тому же они оказывают огромное влияние на его поведение, на принимаемые им решения, на оценки им всего происходящего. Именно поэтому их изучению в психологии уделяется пристальное внимание. Однако в этой области исследований до сих пор нет общепринятых концептуальных моделей. В отечественной психологии часто используются как синонимичные понятия «убеждения» (социальные убеждения) и «верования» (социальные верования), но иногда почти в таком же смысле употребляются понятия «ценность», «установка», «представление». В дан-

ной статье мы тоже будем пользоваться двумя первыми понятиями, не проводя между ними никаких различий. Кстати, зарубежные исследователи оперируют в основном одним понятием – beliefs (social beliefs), но на этом единство между ними и заканчивается.

Далее под социальными верованиями (убеждениями) мы будем иметь в виду особую разновидность представлений личности, т.е. «ментальных образований... выполняющих функцию структурирования и объяснения действительности» [4. С. 51]. Это значит, что, с нашей точки зрения, нет существенных различий между собственно представлениями и убеждениями, понимаемыми в широком смысле, так как любое представление может превращаться в убеждение. То есть различие может состоять лишь в мере субъективного значения того или иного представления. В этом смысле убеждения сближаются с аттитюдами и установками, отличаясь от них, возможно, лишь большей мерой осознанности (более подробно об этом см.: [Там же]).

Большое (и неопределенное) число различных убеждений, существующих у каждого человека, конечно же, делает актуальным вопрос об их систематизации и классификации. В этом плане можно провести, например, аналогию с вопросом о классификации черт и психологических свойств личности, много десятилетий увлекавшим психологов. Когда-то попытки его решения привели к появлению факторных моделей и в конце концов – к созданию наиболее популярной сегодня модели big five [5]. К сожалению, таких же хорошо проверенных моделей, которые бы структурировали не совокупность личностных черт, а совокупность личностных убеждений и верований, в современной психологии нет.

Справедливости ради нужно отметить, что две существующие модели претендуют на универсальное описание сферы социальных убеждений и верований. Первая из них была предложена R. Janoff-Bulman [6], а вторая – M. Bond и K. Leung [7]. Обе претендуют на универсальность (вторая – даже на кросс-культурную универсальность), что, однако, не только не доказано, но и вызывает большие сомнения. Достаточно сравнить, например, содержание шкал в соответствующих методиках, чтобы прийти к выводу о том, что они совершенно различны, а то, что претендует на универсальность, не может быть столь разным.

Кроме того, имеется множество частных концепций, описывающих отдельные аспекты структуры социальных верований и убеждений личности. В отечественных исследованиях довольно часто можно встретить ссылки, например, на разработки J. Duckitt, B. Altmeyer, K. Dalbert и др. Существует также множество других тестов, разработанных для измерения выраженности различных мировоззренческих, политических, нравственных, религиозных и другого типа убеждений, верований и установок. Все они сильно отличаются друг от друга по содержанию, в них делается акцент на разных аспектах и сторонах понимания человеком окружающего мира и определения им своего места в нем. В данном исследовании у нас нет возможности проанализировать все эти модели, созданные разными авторами

для разных целей. Поэтому далее мы остановимся лишь на тех, которые представляют особый интерес в связи с изучением особенностей мировоззрения различных групп российских военнослужащих.

Нас будет также интересовать вопрос о том, как связаны эти верования и убеждения с фундаментальными личностными чертами. Часто утверждается, что одинаковыми убеждениями могут обладать люди с совершенно разными темпераментами и чертами характера и в то же время разными могут быть убеждения у людей, обладающих одинаковым характером. Получается, что характерологическая и мировоззренческая составляющие личности (их можно также назвать формально-психологической и содержательной составляющими) должны относиться к совершенно разным ее сферам. В рамках модели структуры личности К.К. Платонова, например, их можно отнести соответственно к подсистеме индивидуальных особенностей и к подсистеме направленности [8]. Если эти сферы (подсистемы) совершенно самостоятельны и никак не зависят друг от друга, то между системами убеждений (верований) и личностных черт действительно не должно быть никаких связей.

Однако понятие «личностная черта», широко используемое в современных факторных теориях, вовсе не тождественно понятию «черта характера». Дело не только в том, что первое является научным конструктом и в этом смысле определенной абстракцией, а второе, наоборот, обозначает нечто очень конкретное, наблюдаемое в различных актах поведения личности. Суть в том, что «личностная черта» – это некая результирующая, обозначение для комплекса разнообразных проявлений личности, за которыми скрывается нечто глубоко общее, но недоступное прямому наблюдению и измерению. Она может проявляться в очень разных психических феноменах: в действиях и мотивах, в чувствах и переживаниях, в установках и отношениях. Вот почему А.Г. Шмелев в связи с этим вынужден был отметить: «Вместо термина “черта” все чаще используются термины “установка” и “отношение”» [9. С. 56].

Такой широкий подход делает вполне допустимым предположение о том, что наличие у человека каких-то устойчивых личностных черт может способствовать формированию у него определенных социальных верований и убеждений. Такие исследования проводятся, хотя их не слишком много, и они обычно подтверждают наличие указанной связи [10–12]. В данной работе мы планируем проверить и это предположение, что можно рассматривать как еще одну задачу, решаемую в ней.

Методика исследования

Зарубежными исследователями разработано большое количество опросников и шкал, предназначенных для измерения различного типа социальных убеждений и верований. Большую их часть составляют шкалы для измерения выраженности какого-либо одного (двух) убеждения, а меньшую – сравнительно большие опросники, состоящие из нескольких

шкал и, соответственно, позволяющие измерить выраженность сразу нескольких убеждений (как правило, находящихся в той или иной связи друг с другом). В данном исследовании использовались методики, наиболее популярные среди российских психологов.

1. Два опросника J. Duckitt, предназначенные для измерения веры в опасный мир и в конкурентный мир [13], в переводе и адаптации на русский язык О.А. Гулевич с соавт. [14].

2. Опросник K. Dalbert для измерения веры в справедливый мир [15]. Две его шкалы позволяют определить веру в общую справедливость и в справедливость «для меня». Русскоязычная версия была разработана С.К. Нартовой-Бочавер с соавт [16].

3. Опросник базовых убеждений R. Janoff-Bulman, включающий в себя пять шкал: вера в доброжелательность (благосклонность) мира, вера в справедливое устройство мира, вера в собственный позитивный образ, вера в свою способность контролировать происходящее, вера в удачу [6]. Русскоязычный вариант методики, использованный нами, был предложен М.А. Падун и В.А. Котельниковой [17].

4. Опросник «социальные аксиомы» K. Leung и M. Bond, тоже состоящий из пяти шкал: социальный цинизм, религиозность, вера в свою способность контролировать судьбу, вера в необходимость следования принципу баланса (усилия должны вознаграждаться), вера в сложность мира [7]. В данном исследовании использовалась одна из сокращенных русскоязычных версий данного опросника, разработанная Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко [18].

5. Опросник «большой пятерки» (SPFQ), разработанный американскими психологами R. McCrae и P. Costa [19], состоящий из шкал, каждая из которых измеряет выраженность одной из пяти считающихся фундаментальными и универсальными психологических черт (свойств) личности: интроверсия–экстраверсия, привязанность (включенность)–отчужденность, самоконтроль–импульсивность, эмоциональность–сдержанность, экспрессивность–практичность. В данном исследовании использовалась его русскоязычная версия, подготовленная А.Б. Хромовым [20].

6. Дополнительно в исследовании использовались еще две методики: опросник удовлетворенности жизнью (SWLS) E. Diener [21], русскоязычная версия которого принадлежит Д.А. Леонтьеву и Е.Н. Осину [22], и опросник диспозиционного оптимизма, разработанный Т.О. Гордеевой с соавт. [23] на основе теста жизненных ориентаций (LOT) M. Scheier и Ch. Carver [24].

Выборка исследования

Исследование было проведено в 2017 г. в воинских частях Центрального военного округа. Размер выборки по разным методикам был неодинаковым. Максимальным он был по первым трем методикам и опроснику удовлетворенности жизнью: 219 контрактника и 207 призывников. По опросникам социальных аксиом и «большой пятерки» были опрошены 84 контрактника и 89 призывников (одновременно они отвечали и на первые три задания).

По опроснику диспозиционного оптимизма размер выборки составил 135 контрактников и 118 призывников, все они также дали ответы по первым трем заданиям.

Все испытуемые были мужчинами в возрасте от 18 до 43 лет, причем средний возраст контрактников значительно превышал средний возраст призывников (соответственно 27,5 лет при стандартном отклонении 4,91 и 20,5 лет при стандартном отклонении 1,96). Существенно отличался, разумеется, и средний срок службы в армии: 0,7 года у призывников и 4,1 года у контрактников.

Результаты исследования

Наиболее важные результаты исследования приведены в трех нижеследующих таблицах. В первой из них представлены средние значения индексов по всем измерявшимся социальным верованиям, психологическим чертам личности и удовлетворенности жизнью в обеих группах военнослужащих, а также показатель статистической достоверности различий между ними (в данном случае двухсторонний ϵ -критерий Стьюдента).

Таблица 1

Средние значения выраженности различных социальных убеждений в группах военнослужащих – призывников и контрактников

№	Параметры	Призыв		Контракт		Т
		М	SD	М	SD	
1	Вера в опасный мир (36)	34,22	6,78	32,42	6,54	2,79
2	Вера в конкурентный мир (36)	29,18	6,89	26,51	6,49	4,12
3	Вера в общую справедливость (21)	24,72	5,07	26,21	5,03	-3,06
4	Вера в справедливость «для меня» (24,5)	30,62	5,95	32,41	6,07	-3,08
5	Вера в благосклонность мира (27)	30,47	5,97	32,29	6,28	-3,07
6	Вера в справедливость мира (18)	19,61	3,44	20,82	3,00	-3,85
7	Позитивный образ Я (21)	25,10	4,49	27,58	3,92	-6,06
8	Вера в способность к контролю (21)	24,63	4,69	26,26	3,63	-4,00
9	Вера в удачу (24)	26,92	5,03	28,93	4,51	-4,33
10	Социальный цинизм (44)	42,17	7,32	43,23	6,91	-0,98
11	Вера в сложность мира (20)	21,12	3,61	23,21	4,02	-3,59
12	Приверженность принципу баланса (36)	40,93	8,78	45,93	6,78	-4,20
13	Религиозность (24)	27,22	5,89	29,48	6,32	-2,42
14	Контроль судьбы (24)	26,65	4,96	22,76	5,90	2,33
15	Интроверсия / экстраверсия (45)	47,19	7,76	52,38	8,40	-4,21
16	Привязанность/отчужденность (45)	48,45	7,94	56,51	9,28	-6,12
17	Самоконтроль / импульсивность (45)	49,73	9,18	59,92	9,92	-6,52
18	Эмоциональность / сдержанность (45)	42,44	8,12	38,06	10,55	3,05
19	Экспрессивность / практичность (45)	47,45	7,40	49,51	8,75	-1,75
20	Диспозиционный оптимизм (24)	31,23	5,67	32,81	4,50	-2,43
21	Удовлетворенность жизнью (20)	24,82	4,95	26,85	4,58	-4,38

Примечания. 1. М – средние арифметические, SD – стандартное отклонение, Т – значение t -статистики Стьюдента. 2. В скобках после названий шкал (параметров) приведены медианные значения по ним. 3. Жирным шрифтом выделены показатели t -статистики Стьюдента, значимые на уровне $\alpha \leq 0,01$.

Из табл. 1 следует, во-первых, что по большинству социальных верований (убеждений) молодые мужчины-военнослужащие имеют показатели, отличающиеся от медианных по соответствующим шкалам. Иными словами, они более склонны верить в то, что социальный мир безопасен, основывается не на конкуренции, а на сотрудничестве людей, справедливо устроен, в том числе по отношению к ним, доброжелателен. Также они считают себя хорошими людьми, верят в удачу и в свою способность контролировать события, считают, что усилия должны вознаграждаться и что мир устроен сложно. Лишь по двум шкалам теста социальных аксиом: социальный цинизм и контроль судьбы, – их показатели находятся на уровне медианных.

Во-вторых, призывники и контрактники отличаются друг от друга по степени выраженности большинства социальных верований. В частности, призывники в достоверно большей степени уверены в том, что окружающий их мир опасен и конкурентен. Контрактники же, напротив, склонны воспринимать его как более безопасный и основанный не на конкуренции, а на сотрудничестве. С другой стороны, военнослужащие-контрактники в очевидно большей степени верят в справедливое устройство мира и в его благосклонность к ним. Кроме того, они имеют более позитивный образ Я, более уверены в своей способности контролировать события, больше верят в удачу, наконец, они более удовлетворены своей жизнью. Таким образом, почти по всем параметрам военнослужащие-контрактники демонстрируют более позитивные социальные убеждения, нежели военнослужащие-призывники. Кроме того, из табл. 1 следует, что военнослужащие-контрактники демонстрируют достоверно более высокие показатели по трем из пяти личностных черт «большой пятерки». У них оказались более высокие индексы интроверсии, привязанности (согласия) и самоконтроля (сознательности) и более низкий показатель по шкале эмоциональности (нейротизма).

С чем могут быть связаны все эти различия? Можно обратить внимание на то, что контрактники заметно старше (в среднем примерно на 7 лет), соответственно, они в три с лишним раза чаще имеют семью и детей. Однако оказалось, что дело не в этом. При разделении выборки контрактников на две части: более молодую, до 24 лет включительно, в которую вошли 64 человека (средний возраст – 22,7, средний срок службы, включая службу по призыву, – 1,6 года), и старшую – 155 человек (средний возраст – 29,5 лет, средний срок службы – 5,2 года), – никаких различий по социальным верованиям и убеждениям (по методикам J. Duckitt, K. Dalbert и R. Janoff-Bulman) между ними обнаружено не было.

Поэтому главная причина различий должна состоять в другом. Все военнослужащие-контрактники выбрали службу в армии в качестве своего профессионального рода занятий добровольно. Конечно, часть из них заинтересована в службе только как в источнике постоянного дохода, но для многих это – лучшее занятие из всех возможных. Они хорошо адаптировались к службе и чувствуют себя в армии лучше, чем «на гражданке». Что касается призывников, несмотря на то, что они служат только год, хотя часть из них позже заключает контракт, среди них немало тех, кто нахо-

дится в армии не по желанию, плохо адаптируется к условиям службы, с нетерпением ожидает окончания срока службы. В целом эти различия создают различный эмоциональный фон в двух группах военнослужащих и влияют на восприятие и оценку ими своей жизни и окружающих реалий. В то же время нельзя забывать, что среди призывников, как только что было отмечено, тоже немало молодых людей, для которых воинская служба становится чуть позже профессиональной деятельностью.

К тому же эксплораторный факторный анализ (ЭПА), проведенный с помощью программы SPSS16 (метод принципиальных компонент, вращение Varimax), показал, что различия между призывниками и контрактниками не носят сущностного характера. Выяснилось, что в обеих выборках испытуемых (в данном случае 89 и 84 человека соответственно) 14 измерившихся параметров, относящихся к сфере социальных убеждений личности, и удовлетворенность жизнью образуют фактически идентичную факторную структуру. В обоих случаях 2 фактора объясняют более 50% общей дисперсии, причем основной из них – 34–37% (метод максимального правдоподобия дает чуть меньшие результаты). Состав факторов тоже одинаковый, а несколько отличаются только факторные нагрузки. Это позволяет объединить выборки и осуществить факторизацию на всем массиве. Ее результаты приведен в табл. 2.

Таблица 2

Факторная структура социальных убеждений и верований военнослужащих

№	Убеждения (верования)	Призыв		Контракт		Все	
		Ф1	Ф2	Ф1	Ф2	Ф1	Ф2
1	Вера в опасный мир	-,461	,103	-,588	,116	-,534	,213
2	Вера в конкурентный мир	-,682	,034	-,691	,352	-,725	,199
3	Вера в общую справедливость	,699	-,061	,781	-,256	,757	-,188
4	Вера в справедливость «для меня»	,787	-,170	,696	-,200	,724	-,183
5	Вера в благосклонность мира	,567	-,454	,612	-,218	,564	-,450
6	Вера в справедливость мира	,532	,239	,628	,109	,603	,069
7	Позитивный образ Я	,762	,218	,759	-,266	,819	-,007
8	Вера в способность к контролю	,726	,303	,772	,158	,784	,201
9	Вера в удачу	,796	,099	,753	-,013	,796	-,012
10	Социальный цинизм	,145	,818	-,047	,771	,130	,847
11	Вера в сложность мира	,518	,527	,613	,069	,646	,297
12	Приверженность принципу баланса	,691	,590	,638	,465	,737	,482
13	Религиозность	-,042	,306	-,024	,586	,045	,339
14	Контроль своей жизни	-,265	,622	-,174	,704	-,248	,639
15	Удовлетворенность жизнью	,384	,549	,522	-,072	,536	,231

Примечания. 1. Выборка для факторного анализа состояла 89 призывников и 84 контрактников. 2. В матрицу для факторного анализа не были включены данные по диспозиционному оптимизму, поскольку они имелись лишь по другой части выборки. 3. В матрицу не были включены также данные по «большой пятерке» личностных черт.

Первый из двух факторов, так или иначе, объединяет 12 параметров из 15, в том числе удовлетворенность жизнью. Его положительный полюс образован позитивным образом Я, верой в удачу и в свою способность контро-

лизовать события. На противоположном полюсе находятся убеждение в опасности окружающего мира и убеждение в том, что он основывается на конкуренции и противоборстве людей. Очень похоже, что латентный смысл этого фактора заключается в том, что «хорошее» Я противостоит гораздо более «плохому» внешнему миру. Формируя такую систему убеждений (верований), Я защищается от внешнего мира. Ядро второго фактора образуют всего лишь два убеждения (социальные аксиомы): социальный цинизм и убеждение в возможности контролировать жизнь, – а противоположностью им является убеждение в благосклонности и доброжелательности мира. Возможно, данный фактор в большей степени связан с оппозицией рационального, прагматического и иррационального, романтического в восприятии и оценке мира личностью.

Отметим также, что при анализе результатов исследования мы проводили ЭПА на более полной матрице с включением показателей по личностным чертам из «большой пятерки». Однако это мало что изменило. Оптимальной для данного варианта матрицы оказалась трехфакторная модель с суммарным факторным весом почти 58%, в которой 4 из 5 личностных черт образовали отдельный фактор без выраженного отрицательного полюса (18,1%), а эмоциональность (нейротизм) вошла в отрицательную часть первого фактора (29,53%).

Более информативным для выявления взаимосвязей между «личностными чертами» и социальными убеждениями (верованиями) оказался корреляционный анализ (линейная корреляция К. Пирсона). Его результаты приведены в табл. 3.

Таблица 3

Корреляционные связи между социальными верованиями (убеждениями) и личностными чертами по объединенной выборке призывников и контрактников, N = 173

№	Убеждения (верования)	И/Э	П/О	С/И	Эм/С	Эк/П	УЖ
1	Вера в опасный мир	-,140	-,368	-,250	,384	-,003	-,205
2	Вера в конкурентный мир	-,272	-,386	-,423	,294	-,237	-,392
3	Вера в общую справедливость	,185	,351	,352	-,381	,093	,388
4	Вера в справедливость «для меня»	,259	,280	,359	-,260	,171	,276
5	Вера в благосклонность мира	,262	,427	,326	-,320	,207	,158
6	Вера в справедливость мира	,333	,423	,350	-,211	,200	,372
7	Позитивный образ Я	,326	,428	,542	-,443	,199	,373
8	Вера в способность к контролю	,306	,363	,489	-,351	,245	,332
9	Вера в удачу	,399	,506	,533	-,325	,326	,348
10	Социальный цинизм	,002	-,070	,093	-,001	,144	,149
11	Вера в сложность мира	,175	,281	,368	-,347	,137	,299
12	Приверженность принципу баланса	,327	,420	,528	-,348	,338	,374
13	Религиозность	,016	,083	-,006	-,043	,001	,083
14	Контроль судьбы	-,167	-,292	-,255	,088	-,014	-,006
15	Удовлетворенность жизнью	,206	,307	,298	-,210	,235	

Примечание. Ин/Эк – интроверсия / экстраверсия, Пр/О – привязанность / отчужденность, Ск/Им – самоконтроль / импульсивность, Эм/Сд – эмоциональность / сдержанность, Эк/Пк – экспрессивность / практичность, УЖ – удовлетворенность жизнью.

Из табл. 3 очевидно, что социальные убеждения (верования) связаны с личностными чертами «большой пятерки». Наибольшие связи обнаруживаются между тремя чертами: привязанность / отчужденность (согласие), самоконтроль / импульсивность (сознательность) и эмоциональность / сдержанность (нейротизм), – и шкалами теста базовых убеждений R. Janoff-Bulman. Все пять шкал этого теста имеют статистически значимые положительные коэффициенты корреляции с двумя первыми из указанных личностных черт и отрицательные – с третьей чертой. Таким образом, получается, что чем более человек стремится к согласию с окружающими, или чем более развита у него сознательная саморегуляция, или чем более он эмоционально уравновешен, тем более он верит в благожелательность и справедливость общества, тем более позитивен его образ Я, тем более он уверен в своей способности контролировать происходящее и верит в удачу. Эти же личностные черты точно так же связаны с двумя шкалами теста веры в справедливость K. Dalbert, но абсолютные значения коэффициентов корреляции в этом случае ниже. Кроме того, они имеют противоположно направленные связи со шкалами теста J. Duckitt. То есть выраженность каждой из трех указанных личностных черт способствует усилению веры в то, что мир безопасен и основывается не на конкуренции, а на сотрудничестве.

В то же время по шкалам теста социальных аксиом получены другие результаты. Только по шкале «приверженность принципу баланса (вера в то, что усилия должны вознаграждаться)» имеются статистически значимые коэффициенты линейной корреляции со всеми шкалами «большой пятерки» (отрицательные со шкалой нейротизма и положительные со всеми остальными). Индекс веры в сложность мира по тесту социальных аксиом никак не связан с интроверсией / экстраверсией и с эспрессивностью / практичностью (интеллект), но с остальными шкалами «большой пятерки» коррелирует так же, как и индексы по другим социальным верованиям. Три шкалы теста социальных аксиом – шкала социального цинизма, шкала религиозности и шкала веры в контролируемость жизни – либо мало связаны с «личностными чертами», либо вообще с ними не связаны. Это является дополнительным подтверждением того, что они отличаются от других социальных убеждений (верований) и образуют отдельную их группу.

Обсуждение результатов

Итак, мы получили в данном исследовании две группы результатов. Одна из них указывает на то, что имеются существенные различия в социальных верованиях и убеждениях между военнослужащими-мужчинами, проходящими службу по призыву и по контракту. Однако эти различия носят не качественный, а количественный характер, т.е. дело не в том, что у них разные убеждения, а в том, что одни и те же убеждения выражены у них не одинаково. Вторая группа результатов указывает на то, что существует тесная связь между некоторыми личностными чертами, измеряе-

мыми по модели «большой пятерки» (big five), и большинством социальных верований (убеждений) мужчин-военнослужащих независимо от того, служат ли они по призыву или по контракту.

Первая группа данных свидетельствует, что нет принципиальных различий в сфере социальных верований (убеждений) между военнослужащими по призыву и по контракту. Скорее, дело обстоит следующим образом. Существует реальность взаимодействий и отношений, регулируемая воинскими уставами, а военнослужащие по призыву и по контракту в разной степени адаптированы к ней. Но часть молодых людей, попадая в армию по призыву, быстро приспосабливается к данной реальности, потому что принятые в ней нормы и правила поведения оказываются психологически близкими им. Иначе говоря, мы должны предположить, что изначально имеются молодые мужчины, которые по психологическому складу своей личности и по своим социальным убеждениям более приспособлены к воинской службе, чем другие. Попадая в армию по призыву, они через какое-то время приходят к выводу, что она – это именно то, что им нужно, что наиболее соответствует их мировоззрению и мировосприятию. В результате они заключают договор и становятся контрактниками, зачастую до окончания службы по призыву. Даже в тех случаях, когда контракт заключается из финансовых соображений, решение обязательно основывается на психологическом принятии конкретной личностью определенных «правил игры». Таким образом, существует определенная преемственность между службой в армии по призыву и по контракту. В то же время очевидно, что имеется большое количество молодых мужчин, которых служба в армии не привлекает, и социальные убеждения которых не соответствуют принятым в ней стандартам.

В связи с этим возникает практически важный вопрос: какие требования предъявляет служба в Российской армии к личности молодого человека с точки зрения его социальных верований и убеждений. Ясно, что официальных требований такого типа не существует и не может существовать. Однако также очевидно, что в любой армии всегда существует некая неформальная, традиционная система требований, вытекающая из общей картины мира, типичной для данного общества. Те молодые люди, которым такие требования и такая картина мира близки, в конце концов и принимают решение о службе в армии по контракту. Что касается молодых людей с иными установками и убеждениями, то после года службы большинство из них никогда не возвращается в армию.

Таким образом, мы полагаем, что, несмотря на обнаруженные различия в социальных верованиях и убеждениях между военнослужащими – призывниками и контрактниками, их значимость нельзя переоценивать. Для получения более полной и точной информации о том, как они появляются, нужно провести отдельное исследование с теми призывниками, которые находятся в процессе заключения контракта на службу в армии, а также с теми молодыми людьми, которые заключают такой контракт спустя некоторое время после окончания службы по призыву.

Вторая группа результатов, полученных в исследовании, носит общенаучный характер и, по всей видимости, вообще никак не связана с воинской службой молодых мужчин. Эти результаты носят двоякий характер. Во-первых, они связаны со структурой социальных верований (убеждений), а во-вторых, со связями верований с личностными чертами «большой пятерки». В первом из этих планов исследование показало, что возможна разработка факторной модели структуры социальных верований и убеждений личности, но, по-видимому, пока у психологов нет достаточных эмпирических данных обо всем их разнообразии. Рассмотренные нами данные позволяют выделить только два типа социальных верований, но, скорее всего, их больше.

Во втором плане у нас есть основания утверждать, что существуют определенные связи между социальными верованиями (убеждениями) личности и выраженностью у нее различных базовых психологических черт. Иначе говоря, так называемые «черты» и социальные верования, по-видимому, не являются двумя независимыми друг от друга сферами ментального мира личности. Однако у нас недостаточно данных для того, чтобы предложить объединенную модель. Для этого требуются дополнительные исследования на разных выборках.

Заключение

Основные результаты и выводы данного исследования таковы.

1. Социальные убеждения и верования российских военнослужащих относительно окружающего их мира и людей являются позитивными. Например, они верят в безопасность мира и его справедливость, в доброжелательность людей, в свой позитивный образ и др. Особенно ярко это выражено у военнослужащих-контрактников, у которых показатели почти по всем использованным в исследовании шкалам выше, чем у военнослужащих-призывников.

2. Несмотря на обнаруженные между двумя группами военнослужащих различия в социальных верованиях и убеждениях, они являются количественными и не носят принципиального характера. Это подтверждается весьма схожей факторной структурой социальных верований (убеждений) у призывников и контрактников. Наблюдаемые различия связаны лишь с некоторыми колебаниями в величинах факторных нагрузок.

3. Эксплораторный факторный анализ позволил выяснить, что использованные в исследовании шкалы социальных верований и убеждений образуют двухфакторную структуру, которая объясняет более половины их совокупной дисперсии. Первый и наиболее мощный объединил в себе большинство параметров в континууме от позитивного до негативного восприятия мира. Второй фактор включает в себя лишь несколько переменных, и суть его, с нашей точки зрения, заключается в противоположности рационального и романтического подходов к восприятию мира.

4. В исследовании установлены связи между социальными убеждениями (верованиями) мужчин-военнослужащих и выраженностью у них фун-

даментальных личностных черт, входящих в так называемую «большую пятерку». В частности, все пять личностных черт хорошо коррелируют со всеми пятью базовыми убеждениями (по опроснику R. Janoff-Bulman), а три личностные черты (нейротизм, самоконтроль / импульсивность, преданность / отчужденность) коррелируют с остальными убеждениями и верованиями.

5. Наличие таких связей указывает на то, что личностные черты и убеждения (верования) связаны в ментальном мире человека. То есть наличие у него определенных личностных черт способствует формированию вполне конкретных социальных убеждений и верований.

Проведенное исследование в целом позволило решить поставленные в нем задачи. Однако наряду с этим оно породило новые вопросы. В частности, с точки зрения дальнейшего изучения мировоззрения российских военнослужащих представляет интерес сравнение социальных верований и убеждений молодых людей с разным стажем контрактной службы (особенно начинающих и опытных), различных групп военнослужащих и гражданских лиц различного возраста.

Необходимо прилагать усилия к более полному описанию всей системы социальных убеждений и верований личности, определению ее факторной структуры и установлению связей между ней и другими компонентами ментального мира личности (черты, установки, ценности и др.).

Литература

1. Леонтьев А.Н. Образ мира // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 2. С. 251–261.
2. Алмаев Н.А. Элементы психологической теории значения. М. : Институт психологии РАН, 2006.
3. Алишев Б.С. Понятие представление в современной психологии // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 6. С. 41–54.
4. Алишев Б.С. Фундаментальные социальные установки и их соотношение // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2007. Т. 149, кн. 1. С. 46–60.
5. McCrae R.R., Costa P.T. Toward a new generation of personality theories: Theoretical contexts for the five-factor model // The five-factor model of personality: theoretical perspectives / J.S. Wiggins (ed.). New York : Guilford, 1996. P. 51–87.
6. Janoff-Bulman R. Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Application of the schema construct // Social Cognition. 1989. V. 7 (2). P. 113–136. DOI: 10.1521/soco.1989.7.2.113.
7. Leung K., Bond M.H., Reimel de Carrasquel S., Muñoz C., Hernández M., Murakami F., Yamaguchi S., Bierbrauer G., Singelis T.M. Social axioms: The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2002. V. 33. P. 286–302. DOI: 10.1177/0022022102033003005.
8. Платонов К.К. Структура и развитие личности. М. : Наука, 1986.
9. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб. : Речь, 2002.
10. Langston C.A., Sykes W.E. Beliefs and the Big Five: Cognitive Bases of Broad Individual Differences in Personality // Journal of Research in Personality. 1997. V. 31 (2). P. 141–165. DOI: 10.1006/jrpe.1997.2178.

11. Sibley C.G., Duckitt J. Big-Five Personality, Social Worldviews, and Ideological Attitudes: Further Tests of a Dual Process Cognitive-Motivational Model // The Jour. of Social Psychol. 2009. V. 149 (5). P. 545–561. DOI: 10.1080/00224540903232308.
12. Van Hiel A., Cornelis I., Roets A. The intervening role of social worldviews in the relationship between the Five-Factor model of personality and social attitudes // Europ. Jour. of Personality. 2007. V. 21. P. 131–148. DOI: 10.1002/per.618.
13. Duckitt J., Wagner C., du Plessis I., Birum I. The psychological bases of ideology and prejudice: testing a dual process model // Jour. of Personality and Social Psychol. 2002. V. 83 (1). P. 75–93. DOI: 10.1037/0022-3514.83.1.75.
14. Гулевич О.А., Аникеев О.А., Безменова И.К. Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 2. С. 68–89.
15. Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the Personal Belief in a Just World Scale's validity // Social Justice Research. 1999. V. 12. P. 79–98. DOI: 10.1023/A:1022091609047.
16. Нартова-Бочавер С.К., Поддипняк М.Б., Хохлова А.Ю. Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых // Клиническая и специальная психология: журнал. 2013. № 3 (7). С. 1–14.
17. Падун М.А., Котельникова А.В. Методика исследования базисных убеждений личности. Лаборатории психологии и психотерапии посттравматического стресса. М. : Ин-т психологии РАН, 2007. URL: www.psychologos.ru/images/qXZDzKSL19_1363530805.docx
18. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Методы этнической и кросс-культурной психологии : учеб.-метод. пособие. М. : Изд-во НИУ ВШЭ, 2011.
19. Costa P.T., McCrae R.R. NEO PI-R Professional Manual. Odessa, FL : Psychological Assessment Resources, 1992.
20. Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности : учеб.-метод. пособие. Курган : Курган гос. ун-т, 2000.
21. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin Sh. The Satisfaction with Life Scale // J. of Personality Assess. 1985. V. 49 (1). P. 71–77. DOI: 10.1207/s15327752jpa4901_13.
22. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М. : Ин-т социологии РАН, Рос. социолог. о-во, 2008. URL: <http://publications.hse.ru/en/chapters/78753840>
23. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Разработка русскоязычной версии теста диспозиционного оптимизма (LOT) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 36–64.
24. Scheier M.F., Carver C.S., Bridges M.W. Distinguishing optimism from neuroticism (and trait anxiety, self-mastery, and self-esteem): A re-evaluation of the Life Orientation Test // Jour. of Personality and Social Psychol. 1994. V. 67. P. 1063–1078. DOI: 10.1037/0022-3514.67.6.1063.

*Поступила в редакцию 06.09.2018 г.;
повторно 12.12.2018 г.; принята 10.02.2019 г.*

Атагунов Роберт Ильгизарович – подполковник, заместитель командира воинской части № 29286 по работе с личным составом.

E-mail: po4tamaila@inbox.ru

Алишев Булат Саямович – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: Bulat.Alishev@gmail.com

For citation: Atagunov R.I., Alishev B.S. Social Beliefs and Convictions of Russian Military Service Men: Conscripts and Contract Soldiers. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2019; 71:44-60. doi: 10.17223/17267080/71/3. In Russian. English Summary

Social Beliefs and Convictions of Russian Military Service Men: Conscripts and Contract Soldiers

Robert I. Atagunov^a, Bulat S. Alishev^b

^a Military Unit No. 29286 for work with personnel, Novosibirsk, Russian Federation

^b Kazan (Volga region) Federal University, 18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation

Abstract

The article solves two goals, an applied and a scientific. The first goal is to identify common points and differences in the social beliefs of two groups of Russian military service men: conscripts and contract soldiers. It is important, because they are in constant interaction with each other. The second goal is to test the assumption that there is a connection between the social beliefs of the individual and his personality traits measured within the "Big Five" model.

During our research we used the following methods: the scale of social beliefs (J. Duckitt), the scale of belief in a just world BJWS (K. Dalbert), the questionnaire of basic beliefs WAS (R. Janoff-Bulman), the questionnaire "social axioms" SAS (M. Bond and K. Leung), the personal questionnaire NEO PI (R. McCrae and P. Costa), life orientation test LOT (M. Scheier and Ch. Carver) and the life satisfaction scale SWLS (E. Diener). The sample of the study was 207 conscripts and 219 contract soldiers. All subjects were men between from 18 to 43, on average contract soldiers are 7 years older.

The main results of the study can be combined into three groups.

Firstly, we have found a clear predominance of positive beliefs (belief in the just organization of the world, its security, the benevolence of people, belief in its ability to control life, the positive image of the "I", etc.) in both groups of serviceman. At the same time, they are particularly positive for contract service men with a higher life satisfaction index.

Secondly, we defined a two-factor structure of the social beliefs (convictions) of military service men, explaining more than half of the total aggregate variance of traits (exploratory factorial analysis was used). The first and most powerful factor combines the majority of parameters in the continuum from positive to negative perception of the world. The second factor includes only a few variables, and its essence, from our point of view, lies in the opposite of rational and romantic approach to the perception of the world.

Thirdly, we established the connection of social beliefs with the personality traits of the "Big Five". Particularly closely related to the latter are the so-called "basic beliefs," and less related are the "social axioms". The presence of such links indicates that the "features" and "beliefs" are connected in the mental world of a man. That is, the presence of certain personality traits in him contributes to the formation of very specific social beliefs.

Keywords: military service men; conscripts; contract service men; social beliefs; social conviction; attitudes; personality traits.

References

1. Leontiev, A.N. (1983) *Izbrannyye psikhologicheskiye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected Psychological Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Pedagogika. pp. 251–261.

2. Almaev, N.A. (2006) *Elementy psikhologicheskoy teorii znacheniya* [Elements of the psychological theory of meaning]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.
3. Alishev, B.S. (2014) The concept of representation in psychology. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 156(6). pp. 41–54. (In Russian).
4. Alishev, B.S. (2007) Fundamental'nye sotsial'nye ustanovki i ikh sootnoshenie [Fundamental social attitudes and their correlation]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 149(1). pp. 46–60.
5. McCrae, R.R. & Costa, P.T. (1996) Toward a new generation of personality theories: Theoretical contexts for the five-factor model. In: Wiggins, J.S. (ed.) *The five-factor model of personality: theoretical perspectives*. New York: Guilford. pp. 51–87.
6. Janoff-Bulman, R. (1989) Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Application of the schema construct. *Social Cognition*. 7(2). pp. 113–136. DOI: 10.1521/soco.1989.7.2.113
7. Leung, K., Bond, M.H., Reimel de Carrasquel, S., Muñoz, C., Hernández, M., Murakami, F., Yamaguchi, S., Bierbrauer, G. & Singelis, T.M. (2002) Social axioms: The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 33. pp. 286–302. DOI: 10.1177/0022022102033003005
8. Platonov, K.K. (1986) *Struktura i razvitie lichnosti* [Structure and Personality Development]. Moscow: Nauka.
9. Shmelev, A.G. (2002) *Psikhodiagnostika lichnostnykh chert* [Psychodiagnostics of personality traits]. St. Petersburg: Rech'.
10. Langston, C.A. & Sykes, W.E. (1997) Beliefs and the Big Five: Cognitive Bases of Broad Individual Differences in Personality. *Journal of Research in Personality*. 31(2). pp. 141–165. DOI: 10.1006/jrpe.1997.2178
11. Sibley, C.G. & Duckitt, J. (2009) Big-Five Personality, Social Worldviews, and Ideological Attitudes: Further Tests of a Dual Process Cognitive-Motivational Model. *The Journal of Social Psychology*. 149(5). pp. 545–561. DOI: 10.1080/00224540903232308
12. Van Hiel, A., Cornelis, I. & Roets, A. (2007) The intervening role of social worldviews in the relationship between the Five-Factor model of personality and social attitudes. *European Journal of Personality*. 21. pp. 131–148. DOI: 10.1002/per.618
13. Duckitt, J., Wagner, C., du Plessis, I. & Birum, I. (2002) The psychological bases of ideology and prejudice: testing a dual process model. *Journal of Personality and Social Psychology*. 83(1). pp. 75–93. DOI: 10.1037/0022-3514.83.1.75
14. Gulevich, O.A., Anikeenok, O.A. & Bezmenova, I.K. (2014) Social Beliefs: Adaptation of J. Duckitt's Scales. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 11(2). pp. 68–89. (In Russian).
15. Dalbert, C. (1999) The world is more just for me than generally: About the Personal Belief in a Just World Scale's validity. *Social Justice Research*. 12. pp. 79–98. DOI: 10.1023/A:1022091609047
16. Nartova-Bochaver, S.K., Podlipnyak, M.B., Khokhlova A.Yu. (2013) Belief in a Just world and mental well-being in deaf and hearing youth and adults. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya – Clinical Psychology and Special Education*. 3(7). pp. 1–14. (In Russian).
17. Padun, M.A. & Kotelnikova, A.V. (2007) *Metodika issledovaniya bazisnykh ubezhdeniy lichnosti. Laboratorii psikhologii i psikhoterapii posttravmaticheskogo stressa* [Methods of research of personality basic beliefs. Laboratories of psychology and psychotherapy of post-traumatic stress]. Moscow: Institute of Psychology, RAS. [Online] Available from: www.psychologos.ru/images/qXZDzKSL19_1363530805.docx.

18. Lebedeva, N.M. & Tatarko, A.N. (2011) *Metody etnicheskey i kross-kul'turnoy psikhologii* [Methods of ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow: HSE.
19. Costa, P.T. & McCrae, R.R. (1992) *NEO PI-R Professional Manual*. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources.
20. Khromov, A.B. (2000) *Pyatifaktornyy oprosnik lichnosti* [Five-factor personality questionnaire]. Kurgan: Kurgan State University.
21. Diener, E., Emmons, R.A., Larsen, R.J. & Griffin, Sh. (1985) The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*. 49(1). pp. 71–77. DOI: 10.1207/s15327752jpa4901_13
22. Osin, E.N. & Leontiev, D.A. (2008) Aprobatsiya russkoyazychnykh versiy dvukh shkal ekspress-otsenki sub"ektivnogo blagopoluchiya [Aprobation of Russian versions of two scales of express-assessment of subjective well-being]. In: *Materialy III Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa* [Proceedings of the III All-Russian Sociological Congress]. Moscow: Institute of Sociology, RAS. [Online] Available from: <http://publications.hse.ru/en/chapters/78753840>.
23. Gordeeva, T.O., Sychev, O.A. & Osin, E.N. (2010) Razrabotka russkoyazychnoy versii testa dispozitsionnogo optimizma (LOT) [Development of the Russian version of the dispositional optimism test (LOT)]. *Psikhologicheskaya diagnostika*. 2. pp. 36–64.
24. Scheier, M.F., Carver, C.S. & Bridges, M.W. (1994) Distinguishing optimism from neuroticism (and trait anxiety, self-mastery, and self-esteem): A re-evaluation of the Life Orientation Test. *Journal of Personality and Social Psychology*. 67. pp. 1063–1078. DOI: 10.1037/0022-3514.67.6.1063.

Received 06.09.2018; Revised 12.12.2018;

Accepted 10.02.2019

Robert I. Atagunov – Lt. Colonel, Deputy Commander of Military Unit No. 29286 for work with personnel, Novosibirsk.

E-mail: po4tmaila@inbox.ru

Bulat S. Alishev – Professor, Department of General Psychology of Kazan Federal University, D. Sc.

E-mail: bulat.alishev@gmail.com

Тематические сообщения

УДК 159.9

«СТРОИТЕЛЬНЫЕ ЛЕСА» НА ЗДАНИИ, КОТОРОЕ НАЗЫВАЕТСЯ «ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА»

Г.В. Залевский^а

^а Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Анализируется проблема исчезновения из поля предметов психологии собственно человека, на место которого становятся абстрактные «психологические механизмы», «детерминирующие тенденции», «содержания сознания», «акты», «процессы», «обратные связи» и т.п., которые, хотя и углубляют наше понимание закономерностей психики, могут заслонить конечную цель психологического исследования». Автор обращает внимание на то, что абсолютизация отдельных категорий проявилась в психологии на самом первом ее этапе в качестве самостоятельной науки, в процессе поиска своего предмета исследования. Предлагается в качестве предмета научной психологии рассматривать человека с позиции целостно-ценностной парадигмы как биопсихосоциодуховного (ценностно-смыслового) образования.

Ключевые слова: психология; личность; биопсихосоциодуховность; уникальность; индивидуальность; смысл.

Ищу человека!
Диоген

По мнению Виктора Франкла, создателя логотерапии – третьей венской школы психотерапии, «мы изучили человека в XX в. так, как его, вероятно, не изучило ни одно предшествующее поколение. Так что же такое человек? Это существо, которое всегда решает, кто он. Это существо, которое изобрело газовые камеры. Но это и существо, которое шло в эти газовые камеры, гордо выпрямившись, с молитвой на устах» [1. С. 119]. О «многоликости» человека говорил и Омар Хайям: «Человек, словно в зеркале мир, многолик. Он ничтожен и все же безмерно велик». Поэтому и сегодня остается открытым вопрос, который более 200 лет назад задал Иммануил Кант: а действительно ли мы уже точно знаем, что такое человек? В письме к профессору Фридриху Штойдлингу от 4 мая 1793 г. Кант рассказал о целях своей работы: «Давно задуманный план относительно того, как нужно обработать поле чистой философии в решении трех задач: 1. Что я могу знать? (метафизика); 2. Что я должен знать? (мораль); 3. На что я смею надеяться? (религия). Наконец, за этим должна последовать **четвертая**

задача – что такое человек? (Was ist der Mensch?)» [2]. Несомненная заслуга Канта состоит в том, что он способствовал движению «философии без человека к философии с человеком, эмпирической психологии» [3]. Но справилась ли «философия с человеком» и психология человека со времен Канта с этой четвертой задачей – ответила ли на вопрос, что такое человек? И если нет, то почему?

«Вместе с расширением самой области психологического исследования, – писал профессор М.С. Роговин, мой учитель, почти 50 лет тому назад, – вместе со все большей дифференциацией психологии теряется из виду ее главный объект – сам человек, продукт и в то же самое время творец определенной исторической эпохи, человек с его радостями и страданиями, стремлениями, успехами и ошибками, живой человек – единственный настоящий объект психологии. На его место становятся абстрактные “психологические механизмы”, “детерминирующие тенденции”, “содержания сознания”, “акты”, “процессы”, “обратные связи” и т.п., которые, хотя и представляют необходимые **строительные леса на здании научной психологии** (выделено мной. – Г.З.), хотя и углубляют наше понимание закономерностей психики, но которые, взятые вне общего контекста личности и деятельности человека, могут заслонить собой конечную цель психологического исследования» [4. С. 5].

Итак, если объектом психологии является человек, то что или кто является ее предметом? Если мы найдем ответ на данный вопрос, то, возможно, найдем ответ и на вопрос, заданный И. Кантом: «Кто есть человек?»

Многие авторы серьезных трудов по методологии психологии делают вывод о том, что «проблема предмета психологии в наше время является центральной методологической проблемой» и «история психологии – история поисков предмета психологии» [5. С. 204].

«Обычно при определении предмета используют (история психологии изобилует примерами такой технологии) следующий ход: объявляя тот или иной предмет в дальнейшем рассмотрении, осторожно заменяют его на “единицу”, данный предмет представляющую. Эта традиция – наследие прежней методологии, когда полагали, что из единицы (клеточки) можно будет получить целое. Поскольку до целого дойти никогда не удавалось, довольствовались обсуждением, которая из предложенных единиц более перспективна... В итоге из психологии фактически исчезает совокупный предмет» [Там же. С. 409].

Любая отдельная категория, по мнению Б.Ф. Ломова, фиксирует лишь один из аспектов исследуемой реальности и имеет ограниченную сферу применения. Попытки рассмотреть все многообразие психических явлений через «призму единственной категории неизбежно ведут к смазыванию различий между ними; закрывается возможность исследования реальных взаимосвязей и взаимопереходов» [6].

Но такая тенденция абсолютизации отдельных категорий проявилась в психологии на самом первом этапе оформления ее в качестве самостоятельной науки, в процессе поиска своего предмета исследования. Так,

В. Вундт в качестве такого предмета объявил сознание. Категория сознания стала центральной в его психологической теории. Подобная абсолютизация отдельных категорий, «искусственное натягивание» всей психологической реальности на какую-либо категорию», особенно формально, а не содержательно характеризующую человека (его сущность), – механизм, функцию, связь (корреляцию), систему и т.п. – несомненно, «заводит психологическую мысль в тупик», утверждал Л.С. Выготский [7].

Более того, как правило, согласно свойству любой системы – тенденции движения к «избыточной устойчивости» [8], со временем та или иная категория абсолютизируется, превращается в объяснительный принцип, подчиняет себе все другие категории и понятия, оформляя тем самым особое замкнутое научное направление или школу¹. Такую систему, например, создал З. Фрейд; о ней довольно критически высказывался К. Юнг: «Из-за своего окаменелого догматизма Фрейд сам много сделал для того, чтобы две очень разные в своей основе вещи публика сочла тождественными. Его технику можно с успехом прилагать к определенным случаям медицинской практики, не поднимая ее в то же время до статуса доктрины, Против его доктрины как таковой мы обязаны выдвинуть самые энергичные возражения» [10].

На вопрос о том, что же такое человек как объект и предмет антропологической психологии, пытались ответить многие и во все время существования человека. По мнению А.А. Богданова, «вопрос этот одни решают слишком просто и конкретно (обывательщина наивная), другие слишком сложно и отвлеченно (обывательщина философская). Оба типа решений во многом сходятся между собой не только со стороны реального содержания, которое охватывают, но и со стороны основной точки зрения, из которой исходят. Это наивные решения. Наивным точкам зрения противопоставляются научные. Их не одна, их целый ряд, но в одном отношении все они недостаточны – все они «парциальны», «частичны или рационально-частичны» [11. С. 107], а потому чаще всего фрагментарны [12. С. 31–33].

Человек, считал Кант, нас интересует больше, чем природа, так как природа для человека, человек – цель природы. Учение, касающееся знания человека и изложенное в систематическом виде (антропология), может быть представлено с точки зрения или физиологической, или прагматической. Физиологическое человековедение имеет в виду исследование того, что делает из человека природа, а прагматическое – исследование того, что он как свободно действующее существо делает или может делать из себя сам [13. С. 131]. И в то же время для Канта человек представляет собой единство свободы и природы. Эта позиция Канта открывает нам возмож-

¹ Для того, чтобы достичь состояния «Я есмь», необходимо устранить в себе систему. Ибо совокупность наших психоэмоциональных комплексов, верность тем или иным традициям, верованиям, идеологиям, неизменность наших ролей, занятий, профессии, характера в конечном счете представляют собой замкнутый системный контур. До тех пор, пока индивид не устранил систему из самого себя, он должен смириться со своей одномерностью (некреативностью) [9. С. 45].

ность понимания им отношения человек–личность. Для Канта реально эмпирически «есть», существует человек как «разумное природное существо», совмещающая в этом «суммативном» качестве «природность» и «разумность». Однако человек не только природен, но и разумен в той мере, в какой он «разумом как причиной определяется к поступкам и в чувственно воспринимаемом мире». В своей психике, в эмпирическом самосознании и внутреннем чувстве человек познает самого себя в качестве «сверхчувственного морального существа», явления, феномена. Когда такие философы, как М. Бубер и М. Хайдеггер, зафиксировали, что трактовкой человека как «разумного животного» Кант целиком укладывается в древнюю традицию, они правы в главном, но не во всем [14]. Кант видит сущностное своеобразие человека не просто в разумности, а в его самосознании, рефлексии человека о самом себе. Исходным пунктом осуществленного Кантом поворота (от философии без конкретного человека к философии с конкретным человеком), определившим фундаментальные предпосылки и сущностное своеобразие всей последующей философской «классики», включая немецкую классическую философию (и психологию), явились не «разумность» человека и не его «мышление» как таковое, а «мышление субъектом самого себя как мыслящего существа», т.е. его самосознание. «То обстоятельство, что человек может обладать представлением о своем Я, бесконечно возвышает его над всеми другими существами, живущими на земле. Благодаря этому он *личность*, и в силу единства сознания при всех изменениях, которые он может претерпевать, он одна и та же личность...» – читаем мы в «Антропологии с прагматической точки зрения» [13. С. 139]. Главное, по Канту, не то, что делает из человека природа, а то, что он сам делает из себя.

Как я уже упоминал выше, В. Вундт видел предмет психологии в изучении способов работы сознания. Сознание оставалось замкнутым в самом себе, а процессы, протекающие в нем, не предполагали никакого участия субъекта. В психологии В. Вундта нет субъекта и личности, нет деятельности и поведения; из описания исчезла собственно психическая реальность человека [11]. В бихевиоризме и его разновидностях из сферы психологии выпало то, что составляет ее научный предмет – собственно психическое. Определив в качестве предмета психологии стимульно-реактивное поведение, бихевиоризм исключил из психологии субъективный мир человека, упростил его природу, поставил его на одну ступень с животными. В человеке качественно неразличимы простейшие формы поведения и высшие духовные способности. Бихевиоризм исключил из объяснения поведения человека его сознание, личностные ценности, идеалы, интересы и т.д.

Знаменитая односторонность психоанализа состояла в сведении человеческой психологии к бессознательным явлениям. Человек во фрейдизме предстает как иррациональное существо, а высшие формы проявления человеческого духа рассматриваются как замещение и сублимация сексуального влечения [Там же]. В нем заметна биологизация и натурализация человеческой психологии. Так, еще Л. Бинсвангер указывал, что «обраще-

ние к экзистенциальному анализу убедило его в том, что в теории Фрейда человек еще не является человеком в полном смысле этого слова» (цит. по: [15. С. 32]). Близко к этому и мнение А. Маслоу: «Созданный Фрейдом образ человека оказался определенно непригодным, ибо он не отражал человеческих стремлений, осуществимых человеческих надежд и высших свойств человека» (цит. по [Там же. С. 66]).

Оценивая гештальтпсихологию как научную школу, необходимо отметить, что здесь был, по сути, впервые раскрыт принцип целостности (принцип гештальта) при изучении психологии человека, свой взгляд на ее предмет, методы и объяснительные схемы. Но в то же время Фриц Перлз призывал: «Потеряйте голову и придите в чувство!» Также не был акцентирован, как мне кажется, принцип ценности собственно человеческого в человеке [16].

Когнитивная психология фактически сводит сложный мир человека к его упрощенным моделям. Характерной в этом отношении является точка зрения одного из основоположников когнитивного направления в психологии Герберта Саймона (Herbert Simon), согласно которой «человек в качестве поведенческой системы так же прост, как и муравей. Кажущаяся сложность его развертывающегося во времени поведения отражает в основном сложность окружающей среды» [17].

Советская психология имела единую философско-методологическую и мировоззренческую основу – марксизм. Начиная с 1920-х гг. она строилась как марксистская, материалистическая психология. Существо марксистского подхода к пониманию психологии человека сводилось к утверждению общественно-исторической и социальной сущности человека и к обоснованию деятельностного способа его существования. Была «нанизана на деятельностный подход», в терминах Л.С. Выготского.

Вряд ли можно считать, что понимание человека как целостно-ценностного образования представлено в факторно-аналитических теориях личности и предложенных ими методах изучения человека и личности. И позиция Айзенка и его трехфакторный тест, диагностирующий невротизм, экстраверсию и интроверсию, и 16-факторная модель личности Р. Кеттелла, и Личностный опросник / тест «Большая пятерка» (Big Five), разработанный американскими психологами Р. МакКрэй и П. Коста в 1983–1985 гг., остаются, по существу, на уровне комплексности, а не единства / целостности в понимании человека и личности (Л. Леви), не захватывая в то же время собственно духовную составляющую человека, «субъекта смысла жизни» (С.Л. Рубинштейн), «ноэтическое, духовное измерение, которое надстраивается над измерением собственно психологическим» (В. Франкл), «смысловую сферу личности как специфическую ее ткань» [18, 19]. Мне представляется, что речь идет, скорее, о смысловой сфере человека как специфической его ткани, делающей его личностью.

Ближе к человеку, по мнению Р. Мэя, «экзистенциальная позиция, которая отстаивает необходимость решать вопросы современной психологии на человеческом уровне... что этот подход отвечает тем требованиям и содер-

жит те основополагающие принципы, которые должны отличать психологию человеческого в человеке» [16. С. 60]. Такая позиция соответствует позиции гуманистической психологии вообще, которая с самого начала своего возникновения противопоставила себя бихевиоризму и психоанализу, которые оценивала как негуманные и редукционистские подходы к человеку.

Предметом описательной психологии является душевная жизнь человека в ее целостности и взаимосвязи. Гуманитарная психология выявляет структуру душевной жизни как целого, а не суммирует ее из отдельных частей [20. С. 24].

Таким образом, можно сказать, что гуманистическая психология, а также вышедшая из нее трансперсональная психология более других отошли от «парциальности», частичности или фрагментарности в подходе к человеку и подошли к целостно-ценностному его пониманию. Но целостность эта не полноценна, поскольку фактически игнорируется в модели человека его биологическая составляющая. Иначе говоря, отсутствует в антропологической позиции антропология тела (организм, тело, конституция, наследственность).

В.А. Мазиллов приходит к выводу, что «предметом научной психологии целесообразно считать **внутренний мир человека** (выделено мной. – Г.З.)» [5. С. 407]: «...внутренний мир отражает бытие человека и формируется в процессе жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой – независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются многие проблемы, которые решает психология» [Там же. С. 409]. К такому пониманию предмета психологии как «внутреннего мира человека» автор приходит «новым для психологии способом определения предмета». В рассматриваемом случае внутренний мир человека представляет собой совокупный предмет – психе как целое, – который в процессе рассмотрения подвергается анализу. Обратим внимание на то, что психология впервые приобретает перспективное нередуктивное объяснение, ибо впервые пожелание Шпрангера становится реальным – объяснение психического через психическое. Можно сказать, что в настоящем методологическом подходе скорее реализован научный идеал, выраженный Вильгельмом Дильтеем о психологии описательной, понимающей и расчленяющей [Там же]. «Во всяком случае, – говорит Мазиллов, характеризуя внутренний мир человека, – я со своими соавторами пытались не разрушать одушевляющие связи» [Там же. С. 408–409].

По Л.Ф. Ломову, эффективная реализация принципа системности в психологии предполагает два условия. В-первых, центрированность исследования на человеке (антропоцентризм), который полагается основным объектом

психологического познания. Во-вторых, комплексный, междисциплинарный подход к природе человека... Он выступает и как организм, и как личность, и как индивидуальность, и как субъект жизни в его различных проявлениях... Изучение психики человека в качестве системы представляется Б.Ф. Ломову ключом к решению главной проблемы комплексного подхода – синтеза разнотипного знания [21. С. 91–92].

В данном утверждении наши позиции сближаются, поскольку и я тоже принципиально против того, что я называю «циклопной психологией» [22, 23]. Правда, эта позиция явно не совпадает с позицией Л.С. Выготского, который считал, что единство психологии будет достигнуто в результате отмирания одной из двух несовместимых тенденций (гуманитарной и естественно-научной) [24]. Но, как известно, феноменологическая психология за прошедшие годы не исчезла [25. С.152].

Попытки решить вопрос «силовым путем» за счет «логического империализма» естественнонаучной или герменевтической парадигмы ни к чему, как убедительно показала история психологии XX столетия, не привели. Сегодня совершенно ясно, что ни к чему, кроме углубления кризиса в психологии, подобная конфронтация привести и не может. В подобных условиях становится чрезвычайно актуальной разработка такой общепсихологической методологии, которая бы предполагала возможность взаимного соотнесения психологических концепций, исходящих из различного понимания предмета психологии [5. С. 168].

Виктор Франкл вопрошает: «А где же единство человека?» (Und wo bleibt die Einheit des Menschen?) [1]. За единство человека выступал и И. Кант, для которого «человек представляет собой единство свободы и природы» [13]. Но дело в том, что, как известно, направления и научные школы в психологии определяли свою специфику, как правило, через выделение отдельной «центральной категории», посредством которой объясняются основные проявления психики. Это, скорее всего, так называемый вундтовский подход. Другой взгляд на психологию был сформулирован В. Дильтейем (1833–1911) [26]. В работе Дильтея получила развитие идея целостности психического акта, высказанная Ф. Brentano [27]. Пожалуй, Brentano первым выразил мысль, что психические образования целостны и аналитический подход к ним разрушает возможность их понимания. Отсюда следует, что в исследовании должен использоваться особый метод целостного описания. Дильтей исходил из того, что существуют явления, которые целостны по своей природе, и для того, чтобы их исследовать, необходимо использовать не конструктивный подход (пытающийся воссоздать целостность из элементов), а противоположный – брать в основу целостность, расчленять ее, типологизировать и т.д. [5. С. 67]. Гуманитарная (описательная) психология, по мнению Л.П. Яссман, ориентируется на специфические методы познания человека [20. С. 24]. Это не совсем так. «Психология, – говорил Дильтей, – соединяет восприятие и самонаблюдение, постижение других людей, сравнительный метод, эксперимент, изучение аномальных явлений. Она пытается сквозь многие входы проникнуть в душевную

жизнь. Весьма важным дополнением к этим методам... является пользование предметными продуктами психической жизни. В языке, в мифах, в литературе и искусстве, во всех исторических действиях вообще мы видим перед собой как бы объективированную психическую жизнь» [26. С. 98].

И не удивительно, что Герман Эббингаус (Herman Ebbinghaus) в своей критической статье против Дильтея [28] не обнаружил уж слишком заметных различий между понимающей и объясняющей психологией, чтобы они оправдывали претензии на две разные психологии.

Двусторонность психологии, с которой мы встречаемся во многих учениях о душе, выступила перед нами и в дискуссии о методах. Идеи Дильтея спровоцировали критику классической психологии и ее метода как насильственного, неадекватного переноса в нее естественнонаучной процедуры. Л. Понграц (Pongratz) считает [29], что Эббингаус своей «Репликой на идеи Дильтея» [28] хорошими аргументами постарался защитить естественнонаучную психологию. Правда, он не все увидел, больше сосредоточившись на общем, не увидел различий. Представители же понимающей психологии уж слишком заострили внимание на различиях, дуалистически разведя эти методы. Были раньше и сейчас встречаются здравые голоса, которые эти подходы не абсолютно противопоставляют и не указывают, какой из них «лучше», а считают, что они, скорее всего, дополняют друг друга. За это уже был Вундт, когда считал свою «Психологию народов» необходимым дополнением своей же «Физиологической психологии». О. Кюльпе (Вюрцбургская школа) говорил о «двусторонней психологии», а не о двух психологиях. Так же считали и В. Джемс и К. Бюлер, видя в них две ступени познавательного процесса, где интуиция – это первое, но последнее слово все же за индукцией. К. Ясперс считал, что «мысль о том, что сфера психического предполагает понимание, а физический мир – объяснение в терминах причинности, должна быть признана поверхностной и ложной. Любое событие – независимо от того, происходит ли оно в физическом или психическом мире, – в принципе открыто для причинного объяснения; психические процессы могут поддаваться такому объяснению... Понимание ведет к причинному объяснению не само по себе, а только в тех случаях, когда оно сталкивается с тем, что недоступно пониманию» [30. С. 371–372]. А некоторые психологи – уже наши современники – справедливо считают, что в психологии познания понимание рассматривается как мыслительная процедура, направленная не на получение нового знания, а на смыслообразование, приписывание смысла знанию, полученному в процессе мыслительной деятельности.

В течение XX столетия много раз поднимался вопрос о методологическом / методическом кризисе психологии, о необходимости уйти от «методического монизма». Эта тема благополучно перевалила через границу столетий и остается острейшим предметом дискуссии и в веке XXI. Сегодня, как отмечают многие психологи, имеются признаки нового–старого методического / методологического кризиса психологии. Однако способы

разрешения этого кризиса, на наш взгляд, принимают даже не радикальный, но экстремистский характер. Предпринимаются попытки уйти от естественнонаучного методического монизма, предав его анафеме, к монизму гуманитарно-научному. Нередко имеет место этакая претензия на монополию «незамутненного взгляда», на порождение «новой парадигмы и революцию в психологии». Так и хочется сказать, господа, «тщательнее» читайте не только своих кумиров и себя, любимых, но и «проблемную историю психологии». А.А. Ухтомский, исходя из учения о доминанте, в этой связи писал, что в подобных случаях «действительность усекается ради прекрасных глаз собственной теории» [31]. К. Ясперс тоже обращал внимание на проблему предрассудков, в том числе философских, теоретических и других, которые «отягощают и парализуют нашу мысль» [30. С. 41]. История науки, в том числе и психологической, знает множество примеров проявления учеными предрассудков, догматизма и многих других «фиксированных форм поведения» [24].

На 65-летнем юбилее Американского психологического общества в 1957 г. Ли Кронбах в своей президентской речи обратился к психологам с призывом покончить со «схизисом» между экспериментальными и коррелятивными направлениями интеграцией. Джон Коэн на Международном психологическом конгрессе в Бонне (1961) доктринерскую исключительность в методических вопросах обозначил как «циклопную, одноглазую психологию». Годом раньше при своем основании Ассоциация экзистенциальной психологии и психиатрии объявила, что «хотела бы видеть в одном ранге экзистенциальный подход (Мэй), экзистенциальную тенденцию (Роджерс), позицию дисциплинированной наивности (Маклеод) с лабораторным исследованием, объективной тенденцией, методом условных рефлексов [29. С. 284]. В 1962 г. отделение Философской психологии Американского психологического общества в результате дискуссии о бихевиоризме и феноменологии пришло к мнению о том, что «операциональный и феноменологический подходы можно принять в качестве комплементарной базы современной психологии». Следствием такой методической / методологической толерантности является возможность интегрировать в одну науку о человеке различные теории и результаты отдельных исследовательских направлений. Это мысли, остающиеся актуальными и 30 лет спустя, в эпоху нового «системного кризиса психологии», «перенапряжения позитивизмом», «усталости от рационализма». Тем более что этот кризис, разумеется, далеко не последний, о чем шли острые дискуссии в последнее время на очередном съезде психологов в Казани (2018).

А поэтому прав А. Богданов, что «человек есть целый мир опыта. Этот мир не охватывается полностью ни анатомическим и физиологическим комплексом – “человеческим телом”, ни психологическим комплексом – “сознанием”, ни социальным – “сотрудничеством”. И если мы просто соединим, механически свяжем все эти точки зрения, у нас еще не получится целостной концепции: собрание частей еще не есть целое. В раздробленном человеке со стихийной силой возникает потребность стать целым, она

несет ему тяжелые муки неудовлетворенности, но и толкает его на путь борьбы за ее удовлетворение. На этом пути совершается собирание человека» [11]. Он также считал, что «новейшее время истории является эпохой собирания человека... если человеком мы признаем существо развитое, а не эмбриональное, целостное, а не дробное, то наш вывод будет такой: человек еще не пришел, но он близко, и его силуэт ясно вырисовывается на горизонте психологической науки» [Там же. С. 112–115]. И, скорее, было бы неправильным соглашаться с Фроммом, который воскликнул в XX в., что «человек умер!» [32]. Мне думается, что это восклицание является явно преждевременным (М. Твен). Можно ли считать, что мы уже все знаем о человеке, что мы знаем, что такое есть человек? Мы лишь можем с уверенностью сказать, что «человек не умер», «человек может умереть в человеке или в нем возродиться», что если он еще и не пришел / вошел, то давно стучится в дверь психологии.

В настоящее время в психологической науке отсутствует такое направление или область, которые были бы прямо ориентированы на изучение собственно человеческой психологии, хотя существует особая отрасль психологии, изучающая психику животных, – зоопсихология. Помимо этого, в свое время попытка создания единой психологии не удалась, она разделилась на большое число отдельных отраслей психологического знания. Целостная, по сути, психология человека дробится тем самым на множество отдельных психологий с учетом специфических условий жизнедеятельности человека. Ноэль Смит в своей книге «Психология. Современные системы» (2007) выделяет аж «десять и еще шесть систем» [33. С. 17–19]. Из этих отдельных «психологий» трудно вычленить некий инвариант, невозможно составить общее представление о действительной психологии человека.

Решило ли эту проблему выделение ВАКом специальности «Психологии личности»? Как считает американский психолог Левон Леви (L. Levy), психология личности сегодня не располагает фактически ни одной завершенной теорией личности, известно множество славных имен создателей лишь личностных теорий или концепций. Он отмечает большое число определений личности, но считает, что термин «личность» на данный момент его понимания надо скорее изучать, объяснять и анализировать, чем определять. Анализируя целый ряд определений личности – Оллпорта, Газри, Гилфорда, Хелсона, МакКлелланда и др., Л. Леви [34. Р. 6] приходит к выводу, что эти определения не есть попытки ответить на вопрос: «Что такое личность?» Они акцентируют внимание на более узких сторонах сферы психологии личности. И глава «Психология личности» в огромном по собранному и систематизированному материалу труде «Руководство по клинической психологии» (Handbook of clinical psychology) под редакцией Бенджамэна Ульмана (Wolman B.B., 1965) заканчивается довольно пессимистическим выводом: «психолог-клиницист должен знать теории личности хотя бы потому, что ни одна из них не удовлетворяет полностью его запросам» [35. С.151].

«Современная психология личности, – считает более 40 лет спустя Д.А. Леонтьев, – представляет собой весьма эклектическую область, специфическое предметное содержание и границы которой весьма нечетко определены» [36. С. 4]. Здесь же он пишет о «методологических тупиках классической психологии личности»: «Не претендуя на охват всей психологии личности, хотелось бы эксплицировать главные посылки, на которых основывается основная линия психологии личности XX в., во многом зашедшая в методологический тупик, хотя наряду с этой основной линией возникают и развиваются многообразные альтернативные подходы» [Там же. С. 5]. Ученый считает, что уже во второй половине XX в. существовали предпосылки для новой методологии в науке психологии: «идеи системного подхода», «идеи эволюционизма», «гуманитарный взгляд на человека», «идеи экзистенциального миропонимания», «представления о том, что сознание выступает основой психологического функционирования особого рода, не сводимого к действию закономерно срабатывающих механизмов, описываемых традиционной психологией». Но, на мой взгляд, эти предпосылки могут оказаться эффективными только в том случае, если психология личности будет рассматриваться не с общепсихологических, а с антропopsихологических позиций. Действительно, мы пытаемся обойти «методологические тупики», в которые зашла классическая психология, но все еще двигаемся от неизвестного (человека) через неизвестное (личность человека) к неизвестному (человеку-клиенту, пациенту как личности). Это делает актуальным создание особой дисциплины, изучающей психологию человека в ее специфике, ориентированной на понимание сущностных психологических характеристик человека. На мой взгляд, такой дисциплиной может стать антропологическая психология¹.

В основание наших исследований положен **целостно-ценностный подход в контексте антропологической психологии** [14. С. 37–39]. В рамках такого подхода человек (антропос, т.е. человек, устремленный ввысь) и его здоровье понимаются как целостно-ценностные образования, биопсихосоциоэтическое / духовное единство со структурно-уровневым строением, высшим и интегрирующим уровнем которого является духовный уровень (духовность и духовное здоровье). Эти уровни (человека и его здоровья) отражают уровни «человеческих связей с миром» (А.Н. Леонтьев), «взаимодействия с действительностью» (А.В. Брушлинский), «разные уровни бытия» (Л.Р. Правдина), которые можно мыслить как «миры (пространства), где совершаются развитие и саморазвитие личности, и которые могут быть структурированы следующим образом: мир (пространство) телесности, психологический (функциональный и душевный) мир, общественный (социальный, духовный, культурный) мир» [40].

¹ Интересно, что в учебном курсе «Антропология» под ред. Л.Д. Столяренко и др. [44. С. 4–5] при перечислении разделов антропологии нет раздела «Психологическая антропология» (или «Антропологическая психология»), хотя есть антропология эволюционная, конституционная, этническая, культурная, социальная, философская, социально-философская, политическая, экономическая, педагогическая.

Сегодня ученые все более склоняются к тому, что решающим фактором в этой интегрированной целостно-ценностной организации с все большей очевидностью является и играет доминирующую и интегрирующую роль именно духовная (ценностно-смысловая) составляющая. Одна из функций смысла жизни... интегрирующая, считал С.Л. Рубинштейн [41. С. 12]. По мнению М. Бахтина, «духовное пространство человека – это вертикаль, включающая возвышенное и земное, земное и небесное, добро и зло». Согласно И. Гете, «духовность противоположна не плоти, а хаосу возбужденных инстинктов, делающих человека рабом во тьме стихий» [42. С. 69–70].

И. Кант указывал в своих «Антропологических лекциях» (1772), о чем мы уже выше говорили, что «человек представляет собой единство свободы и природы». Согласно метафоре, предложенной нами, сущность человека, его жизни, здоровья и развития выражается в движении в указанных выше мирах / пространствах и во времени от ирриального (земного, телесного) к нозическому (духовному, ценностно-смысловому): человеческим идеалам, высшим чувствам, эстетическим, религиозным, интеллектуальным, нравственным ценностям, любви, самопознанию, творчеству, свободе, духовному здоровью и обратно [14]. Духовный процесс выражается в направленности человеческой души к идеям ценностей. Н.А. Бердяев определял духовность как «высшее качество, ценность, высшее достижение в человеке», считал, что «с духовностью связано глубинное Я человека, идущая из глубины сила, обязующая и поддерживающая личность в человеке» [14].

Л.П. Буюа также полагает, что «духовность есть интегральное качество, относящееся к сфере смысложизненных ценностей, определяющих содержание, качество и направленность человеческого бытия и образ человеческий в каждом индивидуе» [43. С. 5].

Подобной точки зрения придерживался и В.В. Зеньковский: «Духовность... есть творческая сила, определяющая новое качество жизни... Духовная жизнь... полна динамизма и движения, разум и свобода в человеке, чувства и активность его, раскаяние в грехе и надежда на лучшее, все, все в нас светится и держится сверхвременным началом, которое сияет не только на вершинах психической жизни, но и в элементарных ее формах, во всем развитии души» [39. С. 48–49].

Еще в свое время Л.С. Выготский на продвинутых этапах исследования речевого поведения «ставил перед собой проблему выявления специфики одухотворенного поведения как высшей формы поведения (высшей психической функции) человека» [45].

По мнению Александра Меня, словом «духовность» обозначают две вещи, очень разные, хотя и тесно связанные между собой. Первый аспект: духовность – свойство природы самого человека, это уникальное, исключительное, важнейшее, что отличает человека от других, самых высокоразвитых живых существ, то, что даже трудно определить словами. Второй аспект связан с формой реализации нашей духовной природы, с ее отношением к Вечности, своему призванию, любви и творчеству, миру, другим

людям. Может существовать темная... демоническая форма реализации. Как талант, как наука, как любые другие возможности, наша духовность может быть направлена и на добро, и на зло [46. С. 13].

Мера личности и ее здоровья определяется высотой, на которую она поднимается, трансцендирует над ирриальным, устремляясь к нозическому, **и фактом ее возвращения назад к ирриальному с целью его одухотворения и принятия его энергии для нового взлета.** Как известно из греческой мифологии, сила известного титана возрождалась в нем после того, как он дотрагивался до Матери-Земли (Геи).

В этом движении «туда-вверх к духовному и обратно-вниз к ирриальному» снимается противопоставление психологического и физиологического. Г. Бейтсон в свое время заметил, что это не лучшая оппозиция. Такое разделение на психическое и физиологическое лишает психическое энергетических характеристик, делает его нежизнеспособным, чисто «логическим» отражением. Физиологическое оказывается «слепым» и неконструктивным. Независимость рядов является мнимой, поскольку одно без другого не существует, а допущенный разрыв обесмысливает функционирование безжизненных «половинок» [5. С. 276] и не дает возможности добраться до сущности человека и личности.

Множество подходов не могло не привести к разнообразию в понимании духовности. Но чаще всего духовность связывается с нравственностью и моралью. Однако это уже другая тема для другой публикации.

Литература

1. Франкл В. Сказать жизни «Да» / под ред. [и со вступ. ст.] Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2007. 173 с.
2. Кант И. Трактаты и письма. М. : Наука, 1980. 711 с.
3. Бадью А. Интервью: «Человека на самом деле не существует: Мишель Фуко о том, что такое психология». URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-mishel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya>
4. Роговин М.С. Введение в психологию. М. : Высшая школа, 1969. 384 с.
5. Мазилов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль : ЯрГПУ, 2017. 419 с.
6. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Наука, 1984. 444 с.
7. Выготский Л.С. О психологических системах // Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М. : Педагогика, 1982. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. 488 с.
8. Залевский Г.В. Теория субъекта и фиксированные формы поведения // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 3. С. 32–36.
9. Менегетти А. Система и личность. М. : Серебряные нити, 1996. 128 с.
10. Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: ее теория и практика / пер. с англ. В.И. Менжулина. М. : АСТ, 2009. 252 с.
11. Богданов А.А. Собираание человека // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 2. С. 106–115.
12. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъективности. М. : Школа-Пресс, 1995. 384 с.
13. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб. : Наука, 1999. 471 с.

14. Залевский Г.В. Антропос – «человек, устремленный ввысь» (целостно-ценностная парадигма в контексте антропологической психологии) // Медицинская психология в России : электрон. науч. журн. 2013. № 1 (18). URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 15.10.2018).
15. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. Как давать и обретать душевное здоровье. М. : Институт общегуманитарных исследований : Апрель Пресс, 2008. 224 с.
16. Перлз Ф. Теория гештальттерапии. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2004. 384 с.
17. Simon H.A. Invariants of human behavior // Annual Review of Psychology. 1990. V. 41. P. 1–20. DOI: 10.1146/an-nurev.ps.41.020190.000245.
18. Братусь Б.С. Аномалии личности. М. : Мысль, 1988. 301 с.
19. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М. : Смысл, 1993. 43 с.
20. Ясман Л.В. Духовность в контексте психологического анализа / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М. : Ин-т психологии РАН, 2011. С. 11–31.
21. Барабанщиков В.А. Системный подход к структуре психологического познания // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 1. С. 86–99.
22. Залевский Г.В. Понимание как метод наук о психике // Сибирский психологический журнал. 2004. № 20. С. 12–22.
23. Залевский Г.В. Объяснение и понимание против «циклопной» психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, вып. 1. С. 41–46.
24. Залевский Г.В. Введение в клиническую психологию М. : Академия, 2012. 208 с.
25. Кучинский Г.М. М.М. Бахтин и феноменологический метод исследования личности // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 1. С. 151–163.
26. Дильтей В. Описательная психология. СПб. : Алетей, 1996. 156 с.
27. Брентано Ф. Избранные работы. М., 1996. 176 с.
28. Ebbinghaus H. Über erklärende und beschreibende Psychologie // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1896. № 9. URL: <http://echo.mpiwg-berlin.mpg.de/ECHOdocuView?url=/permanent/vlp/lit10281/index.meta>
29. Pongratz L.J. Problemgeschichte der Psychologie. Bern ; München : FranckeVerlag, 1967. 372 S.
30. Ясперс К. Общая психопатология. М. : Практика, 1997. 1053 с.
31. Ухтомский А.А. Письма. Пути в неизвестное. М., 1973. С. 371–435.
32. Fromm E. Escape from freedom. New York, 1941. 257 p.
33. Смит Н. Психология. Современные системы. История. Постулаты. Практика. СПб. : Еврознак, 2007. 543 с.
34. Levy L.H. Conceptions of personality: theories and research. New York : Random House, 1970. 492 с.
35. Роговин М.С. Рецензия: Руководство по клинической психологии // Handbook of clinical psychology / ed. by B.B. Wolman. New York, 1965. P. 1596.
36. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал: структура и диагностика. М. : Смысл, 2011. 675 с.
37. Залевский Г.В. Объяснение и понимание как методы наук о психике // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 286. С. 3–14.
38. Залевский Г.В., Залевский В.Г., Кузьмина Ю.В. Антропологическая психология: биопсихосоционотическая модель развития личности и ее здоровья // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33. С. 99–103.
39. Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М., 1999. С. 48–98.
40. Старовойтенко Е.Б. Парадигма жизни в персонологии // Психология. 2010. Т. 7, № 1. С. 3–17.
41. Карпинский К.В. Смысложизненный кризис личности: феноменология, механизмы, закономерности : автореф. ... д-ра психол. наук. М., 2017. 22 с.

42. Пономаренко В.А. С верой в науки о человеке // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 64–74.
43. Бueva Л.П. Духовность и проблемы нравственной культуры // Вопросы философии. 1996. № 2. С. 5–9.
44. Антропология / под ред. Л.Д. Столяренко. М. ; Ростов н/Д., 2008.
45. Выготский Л.С. Moral insanity // Выготский Л.С. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 5. С. 150–152.
46. Мень А. Трудный путь к диалогу. О духовности : интервью. М. : Жизнь с Богом, 2008.

Поступила в редакцию 05.12.2018 г.; принята 15.02.2019 г.

Залевский Генрих Владиславович – доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, профессор кафедры психологии и социальной работы Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта.
E-mail: Usya9@Sibmail.com

For citation: Zalevskij, G.V. “Scaffolding” on the Building Called “Psychology of Human”. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2019; 71:61-78. doi: 10.17223/17267080/71/4. In Russian. English Summary

“Scaffolding” on the Building Called “Psychology of Human”

Genrikh V. Zalevskij^a

^a Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 A Nevskogo str., 236041, Kaliningrad, Russian Federation

Abstract

The purpose of the article is to consider the question existing in psychology which I. Kant asked 200 years ago “who is a man?” This question is still relevant today as well as questions like “what is psychology of human?”, “what is personality?”, “what is spirituality?” And these questions are about the subject of psychological science. The author, trying to answer these questions, agreed with M.S. Rogovin who believed that “along with the expansion of the field of the psychological research, along with the increasingly differentiated psychology its main object -- a person, is lost; a person who is a product and at the same time a creator of a particular historical period; a person with his joy and suffering, aspirations, success and mistakes -- an alive person -- the only real object of psychology. A person was substituted with abstract “psychological mechanisms”, “determinative tendencies”, “content of consciousness”, “acts”, “processes”, “feedback”, etc., which are the necessary scaffolding on the building of scientific psychology. Although these categories aggravate our understanding of the patterns of psyche; and they could obscure the ultimate goal of psychological studies if taken outside the general context of personality and human activities”. The author also shares the opinion of A.V. Mazilov, saying that “when a subject of psychology is replaced with “a unit” (a cell) the complete product disappears”. From the author’s point of view A.F. Lomov is also correct suggesting that “any individual category captures only one aspect of the studied reality and has a limited scope of application”. The author draws attention to the fact that the absolutization of certain categories occurred in psychology at the first stage of its development as an independent science, when the science was in search of its subject of study. The author suggests considering a person as a subject of psychology from the viewpoint of the integral and value paradigm; as a biopsychosocial (value and meaning) formation.

Keywords: psychology; personality; biopsychosocial inwardness; uniqueness; individuality; meaning

References

1. Frankl, V. (2007) *Skazat' zhizni "Da"* [To Say "Yes" to Life]. Translated from German by D. Orlova, D. Leontiev. Moscow: Smysl.
2. Kant, I. (1980) *Traktaty i pis'ma* [Treatises and letters]. Translated from German. Moscow: Nauka.
3. Badiou, A. (n.d.) *Interv'yū: "Cheloveka na samom dele ne sushchestvuet: Mishel' Fuko o tom, chto takoe psikhologiya"* [Interview: "There is in fact no person: Michel Foucault on what psychology is"]. [Online] Available from: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-mishel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya>.
4. Rogovin, M.S. (1969) *Vvedenie v psikhologiyu* [Introduction to psychology]. Moscow: Vysshaya shkola.
5. Mazilov, V.A. (2017) *Metodologiya psikhologicheskoy nauki: istoriya i sovremennost'* [Methodology of psychology: history and modernity]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
6. Lomov, B.F. (1984) *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow: Nauka.
7. Vygotsky, L.S. (1982) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: In 6 vols]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika.
8. Zalevskij, G.V. (2003) *Teoriya sub"ekta i fiksirovannye formy povedeniya* [Subject theory and fixed forms of behaviour]. *Psikhologicheskij zhurnal*. 24(3). pp. 32–36.
9. Menegetti, A. (1996) *Sistema i lichnost'* [System and Personality]. Moscow: Serebryanye niti.
10. Jung, K.G. (2009) *Tevistokskie leksii. Analiticheskaya psikhologiya: ee teoriya i praktika* [Tavistock lectures. Analytical psychology: its theory and practice]. Translated from English by V.I. Menzhulin. Moscow: AST.
11. Bogdanov, A.A. (2004) *Sobiranie cheloveka* [The Gathering of Man]. *Psikhologicheskij zhurnal*. 25(2). pp. 106–115.
12. Slobodchikov, V.I. & Isaev, E.I. (1995) *Osnovy psikhologicheskoy antropologii. Psikhologiya cheloveka. Vvedenie v psikhologiyu sub"ektivnosti* [Fundamentals of psychological anthropology. Human psychology. Introduction to the psychology of subjectivity]. Moscow: Shkola-Press.
13. Kant, I. (1999) *Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya* [Anthropology from a pragmatic point of view]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
14. Zalevskij, G.V. (2013) *Antropos – "chelovek, ustremlenny vyys"* (tselostnostennostnaya paradigma v kontekste antropologicheskoy psikhologii) [Anthropos – "a person looking up" (integrity-axiological paradigm in the context of anthropological psychology)]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*. 1(18). [Online] Available from: <http://medpsy.ru>. (Accessed: 15.10.2018).
15. May, R. (2008) *Iskusstvo psikhologicheskogo konsul'tirovaniya. Kak davat' i obretat' dushevnoe zdorov'e* [The Art of Counseling: How to Gain And Give Mental Health]. Translated from English by M. Budynina. Moscow: Institute of General Humanitarian Studies: Aprel' Press.
16. Perls, F. (2004) *Teoriya geshtal'tterapii* [Theory of Gestalt Therapy]. Translated from English by V. Kislyuk, A. Kornev, V. Petrenko. Moscow: Institute of Humanitarian Studies.
17. Simon, H.A. (1990) Invariants of human behavior. *Annual Review of Psychology*. 41. pp. 1–20. DOI: 10.1146/an-nurev.ps.41.020190.000245
18. Bratus, B.S. (1988) *Anomalii lichnosti* [Anomalies of Personality]. Moscow: Mysl'.

19. Leontiev, D.A. (1993) *Ocherk psikhologii lichnosti* [Essay on the Psychology of Personality]. Moscow: Smysl.
20. Yassman, L.V. (2011) *Dukhovnost' v kontekste psikhologicheskogo analiza* [Spirituality in the context of psychological analysis]. Moscow: Institute of Psychology, RAS. pp. 11–31.
21. Barabanshchikov, V.A. (2007) Sistemnyy podkhod k strukture psikhologicheskogo poznaniiya [System approach to the structure of psychological knowledge]. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 2(1). pp. 86–99.
22. Zalevskij, G.V. (2004) Ponimanie kak metod nauk o psikhike [Understanding as a method of psychology]. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 20. pp. 12–22.
23. Zalevskij, G.V. (2008) Ob'yasnenie i ponimanie protiv “tsiklopnoy” psikhologii [Explanation and understanding against “cyclopean” psychology]. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 3(1). pp. 41–46.
24. Zalevskij, G.V. (2012) *Vvedenie v klinicheskuyu psikhologiyu* [Introduction to Clinical Psychology]. Moscow: Akademiya.
25. Kuchinsky, G.M. (2007) M.M. Bakhtin i fenomenologicheskij metod issledovaniya lichnosti [M.M. Bakhtin and the phenomenological method of personality research]. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 2(1). pp. 151–163.
26. Dilthey, W. (1996) *Opisatel'naya psikhologiya* [Descriptive Psychology]. Translated from German. St. Petersburg: Aleteyya.
27. Brentano, F. (1996) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Dom intellektual'noy knigi, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo.
28. Ebbinghaus, H. (1896) Über erklärende und beschreibende Psychologie [About explanatory and descriptive psychology]. *Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane*. 9. [Online] Available from: <http://echo.mpiwg-berlin.mpg.de/EChOdocuView?url=/permanent/vlp/lit10281/index.meta>.
29. Pongratz, L.J. (1967) *Problemggeschichte der Psychologie* [Problem of the History of Psychology]. Bern; München: FranckeVerlag.
30. Jaspers, K. (1997) *Obshchaya psikhopatologiya* [General Psychopathology]. Translated from German by L. Akopyan. Moscow: Praktika.
31. Ukhtomsky, A.A. (1973) *Pis'ma. Puti v neznaemoe* [Letters. Ways to the Unknown]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. pp. 371–435.
32. Fromm, E. (1941) *Escape from freedom*. New York: Farrar & Rinehart, Inc.
33. Smith, N. (2007) *Psikhologiya. Sovremennye sistemy. Istoriya. Postulaty. Praktika* [Current Systems in Psychology. History, Theory, Research, and Applications]. Translated from English by N. Mironov, S. Rysev, A. Alekseev. St. Petersburg: Evroznak, 2007. 543 s.
34. Levy, L.H. (1970) *Conceptions of personality: theories and research*. New York: Random House.
35. Rogovin, M.S. (1965) Retsenziya: Rukovodstvo po klinicheskoy psikhologii [Review: Handbook of Clinical Psychology]. In: Wolman, B.B. (ed.) *Handbook of Clinical Psychology*. New York: McGraw Hill.
36. Leontiev, D.A. (2011) *Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika* [Personality potential: structure and diagnosis]. Moscow: Smysl.
37. Zalevskij, G.V. (2005) Ob'yasnenie i ponimanie kak metody nauk o psikhike [Explanation and understanding as methods of psychology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 286. pp. 3–14.
38. Zalevskij, G.V., Zalevsky, V.G. & Kuzmina Yu.V. (2009) Anthropological psychology: biopsychosocionoetical model of personality and his health. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 33. pp. 99–103. (In Russian).
39. Zenkovsky, V.V. (1999) *Problemy vospitaniya v svete khristianskoy antropologii* [Problems of education in Christian anthropology]. Moscow: Shkola-Press. pp. 48–98.

40. Starovoytenko, E.B. (2010) Paradigm of Life in Personology. *Psikhologiya. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 7(1). pp. 3–17. (In Russian).
41. Karpinsky, K.V. (2017) *Smyslozhiznennyy krizis lichnosti: fenomenologiya, mekhanizmy, zakonomernosti* [Crisis of the meaning: a phenomenology, mechanisms, patterns]. Abstract of Psychology Dr. Diss. Moscow, 2017. 22 s.
42. Ponomarenko, V.A. (2007) S veroy v nauki o cheloveke [With faith in the science of human]. *Psikhologiya. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 4(2). pp. 64–74.
43. Bueva, L.P. (1996) Dukhovnost' i problemy нравstvennoy kul'tury [Spirituality and problems of moral culture]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 5–9.
44. Stolyarenko, L.D. (ed.) *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow: Rostov-on-Don.
45. Vygotsky, L.S. (1983) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: [s.n.]. pp. 150–152.
46. Men, A. (2008) *Trudnyy put' k dialogu. O dukhovnosti* [A Difficult Way to Dialogue. On Spirituality]. Moscow: Zhizn' s Bogom.

Received 05.12.2018; Accepted 15.02.2019

Genrikh V. Zalevskij – professor, Department of Psychology and Social Work, Immanuel Kant Baltic Federal University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, D. Sc., Professor.
E-mail: Usya9@Sibmail.com

УДК 159.923

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ЗАДАЧИ И СОСТОЯНИЯ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ КАК СУБЪЕКТА ЖИЗНИ¹

К.В. Карпинский^а

^а Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 230023, Республика Беларусь, Гродно, ул. Ожешко, 22

Представлено теоретическое обоснование новых для психологии личности и психологии субъекта понятий «смысложизненные задачи», «смысложизненные переживания», «смысложизненные состояния». Раскрыты место и роль перечисленных феноменов в развитии и функционировании личности как субъекта жизни. Предложены общая психологическая характеристика и классификация смысложизненных состояний, которые проанализированы в функции механизма обратной связи в контуре саморегуляции, обеспечивающем процессы поиска, сохранения и практической реализации личностью индивидуального смысла жизни. Выявлены закономерности взаимосвязи смысложизненных состояний с принятием–непринятием личностью смысложизненных задач, а также с успехом–неуспехом их решения в ее индивидуальной жизнедеятельности.

Ключевые слова: смысл жизни; субъект жизни; смысложизненные задачи; осмысленность жизни; смысложизненный кризис; смысложизненные состояния; благополучное состояние; конфликтное состояние; стагнативное состояние; кризисное состояние.

Развитие личности как процесс преодоления противоречий и решения задач

Личностное развитие составляет особое измерение общего психического развития человека. В этом измерении такие факторы, как наследственность и среда, играют важную, но все же не ведущую и далеко не решающую роль. Главным фактором личностного развития является *собственная активность человека, направленная на разрешение противоречий, трудностей и проблем, с которыми он сталкивается в процессе собственной жизни*. Прогресс этого развития выражается в приобретении человеком психических свойств и способностей, которые позволяют ему совладать с противоречиями, трудностями и задачами возрастающей сложности. Иными словами, нормальное личностное развитие представляет собой процесс *субъектогенеза* – путь превращения человека в автономного субъекта, способного самостоятельно создавать и решать самые разнообразные противоречия и задачи на основе саморегуляции и самодетерминации [1, 2].

¹ Исследование выполнено при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, проект Г016Р-048.

Личностное развитие человека *многолинейно и полисубъектно*. С самого рождения человек вовлекается во многие и очень разные сферы жизненных отношений, и чем шире круг этих отношений с каждым возрастным этапом, тем сильнее ветвится процесс его личностного развития. Реальная личность всегда развивается как множественный субъект, или полисубъект. В каждой частной сфере своей жизни человек сталкивается с локальными противоречиями, особенными трудностями и специфическими задачами, решение которых движет его субъектно-личностным развитием. Например, решая задачи выбора, овладения, выполнения определенного вида трудовой деятельности, он превращается в субъекта профессии и карьеры; решая задачи выбора брачного партнера, создания семьи, обзаведения домашним хозяйством, рождения и воспитания детей, он проявляется и формируется как субъект семейной жизни и родительства и т.д. По сути, для каждой возрастной стадии и для каждой сферы жизненных отношений могут быть выделены собственные задачи личностного развития.

Интегральным и сквозным направлением личностного развития выступает становление человека субъектом жизни. С определенного возраста все остальные линии личностного развития оказываются как бы вложенными в эту магистральную линию субъектогенеза. Однако *развитие субъекта жизни не сводится к сумме развитий частных, локальных видов субъектности*. Дело в том, что личности как субъекту жизни соответствует своя специфическая система субъект-объектных отношений. Это отношения между человеком и его индивидуальной жизнью как целостным объектом, протяженным во времени и пространстве. Из этих отношений вытекают *специфические противоречия и задачи, которые выходят за пределы задач развития личности как субъекта отдельных видов деятельности и локальных сфер жизни*.

Противоречия и задачи развития личности как субъекта жизни

В современной психологии существует несколько подходов к определению субъекта жизни, но все они сходятся в положении о том, что *быть субъектом – значит проблематизировать свою жизнь и озадачиваться ею*. Это особый способ отношения к жизни, когда жизнь воспринимается и проживается не как данность, а как проблема и задача, которая требует решения. *Исходными данными* к этой задаче служат, во-первых, объективные условия и обстоятельства жизни, жизнь как таковая в ее текущем состоянии, во-вторых, субъективный замысел жизни – идеальный образ желаемой и должной жизни, который расходится с наличной жизненной действительностью. *Основное требование* данной задачи сводится к организации и преобразованию реальной жизни в соответствии с жизненным замыслом. Построение жизни именно как *личной жизни*, подчиненной *личностному смыслу*, как *индивидуального жизненного пути*, соответствующего *индивидуальному замыслу*, – это и есть *генеральная задача*, или *сверхзадача* личности как субъекта жизни. Поэтому быть субъектом –

значит быть противопоставленным собственной жизни в особом субъект-объектном отношении, относиться к ней как объекту управления и преобразования, проблематизировать жизнь, постоянно превращать ее из данности в задачу и активно пытаться ее решить.

Противоположностью субъектного существования и отношения к жизни является бессубъектность. Этот способ не предполагает проблематизации и озадаченности жизнью. У человека нет никакого субъективного замысла относительно собственной жизни в целом, поэтому она принимается как данность, а не как объект регуляции. Жизнь отпускается на самотек и разворачивается сама собой по естественным законам, а человек дрейфует в этом «потоке» обстоятельств.

Представленная задача принадлежит к типу задач *с нечетко заданными условиями и конечными требованиями*. Первое условие данной задачи – это сама жизнь в ее наличном состоянии и во всем многообразии обстоятельств. Нечеткость данному условию придает динамичность и текучесть жизни, выраженная в непрерывном изменении ее условий. Это так называемая *объектная неопределенность*. Второе исходное условие задачи – жизненный замысел личности. Он выражает ее субъективные притязания к жизни, основанные на потребностях, мотивах и ценностях. В случае с нормальной личностью всегда имеет место непостоянство этих притязаний, что обусловлено множественностью их источников, т.е. полимотивацией. Реальный человек хочет от жизни *то* одно, *то* другое, *то* третье, или *и* одно, *и* другое, *и* третье сразу. В возрастные периоды, когда жизненный замысел только-только начинает формироваться (как правило, в позднем подростковом / раннем юношеском возрасте), его неопределенность и непоследовательность выпячиваются особенно рельефно. Получается, что и второе базовое условие задачи для субъекта жизни задано с недостаточной четкостью. Это так называемая *смысловая неопределенность*. Объектная и смысловая неопределенность исходных условий задачи совместно порождают *прагматическую неопределенность*, которая относится уже к ее конечному требованию. Это – нечеткость путей, способов и средств практического преобразования жизни на основе замысла субъекта.

Как субъект может совладать с нечеткостью базовых условий своей общей задачи? Самый естественный и распространенный способ выражается в том, чтобы *дробить и расчленять ее на ряд производных, частных задач, решение которых помогает придать нечетко заданным условиям и требованиям хоть какую-то определенность*. Успех решения генеральной задачи в этом случае полностью зависит от успешности и последовательности решения этих подчиненных задач. Говоря более строгим языком, *задача с нечетко заданными условиями и требованиями – это такая, в условиях которой уже содержатся противоречия, предварительное преодоление которых выступает необходимой предпосылкой для общего решения*. И каждое условие такой задачи в силу внутренней противоречивости представляет собой самостоятельную задачу для субъекта жизни.

Какие же противоречия и задачи встают перед личностью в процессе ее становления субъектом жизни?

В рамках развиваемой концепции мы называем их *смысложизненными противоречиями и смысложизненными задачами личности*. Это особый класс противоречий и задач, специфичный для развития личности именно в качестве субъекта жизни. Чтобы устроить свою жизнь в соответствии с личностным смыслом и состояться в качестве ее субъекта, личность должна разрешить в индивидуальном развитии следующие противоречия: во-первых, *найти и обрести этот смысл на фоне объективной неопределенности и многозначности жизни*; во-вторых, *удержать и сберечь найденный смысл жизни вопреки изменчивости жизненных обстоятельств*; в-третьих, *довести обретенный и сохраненный смысл жизни до практической реализации, несмотря на неподатливость и сопротивление жизненных обстоятельств*. Эти противоречия дают начало трем *смысложизненным задачам*: *смыслопоисковой*, которая является *задачей самоопределения личности как субъекта жизни*; *смыслосберегающей*, которая выступает *задачей самосохранения личности как субъекта жизни*; *смыслореализующей*, которая совпадает с *задачей самореализации личности как субъекта жизни* [3].

Эти частные задачи образуют последовательные этапы, звенья в процессе решения генеральной задачи субъекта жизни. Решение каждой частной задачи способствует преодолению противоречия, заложенного в одном из исходных условий общей задачи.

Так, благодаря решению смыслопоисковой задачи личность добивается четкости и определенности жизненного замысла. Найденный и обретенный ею смысл жизни становится центральным побуждением и притязанием к жизни, конкретизирующим субъективный образ желаемой и должной жизни. С формированием смысла жизни как иерархически высшего мотива отступает проблема конкуренции и борьбы мотивов, которая ранее выступала узловой причиной нечеткости жизненного замысла личности.

За счет решения смыслосберегающей задачи преодолевается противоречие, порождаемое непрерывной изменчивостью жизненных обстоятельств и заложенное во втором исходном условии общей задачи. Сохраняя найденный смысл вопреки изменениям жизни, личность обеспечивает психологическую возможность его реализации вне зависимости от текущей ситуации и ее сиюминутной конъюнктуры.

Наконец, практическое осуществление смысла жизни отвечает главному требованию общей задачи и как бы венчает процесс ее решения личностью. Самая суть смыслореализующей задачи заключается в преобразовании жизненной действительности по мерке личностного смысла и в последующем поддержании ее в таком смыслообразном состоянии.

Таким образом, посредством решения отдельных смысложизненных задач личность устраняет нечеткость условий и достигает успеха в своей главной задаче. В сущности, решение данных задач результирует в ответах на два ключевых вопроса: «Ради чего, зачем жить?» и «Как жить?». И эти «ответы» представляют собой не только и не столько теоретические или

практические знания, сколько интегральные психические новообразования, как то *индивидуальный смысл жизни и жизненная стратегия личности*. В целом можно утверждать, что *развитие и функционирование личности как субъекта жизни и есть процесс решения смысловых задач*.

Отличительные признаки смысловых задач

Этот класс задач личностного развития характеризуется рядом общих особенностей.

1. *Нормативность смысловых задач*. Во многих современных обществах и культурах (в особенности принадлежащих к западноевропейской, восточноевропейской, североамериканской цивилизациям) эти задачи нормативно актуализируются в определенном возрасте, как правило, совпадающем с эмансипацией, обособлением индивида от общественных институтов социализации. Обычно это происходит на границе юности и взрослости вместе с окончанием подготовки индивида к самостоятельной жизни. Смысловые задачи заложены в социальной ситуации данного возраста как объективные требования к человеку – требования овладения собственной жизнью. Овладение в данном случае подразумевает способность управлять и распоряжаться жизнью на правах самостоятельного субъекта на основе саморегуляции, и основным «функциональным органом» такой саморегуляции служит смысл жизни. Отсюда проистекает объективная, почти что императивная необходимость найти, сохранить и реализовать индивидуальный смысл жизни. Нормативность объясняется тем, что не сам человек по своему субъективному усмотрению, а объективная логика его жизни в определенном обществе в конкретную историческую эпоху ставит перед ним смысловые задачи.

Наряду с исторически сложившейся социальной макросредой на актуализацию смысловых задач воздействует и микросреда, которая способна существенно модулировать и трансформировать ситуацию развития конкретной личности. В силу микросредовой детерминации смысловые задачи могут актуализироваться позже или раньше нормативного срока, а могут не возникнуть вообще. Например, если родители продолжают принимать жизненно важные, судьбоносные решения за своего уже взрослого по годам ребенка, то создаются все предпосылки для задержки его личностного развития как субъекта жизни. Такая задержка обусловлена тем, что личность своевременно не столкнулась со смысловыми задачами в своем развитии.

2. *Всевозрастной характер смысловых задач*. Начиная с поздней юности на всем протяжении взрослости и старости и вплоть до самой смерти смысловые задачи сохраняют свою актуальность для личностного развития человека. Как бы ни менялась ситуация развития в каждом из названных возрастных периодов, она остается единой и неизменной с точки зрения самостоятельности человека в строительстве индивидуальной жизни и личной ответственности за нее. Неизменность социальной

ситуации развития по данному сущностному признаку придает смысло-жизненным задачам непрерывный и пролонгированный характер.

3. *Сукцессивность смысложизненных задач.* Решение данных задач представляет собой сукцессию – процесс, в котором каждая последующая задача актуализируется и имеет шансы быть решенной только при условии успешного решения предшествующих задач. Чтобы возникла задача сохранения смысла, он сначала должен быть найден, а чтобы практическая реализация смысла была оправданной, он должен быть не только найден, но и сохранен.

4. *Метасистемность смысложизненных задач.* Такие задачи являются своего рода *метазадачами* в соотнесении с другими классами задач личностного развития (профессиональными, семейными и т.д.). Это значит, что они решаются *попутно* с решением этих задач посредством соответствующих видов деятельности. У человека нет отдельной смысложизненной деятельности, строго специализированной на поиске, сохранении и осуществлении смысла жизни. Субъектная активность, направленная на решение смысложизненных задач, пронизывает те виды деятельности, которыми в повседневности занимается человек, и образует их особое психологическое измерение (в некоторых подходах и теориях его определяют как «ноэтическое»; см., напр.: [4–6]). Есть замечательное выражение Л.Н. Толстого: «*Люди только делают вид, что они воюют, торгуют и строят, главное, что они делают всю жизнь, решают нравственные проблемы*». Перефразируя, можно сказать, что чем бы ни занимался человек, на самом деле он решает свои смысложизненные задачи: трудясь и строя карьеру, создавая семью, рожая и воспитывая детей, организуя свой досуг и делая множество иных частных дел, он не перестает искать, сберегать и реализовывать смысл жизни.

Саморегуляция в контексте решения смысложизненных задач

В процессе решения смысложизненных задач личность как субъект жизни не только проявляется, но и формируется. У нее вырабатываются психические новообразования, которые, с одной стороны, опосредствуют, а с другой стороны, результируют поиск, сохранение и практическую реализацию смысла жизни. Эти образования объединяются в целостную систему саморегуляции, наличие которой превращает личность в субъекта жизни. Без специального контура саморегуляции решение главной задачи субъекта жизни – а это построение индивидуального жизненного пути – было бы невозможным практически.

Как верно отмечают некоторые исследователи, любая саморегуляция в контексте функционирования и развития субъекта выполняет три основные функции: *функцию самоопределения, функцию самосохранения и функцию самореализации* [7, 8]. Эти функции весьма определенно соответствуют каждой из трех смысложизненных задач: решение смыслопоисковой задачи обеспечивается процессами, структурами и механизмами само-

регуляции, специализированными на функции самоопределения субъекта. В этой связи смыслопоисковая задача может быть также обозначена как *задача самоопределения субъекта жизни*. Когда смысл жизни найден, он становится структурным ядром и функциональным центром системы саморегуляции, присущей субъекту жизни. Решение всех задач, следующих за начальной смыслопоисковой задачей, опирается на уже сложившийся у личности смысл жизни.

Смыслосберегающая задача решается уже при посредстве самого смысла жизни, на основе которого у личности формируется целая подсистема саморегуляции. Она выполняет функцию сохранения, стабилизации смысла жизни на фоне давления изменчивых обстоятельств и включает в себя так называемые «смыслоориентированные копинги» и «смыслоцентрированные» психологические защиты [9, 10]. В этой связи смыслосберегающая задача есть *задача самосохранения личности как субъекта жизни*.

В процессе решения смыслореализующей задачи формируются психические свойства, структуры и способности личности, которые обеспечивают возможность воплощения смысла в реальной жизни. К ним относятся, например, жизненные цели, планы, программы, субъективные критерии жизненного успеха–неуспеха и другие образования, слагающие осознанную саморегуляцию жизненного пути в целом (или «осознанную психобиографическую саморегуляцию») [11]. Помимо этой чисто психической системы возникает особая системная организация жизнедеятельности личности, в которой для каждого конкретного вида деятельности отведены свое место, время и своя роль в практической реализации смысла жизни. Такой индивидуальный способ упорядочивания доступных видов деятельности, выработанный личностью в интересах осуществления смысла своей жизни, обозначается термином «*жизненная стратегия*» [12, 13]. Все эти новообразования и приобретения служат *самореализации личности как субъекта жизни*.

Таким образом, саморегуляция на уровне субъекта жизни представляет собой сложную многозвенную систему, включающую множество компонентов и функционально подразделенную на несколько подсистем. Мы не можем сейчас подробнее рассматривать состав и строение этого высшего контура саморегуляции, так как тема статьи обязывает заострить внимание на одном из его важнейших структурно-функциональных звеньев, а именно на звене *обратной связи*, без которой не обходится никакая саморегуляция.

Переживания осмысленности жизни и смысложизненного кризиса как формы позитивной и негативной обратной связи

Система саморегуляции, свойственная личности как субъекту жизни, обслуживает решение смысложизненных задач. По этой причине обратная связь в данной системе сигнализирует в первую очередь об успехе–неуспехе этого динамичного и внутренне противоречивого процесса. Другими словами, она оповещает о том, как личность продвигается и насколько

она преуспевает в поиске, сохранении и практической реализации индивидуального смысла жизни. И поскольку развитие субъекта жизни совершается именно в ходе решения смысловых задач, постольку обратная связь несет информацию о том, насколько личность прогрессирует в своем развитии, каковы достигнутый уровень и актуальный статус ее развития как субъекта жизни.

Важный вопрос состоит в том, какие психические явления участвуют в обеспечении обратной связи на рассматриваемом уровне саморегуляции. Вполне очевидно, что обратная связь в рамках саморегуляции личности как субъекта жизни является *многоуровневой и многоканальной*, следовательно, осуществляется с помощью самых *разнородных* психических явлений. Весомый вклад в этот механизм вносит, к примеру, *биографическая рефлексия* – мыслительный анализ, направленный на сознательное сличение желаемого и достигнутого в жизни [14]. Вместе с тем биографическая рефлексия – это довольно сложная форма обратной связи, которая опосредована сложными мыслительными процессами и требует достаточно высокого уровня общего интеллектуального развития. Кроме того, она не защищена от сознательной фальсификации или бессознательного искажения со стороны самого субъекта, который, как правило, кровно заинтересован в жизненном успехе. Именно поэтому биографическая рефлексия – не всегда доступный и не самый достоверный канал обратной связи в системе саморегуляции личности как субъекта жизни.

Непосредственной, а потому гораздо более доступной и достоверной формой обратной связи в любых контурах саморегуляции является *субъективное переживание* [15]. В рефлексивном плане сам человек может себя рационально убедить, что в жизни все идет хорошо, даже если он терпит полное фиаско, но субъективное переживание не поддается произвольной подделке и фальсификации. А в случаях, когда на развернутые раздумья над собственной жизнью нет времени и других возможностей, субъективные переживания оказываются едва ли не единственной доступной формой обратной связи.

Личность как субъект жизни характеризуется особыми *переживаниями*. Их специфика в том, что это всегда *переживания в адрес индивидуальной жизни в целом*, а не по поводу отдельных жизненных обстоятельств или конкретных событий и ситуаций. Спектр переживаний личности как субъекта жизни широк, однако в психологии лучше всего изучены *переживания удовлетворенности–неудовлетворенности жизнью, осмысленности жизни и смысловозжизненного кризиса*. Этим феноменам посвящено большое количество теоретических и эмпирических исследований, но общий изъян этих работ в том, что они ориентированы преимущественно на описание их феноменологии (субъективной и поведенческой картины), а также на выявление их предпосылок и последствий. Такой ракурс анализа, ограничивающийся проявлениями, коррелятами и предикторами данных переживаний, можно назвать *феноменальным подходом*. Он достаточно глубоко и полно высвечивает их уникальное психологическое содержание как фено-

менов человеческого опыта, но не раскрывает их функций в контексте регуляции человеческой активности и развития. В этой связи в дополнение к *феноменальному* необходим *функциональный анализ*, который призван выявить *регулирующие функции* этих феноменов в контексте жизнедеятельности и развития личности как субъекта жизни [3, 16].

По нашему мнению, *переживания осмысленности жизни и смысложизненного кризиса зарождаются и функционируют в контуре саморегуляции, обслуживающем процесс решения смысложизненных задач*. В данном контексте они выполняют *сигнально-оценочную функцию*, т.е. обеспечивают *обратную связь о том, насколько успешно решение этих задач и насколько прогрессивно развитие личности как субъекта жизни*. В целом для личности они являются субъективными сигналами о том, продуктивны ли она ищет, поддерживает и осуществляет смысл в собственной жизни.

Общеизвестно, что в зависимости от направленности обратная связь может быть *положительной и отрицательной*. Первая сигнализирует об успехе, вторая – о неуспехе регулируемых процессов и форм активности. С этой точки зрения субъективное переживание осмысленности жизни является *положительной обратной связью*. Оно извещает, что смысл найден, сохранен и продуктивно реализуется, т.е. смысложизненные задачи своевременно и продуктивно решаются личностью. Одновременно с этим переживание осмысленности говорит о том, что личность состоятельна и динамично развивается как субъект жизни. Переживание смысложизненного кризиса, напротив, является *отрицательной обратной связью*. Смысложизненный кризис возникает из-за непродуктивного решения или нерешения смысложизненных задач. Его переживание свидетельствует, что в развитии личности как субъекта жизни назрели неразрешимые противоречия и трудности, которые его тормозят и осложняют.

Из исследований самых разных форм саморегуляции известна общая закономерность, согласно которой отрицательная обратная связь должна быть более дифференцированной и разнообразной, чем положительная. В этом есть несомненная регуляторная целесообразность с учетом мобилизующего влияния отрицательной обратной связи на активность субъекта и корректирующего (оптимизирующего) влияния на качество самой саморегуляции в ситуации неуспеха. «Ключевой момент механизмов саморегуляции – отрицательная обратная связь, т.е. сигналы об отклонении действительного от желаемого, что помогает нам не принимать желаемое за действительное. Положительная обратная связь – это отождествление желаемого и действительного, сигнал о том, что все в порядке, ничего не надо менять, можно продолжать в том же духе. По сравнению с реакцией на успех реакция на неудачу, на отклонение от цели обнаруживает гораздо больший диапазон и имеет гораздо больше последствий» [17. С. 27].

Данная закономерность полностью справедлива и для саморегуляции личности как субъекта жизни. Конкретно это выражается в том, что переживание осмысленности жизни является *единой и недифференцированной формой положительной обратной связи* – по существу, общей ответной

реакцией на успешное решение любой смысложизненной задачи. Что касается смысложизненного кризиса как отрицательной обратной связи, то ему присущи полиморфизм и разнообразие видов. Предложена классификация видов смысложизненного кризиса в зависимости от того, какая задача в развитии личности как субъекта жизни оказывается нерешенной. Если не решена смыслопоисковая задача, то возникает *кризис бессмысленности*; если не решена смылосберегающая задача – *кризис смыслоутраты*; если же отсутствует своевременное и продуктивное решение смыслореализующей задачи – назревает *кризис нереализованности смысла жизни*. Перечисленные виды смысложизненного кризиса различаются между собой не только по своей феноменологии, но, что более существенно, по характеру воздействия на дальнейшую (послекризисную) активность человека, связанную с осмыслением и практическим преобразованием собственной жизни. Это свидетельствует о том, что разные виды кризисных переживаний дифференцированно выполняют функцию обратной связи в контуре саморегуляции целостной жизнедеятельности и развития личности в качестве субъекта жизни [18].

Смысложизненные состояния личности как интегральная форма обратной связи

Другая известная закономерность обратной связи в различных контурах саморегуляции выражается в том, что позитивная и негативная обратная связь может быть совмещенной, сочетанной, в результате чего создается амбивалентность, двойственность переживаний, возникают сложные переплетения, комплексы, «сплавы» позитивных и негативных чувств [19, 20].

Данная закономерность обратной связи не получила должной конкретизации в психологических исследованиях осмысленности жизни и смысложизненного кризиса. Этому мешает стереотипный, очень инертный взгляд на соотношение осмысленности жизни и смысложизненного кризиса, который сводится к следующим представлениям: 1) осмысленность жизни и смысложизненный кризис – противоположные полюсы единого континуума переживаний; 2) осмысленность жизни и смысложизненный кризис – несовместимые переживания: можно переживать либо одно, либо другое; 3) низкая осмысленность жизни сочетается только с сильно выраженным смысложизненным кризисом, а высокая осмысленность – исключительно с отсутствием кризиса, и наоборот. Тем самым переживания осмысленности жизни и смысложизненного кризиса необоснованно смыкаются в общую дихотомию, тогда как в действительности они образуют два относительно независимых и качественно своеобразных униполярных измерения смысложизненного опыта личности, т.е. опыта решения ею смысложизненных задач (подробнее об этом см.: [3]).

При рассмотрении осмысленности жизни и смысложизненного кризиса в контексте саморегуляции появляются дополнительные основания, чтобы проблематизировать устоявшиеся воззрения на их соотношение. Так, если

эти переживания функционируют как разномодальные сигналы обратной связи, то в силу уже упоминавшейся раздельности (разноканальности) позитивной и негативной обратной связи следует признать возможность их совмещения и смешивания в опыте субъекта. Кроме того, смысложизненные задачи личности множественны (точнее говоря – тройственны), и в каждый момент времени личность неодинаково хорошо справляется с их решением. Успешному решению одних задач нередко сопутствует неуспех в решении других, что обуславливает синхронизацию и вариативные комбинации переживаний осмысленности жизни и смысложизненного кризиса. Весьма показательны в этом отношении переживания испытуемых, стремящихся к реализации функционально неоптимальных видов смысла жизни (конфликтного, дезинтегрированного, нереалистического, экстринсивного и некоторых других) либо избравших неоптимальную стратегию практической реализации вполне оптимального смысла жизни. Парадоксальность их состояния проявляется в том, что они страдают от смысложизненного кризиса вопреки сформированности и сохранности смысла в своей жизни. В данном случае внутренне противоречивая композиция переживаний порождается нерешенностью задачи реализации смысла на фоне сравнительно успешного решения смыслопоисковой и смылосберегающей задач [3].

Признание возможности синхронного переживания осмысленности жизни и смысложизненного кризиса открывает путь для изучения интегральных, комплексных, синтетических форм опыта личности как субъекта жизни. Если такие психические феномены, как осмысленность жизни и смысложизненный кризис, объединять термином *«смысложизненные переживания»*, то по отношению к их сложным комплексам и сочетаниям, по нашему мнению, наиболее применим термин *«смысложизненные состояния»*. Данный термин еще не вошел в систематический научный оборот, тем не менее он представляется весьма уместным с учетом двух обстоятельств: во-первых, терминологических традиций, складывающихся в области психологических исследований по смысложизненной проблематике, во-вторых, общепсихологической трактовки сущности психических состояний как класса психических явлений.

Если обратиться к терминологическим традициям, то впервые термин «состояние» применительно к анализу смысложизненной реальности в психике человека был использован в работах А.В. Серого. Данный автор оперирует термином «актуальное смысловое состояние», понимая под последним особый вид психического состояния, характеризующий синхронизированное либо, напротив, десинхронизированное переживание человеком осмысленности личного прошлого, настоящего и будущего. Примечательно, что для диагностики актуального смыслового состояния был модифицирован тест смысложизненных ориентаций – наиболее распространенный русскоязычный инструмент для изучения смысла жизни [21, 22]. В зарубежной психологии термин «смысловое состояние» (meaning state) встречается в работах австрийского психолога Т. Шнель. С его помощью

обозначается устойчивое сочетание переживаний осмысленности жизни и смыслового кризиса [23]. Следует отметить, что данный автор, а вслед за ним и другие исследователи [24], в качестве синонима параллельно употребляют термин «тип смысла жизни» (meaning type), который, на наш взгляд, совершенно не передает сути обозначаемого феномена. Диагностическим инструментом, предназначенным для определения «смыслового состояния», или «типа смысла жизни», испытуемого в цитированных выше исследованиях послужил опросник «Источники смысла жизни» (SoMe) Т. Шнелль. Вследствие русскоязычной адаптации данной методики [25] и проведения с ее помощью первых эмпирических исследований в России был введен термин «паттерны осмысленности» [26], обозначающий различные варианты соотношения осмысленности и кризиса смысла. Данный термин также не может быть признан удачным по двум соображениям: во-первых, он носит технический, а не теоретический характер, поскольку не вписывает феномен ни в один из известных классов психических явлений (процессы, свойства, состояния); во-вторых, он внутренне противоречив, потому что обозначаемый им феномен включает в свою структуру переживание не только осмысленности, но и бессмысленности жизни (смысложизненного кризиса). В свете сказанного из числа предложенных альтернатив наиболее метким и обоснованным представляется термин «*смысложизненное состояние*» [3, 18].

Правомерность термина «смысложизненное состояние» также обоснована общепринятыми представлениями о природе и сущности психического состояния как такового. С общепсихологической точки зрения в отношении дискретных, элементарных переживаний, презентированных в определенный момент времени в феноменальном поле сознания, психическое состояние выполняет *интегрирующую функцию*. В силу данной функции психическое состояние всегда выступает как *динамический синтез, комплекс, «сплав»* актуальных переживаний [27, 28]. В этой связи интегральные, более сложные (по сравнению со смысложизненными переживаниями) формы опыта личности как субъекта жизни целесообразно называть *смысложизненными состояниями*.

Ввиду присущей им интегрирующей функции психические состояния *целостно отражают текущее состояние субъект-объектного взаимодействия в определенном модусе жизненных отношений*. На уровне существования и развития субъекта жизни психические состояния приобретают качественные (содержательные и формальные) особенности, которые объясняются тем, что они отражают текущее состояние и динамику особой категории жизненных отношений личности. Это – *смысложизненные отношения*, выраженные в субъект-объектном взаимодействии личности с собственной жизнью как целым. С учетом большого временного размаха и пространственного масштаба, в котором совершается такое взаимодействие, специфичные для субъекта жизни психические состояния приобретают особо устойчивый и пролонгированный характер. По данному параметру их можно охарактеризовать как *долговременные, или перманентные*

психические состояния, которые, как правило, длятся недели, месяцы и даже годы. Длительность смысловых состояний сопоставима с протяженностью дискретных этапов индивидуальной жизнедеятельности и отдельных стадий развития личности как субъекта жизни. Н.Р. Салихова справедливо указывает, что перманентные психические состояния связаны с процессами формирования и функционирования наиболее обобщенных смысловых структур личности, лежащих в основе самых общих, глобальных контуров психической регуляции: «Воплощение в жизнь обобщенных смысловых образований должно презентироваться и проявляться в сознании в таких же устойчивых, пролонгированных во времени характеристиках психического, организующих общий фон и настрой всей психики» [15. С. 125].

Как подчеркивалось выше, онтологический контекст для возникновения, течения и исчезновения смысловых состояний объективно задан смысловыми отношениями как особой категорией жизненных (субъект-объектных) отношений и специфическим модусом жизненного мира личности. Необходимо также учитывать, что каждая качественно своеобразная разновидность жизненных отношений осуществляется посредством определенного вида или нескольких видов человеческой деятельности. В этой связи актуализация и дезактуализация психических состояний неразрывно связаны с процессом развертывания определенной деятельности. В психологической науке данная закономерность фиксируется *принципом деятельности опосредованности*, акцентирующим тот факт, что вне контекста деятельностного взаимодействия с миром психические состояния немыслимы вообще [29, 30].

Смысловые состояния в этом плане не являются исключением и также включены в динамику протекания особой интегральной формы деятельности, свойственной личности как субъекту жизни. В рамках разрабатываемой нами концепции данная форма деятельности обозначается понятием «*жизнедеятельность*». В конкретно-психологической трактовке, отвлеченной от биологических и социологических интерпретаций, жизнедеятельность выступает особой формой произвольной активности, побуждаемой смыслом жизни и направленной на преобразование наличных жизненных обстоятельств сообразно данному смыслу. Собственным мотивом, конституирующим жизнедеятельность, является смысл жизни; ее предметом выступает индивидуальная жизнь во всем множестве конкретных условий и обстоятельств; ее объективным результатом служит жизненный путь – то, что личности удалось выстроить из «строительного материала» своей жизни по «проекту» индивидуального смысла жизни. Принципиальная особенность жизнедеятельности состоит в том, что она является не унитарной деятельностью, а полидеятельностным образованием, т.е. специфической формой организации различных видов деятельности (внутренней и внешней, познавательной и практической), которыми личности удалось овладеть в ходе своего развития. Соединяясь в составе жизнедеятельности, дискретные виды деятельности помимо собственных мотивов, целей и задач подчиняются необходимости решения смысловых состояний

задач, а тем самым становятся причастными к поиску, поддержанию и реализации смысла жизни – одним словом, к решению смысложизненных задач [31]. В этой связи смысложизненные состояния личности всегда опосредованы жизнедеятельностью и отражают наличный уровень ее продуктивности, измеряемый в конечном итоге обретенностью, сохранностью и воплощенностью личностного смысла в реалиях жизни. Жизнедеятельность задает специфический деятельностный контекст, в котором смысложизненные состояния формируются и функционируют, т.е. осуществляют свои отражательные и регулирующие функции.

Рассматриваемую категорию психических состояний также можно определять как *состояния развития личности*. Это продиктовано двумя причинами: во-первых, они создают устойчивый психический фон, на котором протекает развитие субъекта жизни; во-вторых, они сигнализируют о достигнутом личностью статусе развития в качестве субъекта жизни, т.е. являются субъективными индикаторами ее развитости, недоразвитости или неразвитости в данном функциональном качестве.

Таким образом, *смысложизненные состояния* – это особый класс перманентных (длительных) психических состояний, которые отражают текущую ситуацию субъект-объектного взаимодействия личности с собственной жизнью как целостностью, а конкретно определяются прогрессом личности в решении смысложизненных задач – поиске, сохранении и практической реализации смысла жизни. Смысложизненные состояния сигнализируют о продуктивности индивидуальной жизнедеятельности и динамике развития личности в качестве субъекта жизни. В этой функции они являются интегральной формой обратной связи в системе саморегуляции, обслуживающей процессы решения личностью смысложизненных задач.

Смысложизненные состояния и динамические тенденции жизнедеятельности личности

Смысложизненные переживания и состояния органично включены в контур саморегуляции индивидуальной жизнедеятельности, в ходе которой личность преодолевает смысложизненные противоречия, решает смысложизненные задачи и в конечном итоге развивается в качестве субъекта жизни. В ее распоряжении нет другого способа порождения и разрешения смысложизненных противоречий и задач, кроме познавательно-практической деятельности, реально осуществляющей субъект-объектное отношение к индивидуальной жизни. Это значит, что оптимальное развитие личности как субъекта жизни, предполагающее стабильность, динамичность, прогрессивность и восходящий характер, требует от нее оптимальной организации и реализации индивидуальной жизнедеятельности. Важнейшим фактором при этом становится *умение личности совмещать и уравнивать в своей жизнедеятельности две противоположные тенденции*.

Первая тенденция – редукция и нейтрализация, устранение и сглаживание существующих смысложизненных противоречий, что в плоскости реаль-

ной жизнедеятельности достигается за счет решений и действий, подчиненных *принципу смыслообразности*. В таких решениях и действиях личность руководствуется сложившимся у нее смыслом жизни и стремится поддерживать наличные жизненные обстоятельства в смыслообразном состоянии. Ради этого она, во-первых, противодействует тем изменениям, которые противоречат смыслу жизни; во-вторых, преобразует жизненные обстоятельства, которые исходно отклоняются от смысла жизни в сторону их большей смыслообразности. Практическое преобразование жизненной действительности в соответствии с содержанием и структурой смысла жизни – основной, но не единственный путь разрешения смысложизненных противоречий в жизнедеятельности личности. Личности не всегда удается ломать собственную логику обстоятельств и действовать наперекор закономерному течению жизни, а значит, для сохранения смыслообразности ей приходится также изменять наличный смысл жизни, приспособляя его к неподатливым жизненным обстоятельствам. Этот путь предполагает уже не только интенсивную практическую жизнедеятельность, но и напряженную внутреннюю работу, направленную на рефлексивную переоценку наличного смысла, переосмысление жизни. Однако каким бы путем ни шла личность, вся ее активность в рамках первой тенденции направлена на сообразование смысла жизни и жизненной действительности. Добиваясь высокой степени приближения и соответствия между смыслом жизни и реалиями жизни, личность минимизирует и разрешает смысложизненные противоречия. Поступательное продвижение в рамках первой тенденции обеспечивает для личности: в субъективном плане – чувство осмысленности и удовлетворенности жизнью, а в объективном плане – высокие темпы, прогрессию и устойчивость (по крайней мере, бескризисность) развития.

Однако по ходу все более полного претворения смысла в обстоятельствах жизни остается все меньше противоречий, а вместе с их исчезновением объективно растрачиваются движущие силы и потенциал дальнейшего развития личности. В этом кроется главный парадокс субъектогенеза и жизнедеятельности личности: *чем ближе она подходит к финальному акту в реализации смысла жизни, тем интенсивнее идет ее развитие в настоящем, но тем быстрее иссякает запас стимулов развития на будущее*. В этой связи оптимальная организация индивидуальной жизнедеятельности предполагает присутствие в ней другой тенденции, балансирующей и дополняющей стремление личности достичь максимально возможного соответствия между смыслом жизни и жизненной реальностью.

Вторая тенденция – диаметрально противоположная первой – заключается в генерации и максимизации, создании и обострении смысложизненных противоречий. На уровне жизнедеятельности она реализуется посредством решений и действий, построенных *по принципу смыслонесообразности*. С их помощью личность так изменяет обстоятельства, чтобы увеличить разрыв, усилить рассогласование между смыслом и реалиями собственной жизни. Однако смысложизненные противоречия провоцируются и посред-

ством практической деятельности, которая регулярно совершает «ломку» достигнутого, устоявшегося в жизненных обстоятельствах, и при помощи внутренней рефлексивной активности, которая периодически производит более или менее существенное переосмысление жизни и ревизию ее смысла. В результате личность удерживает себя в ситуации, в которой смысл постоянно перерастает, опережает фактическое положение дел в ее жизни. Принятие решений и совершение поступков, идущих вразрез со смыслом жизни, – психологически нелегкий, а порой даже болезненный путь. Личность за это расплачивается субъективными переживаниями неудовлетворенности и бессмысленности жизни, которые в умеренных дозах мобилизуют ее жизнедеятельность и активизируют ее развитие. Эта тенденция в жизнедеятельности и в развитии личности как субъекта жизни очень точно «схвачена» В. Франклом: «Сохранение “инакости”, объективности объекта означает сохранение напряжения, устанавливаемого между объектом и субъектом. Это то же напряжение, что напряжение между “я есмь” и “я должен”, между реальностью и идеалом, между бытием и смыслом. *И чтобы сохранять это напряжение, нужно оградить смысл от совпадения с бытием*» [5. С. 285].

Важно учитывать, что, действуя несообразно собственному смыслу жизни, личность выходит за его пределы и создает противоречия, ведущие к содержательной и структурной трансформации этого смысла. Каждое отступление от принятого и реализуемого смысла жизни в то же время выступает как шаг к его изменению. Ведь любое возникающее противоречие устраняется не только преобразованием обстоятельств в угоду смыслу, но и приспособлением смысла в уступку обстоятельствам. В целом, благодаря данной тенденции в жизнедеятельности, личность способна оптимизировать развитие не только смысла жизни, но всех остальных психических свойств, присущих ей как субъекту жизни. Создавая новые и актуализируя прежние противоречия, она оберегает и обеспечивает необходимый «зазор» между идеальным замыслом и реальной жизнью и тем самым возобновляет источники и подпитывает движущие силы собственного развития. Именно в таком ключе должны быть поняты действия, направленные на намеренное осложнение, затруднение, проблематизацию личностью собственной жизнедеятельности и с внешней стороны кажущиеся неадаптивными, но по своему исходному значению нацеленные на обеспечение условий для непрерывного субъектогенеза.

Эти две тенденции, характерные для жизнедеятельности и развития личности как субъекта жизни, находят прямое или косвенное описание в ряде психологических концепций. На общепсихологическом уровне анализа, применительно к любой без исключения сфере развития и деятельности субъекта, они выделены, например, в концепции В.А. Петровского – в виде противопоставления активности, подчиненной «постулату сообразности», и «надситуативной», «неадаптивной» активности, в концепции Д.А. Леонтьева – в виде разведения «логики смысловой необходимости» и «логики свободного выбора». В преломлении на развитие личности как субъекта

жизни во многом сходные тенденции обсуждаются, например, в концепции С. Мадди – в форме различения жизненных решений, ориентированных на неизменность прошлого или неизвестность будущего, в концепции К. Обуховского – в форме противопоставления гомеостатической адаптации и творческой адаптации («трансгрессии»). Среди редких исследований, нащупывающих эти тенденции на эмпирическом уровне анализа, следует упомянуть работу Н.Р. Салиховой, в которой они определяются и операционализируются как наиболее общие экзистенциальные установки – «барьерность» и «реализуемость», регулирующие процесс осуществления личностных ценностей [32].

Личность как субъект жизни, таким образом, функционирует и развивается в единстве противоположных тенденций, связанных с устранением одних и порождением других противоречий между смыслом и наличными обстоятельствами ее жизни.

Принципиально важным условием для нахождения и поддержания баланса между тенденциями смыслообразности и смыслонесообразности является гибкое и подвижное сочетание переживаний осмысленности жизни и смысложизненного кризиса как форм положительной и отрицательной обратной связи в саморегуляции жизнедеятельности личности. Положительная обратная связь, имеющая форму субъективного переживания осмысленности жизни, усиливает в жизнедеятельности личности тенденцию смылообразности и ослабляет тенденцию смыслонесообразности. Отрицательная обратная связь, облеченная в форму кризисного переживания, регулирует индивидуальную жизнедеятельность прямо противоположным образом: подкрепляет тенденцию смыслонесообразности и гасит тенденцию смыслообразности. По этой причине продуктивное решение смысложизненных задач и нормальное развитие личности как субъекта жизни обычно проходят «под аккомпанемент» переживаний как осмысленности жизни, так и смысложизненного кризиса, которые создают динамический баланс положительной и отрицательной обратной связи в контуре саморегуляции индивидуальной жизнедеятельности. Тотальное доминирование одного из этих переживаний (одной из форм обратной связи) является регуляторно неоптимальным и, как правило, негативно сказывается на личностном развитии. В таком случае в жизнедеятельности начинает безраздельно господствовать одна из двух возможных динамических тенденций – *тенденция смылообразности*, в силу которой личность стремится в максимальной степени подчинить свои действия наличествующему смыслу жизни, либо противоположная ей *тенденция смыслонесообразности*, в соответствии с которой личность стремится выйти в своих действиях за рамки имеющегося смысла жизни.

В свете сказанного становится очевидным, что смысложизненные кризисы – это неотъемлемый и даже необходимый атрибут нормального развития личности как субъекта жизни. Данная точка зрения противостоит очень распространенной в психологии тенденции патологизации смысложизненного кризиса – рассмотрению данного феномена как преморбидного

либо патогенного фактора в развитии личности или, более того, как самостоятельной формы личностной аномалии («экзистенциального невроза», «метапатологии» и т.п.) (подробнее см.: [18]). Несмотря на то, что по субъективной модальности кризисное переживание дискомфортно, болезненно или даже травматично, в функции отрицательной обратной связи оно объективно производит позитивный корректирующий и активизирующий эффект на развитие личности. В этой связи для обозначения кризисного развития личности как «роста через страдание» весьма уместными оказываются понятия, которые внутренне противоречивы, алогичны по своей семантике, например «позитивная дезинтеграция» К. Домбровского, поскольку они акцентируют положительные (объективно полезные) следствия отрицательной (субъективно болезненной) обратной связи. Любой личностный кризис, в том числе смысложизненный, становится переломным пунктом развития постольку, поскольку меняет позицию личности в отношении, во-первых, задач своего развития; во-вторых, путей, способов и средств их решения; в-третьих, достигнутых и (или) недостигнутых в процессе их решения результатов.

Проведенные исследования смысложизненного кризиса позволяют констатировать, что в функции отрицательной обратной связи он: 1) подталкивает к принятию и активному вовлечению в решение смысложизненных задач, если они не ставились, отторгались и не решались личностью в докризисный период; 2) стимулирует отказ от прежних способов и стратегий поиска, сохранения и практической реализации смысла жизни; 3) обеспечивает постоянную динамику самого смысла жизни через его содержательную переоценку и структурную перестройку. Смысложизненный кризис теряет свой развивающий эффект и превращается в действительный источник деформаций личности только при условии несвоевременного и непродуктивного совладания (несовладания) с ним – другими словами, при длительном и тотальном доминировании кризисных переживаний над переживаниями осмысленности жизни [3].

Наряду с преувеличением негативных (деструктивных) аспектов смысложизненного кризиса в психологической литературе явно переоцениваются позитивные (конструктивные) эффекты переживания осмысленности жизни (подробнее см.: [3]). Вышеизложенные закономерности обратной связи в контуре саморегуляции, присущем личности как субъекту жизни и релевантном целостной жизнедеятельности, высвечивает немаловажную, но при этом ограниченную роль переживания осмысленности жизни. В роли положительной обратной связи данное переживание оказывает стабилизирующее влияние на жизнедеятельность, так как подкрепляет и усиливает процессы сохранения и практической реализации ранее найденного личностью смысла жизни. Однако устойчивое и безраздельное доминирование переживания осмысленности рано или поздно приводит к застою индивидуальной жизнедеятельности и к стагнации личностного развития по причине мотивационного истощения этого смысла жизни. В такой ситуации для «расторжения» жизнедеятельности и ускорения развития

личности требуется пройти через переживание смысловжизненного кризиса, способствующего отбрасыванию старого и выработке нового смысла жизни. Необходимость и неизбежность смысловжизненных кризисов, которые назревают из-за полнейшей реализованности, исчерпанности, опустошенности прежнего смысла жизни, хорошо обоснованы в ряде теоретических подходов и эмпирических исследований [18].

Таким образом, для оптимального формирования и функционирования личности как субъекта жизни характерен определенный баланс переживаний осмысленности жизни и смысловжизненного кризиса, тогда как отставания, отклонения и прочие нарушения субъектогенеза зачастую сопряжены с их существенной диспропорцией и дисбалансом в опыте личности. «Выпадение» одной из форм обратной связи из контура саморегуляции индивидуальной жизнедеятельности предпосылает негативные последствия для становления и утверждения личности субъектом собственной жизни. В любой момент времени формой динамического баланса положительной и отрицательной обратной связи в саморегуляции процессов развития и функционирования личности как субъекта жизни служит смысловжизненное состояние. Оно представляет собой *целостный паттерн* механизма обратной связи, регулирующий текущее соотношение динамических тенденций смыслообразности и смыслонесообразности в жизнедеятельности личности. В этой связи встает задача теоретического и эмпирического упорядочивания различных видов смысловжизненного состояния как типичных паттернов саморегуляции на уровне субъекта жизни.

Виды и классификация смысловжизненных состояний личности

Научные знания о видах смысловжизненных состояний личности крайне скудны и представлены результатами всего лишь нескольких эмпирических исследований. Сложившаяся познавательная ситуация объясняется тем, что осмысленность жизни и смысловжизненный кризис длительное время ошибочно оценивались как противоположные полюсы единого биполярного континуума, а не как два отдельных измерения экзистенциального опыта личности. Этой теоретической идее соответствует некорректный способ эмпирического измерения, когда феномены осмысленности жизни и смысловжизненного кризиса диагностируются одной и той же шкалой (по принципу «низкая осмысленность = сильный смысловжизненный кризис», «слабый смысловжизненный кризис = высокая осмысленность»), а не отдельными субшкалами одного опросника или самостоятельными опросниками (подробно об этом см.: [33]).

В данной ситуации вполне закономерно, что первое эмпирическое исследование, преодолевающее дихотомию «осмысленность жизни – смысловжизненный кризис», было выполнено в ключе феноменологического (качественного), а не психометрического (тестового) подхода. Оно было проведено на голландской выборке численностью 122 человека. Самым интересным результатом данного исследования стало выделение «проме-

жуточных» состояний между осмысленностью и бессмысленностью жизни, когда человек не видит смысла в своей жизни и при этом парадоксальным образом не переживает бессмысленности («не-бессмысленность») либо ощущает присутствие смысла в жизни и при этом парадоксальным образом страдает от бессмысленности («смысловое совладание с кризисом»). К сожалению, формат методики сбора эмпирических данных не позволил авторам определить частотное распределение разных видов смысловых состояний в обследованной выборке [34].

Следующей значимой работой по обсуждаемой проблеме является исследование австрийского психолога Т. Шнеля, охватившее репрезентативную немецкую выборку объемом 603 человека. Она пользовалась авторским опросником SoMe («Источники смысла жизни»), который обеспечивает раздельную диагностику переживаний осмысленности жизни и смысловых кризисов. Путем рекомбинации этих двух показателей была построена четырехпольная классификация «типов смысла жизни»: 1) «осмысленность» (высокая осмысленность, слабый кризис) – 60,5% испытуемых; 2) «кризис смысла» (низкая осмысленность, сильный кризис) – 4% испытуемых; 3) «экзистенциальная индифферентность» (низкая осмысленность, слабый кризис) – 35% испытуемых; 4) «экзистенциальный конфликт» (высокая осмысленность, сильный кризис) – менее 1% испытуемых [23]. При адаптации методики SoMe на обширной бразильской выборке (3 034 человека) Б. Дамасио и С. Коллер выявили следующие частоты встречаемости «категорий смысла жизни» среди респондентов: «осмысленность» – 80,7%; «кризис смысла» – 5,7%; «экзистенциальная индифферентность» – 9,6%; «экзистенциальный конфликт» – 4% [24].

В исследовании Д.А. Леонтьева и соавт., проведенном с применением русскоязычной версии методики Т. Шнеля на выборке пациентов стационара кризисных состояний (148 человек), было эмпирически идентифицировано три вида смысловых состояний («паттерны осмысленности»): 1) «напряженный смысл» (высокая осмысленность в сочетании со средним кризисом смысла жизни) – 37,1% испытуемых; 2) «смыслотрата» (низкая осмысленность в сочетании с высоким кризисом смысла жизни) – 31,1%; 3) «стабильный смысл» (высокая осмысленность в сочетании с низким кризисом смысла жизни) – 31,8% испытуемых [26].

В нашем собственном исследовании, выполненном в 2015 г. на популяционной белорусской выборке (240 человек), осмысленность жизни измерялась шкалой «Цель в жизни» из опросника «Шкалы психологического благополучия К. Риффа», а смысловой кризис – одноименным авторским опросником [35]. Посредством статистических процедур кросстабуляции, кластерного и дискриминантного анализа выявлены четыре разновидности смысловых состояний: 1) благополучное (высокая осмысленность и слабый кризис) – 40,8%; 2) кризисное (низкая осмысленность и сильный кризис) – 30,8%; 3) конфликтное (высокая осмысленность и сильный кризис) – 10,8%; 4) стагнационное (низкая осмысленность и слабый кризис) – 17,6%.

Сопоставление терминологии и результатов исследований смысловых состояний личности представлено в таблице.

**Сопоставление терминологии и результатов исследований
смысловых состояний личности**

Виды смысловых состояний	[Debats, Drost, Hansen, 1995]: «категории переживания смысла жизни»	[Schnell, 2010]: «типы смысла жизни»	[Damasio, Koller, 2015]: «категории смысла жизни»	[Леонтьев и др., 2017]: «паттерны осмыслен- ности»	[Карпинский, 2017]: «виды смысловых состояний»
Высокая осмыслен- ность и сла- бый кризис	Осмыслен- ность	Осмыслен- ность (60,5%)	Осмыслен- ность (80,7%)	Стабиль- ный смысл (31,8%)	Благополуч- ное состояние (40,8%)
Низкая осмыслен- ность и силь- ный кризис	Бессмыслен- ность	Кризис смысла (4%)	Кризис смысла (5,7%)	Смысло- утрата (31,1%)	Кризисное состояние (30,8%)
Высокая осмыслен- ность и силь- ный кризис	Смысловое совладание с кризисом	Экзистенци- альный кон- фликт (> 1%)	Экзистенци- альный кон- фликт (4%)	Напряжен- ный смысл (37,1%)	Конфликтное состояние (10,8%)
Низкая осмыслен- ность и сла- бый кризис	Не- бессмыслен- ность	Экзистенци- альное без- различие (35%)	Экзистенци- альное безраз- личие (9,6%)	Не выявле- но	Стагнативное состояние (17,6%)

Отличительная особенность нашего теоретического подхода и эмпирических исследований заключается в том, что смысловые переживания и состояния личности рассматриваются в качестве форм обратной связи в контуре саморегуляции процесса развития и функционирования личности как субъекта жизни. Сущность данного процесса выражается прежде всего в решении человеком смысловых задач – поиска, сохранения и практической реализации индивидуального смысла жизни. В этой связи в упомянутом выше исследовании преследовалась цель не только выделить феноменологически различные виды смысловых состояний, но и определить их функциональное значение в качестве «сигналов» обратной связи. Предполагалось, что смысловое состояние личности обусловлено степенью принятия–непринятия и уровнем успеха–неуспеха в решении смысловых задач. Данные о субъективном принятии и продуктивности решения этих задач черпались из двух источников: самоотчета испытуемого о необходимости и успешности поиска, сохранения и реализации смысла в его жизни; экспертных оценок испытуемого по критериям его вовлеченности и продуктивности в решении смысловых задач (получены от стороннего наблюдателя, как правило, человека из ближайшего окружения испытуемого). На основании кластерного анализа собранных данных была построена эмпирическая типология *внутренней позиции личности по отношению к смысловым задачам* как объек-

тивно существующему классу задач развития. Первый тип внутренней позиции личности (27,5%) характеризуется высокой необходимостью и средней успешностью; второй тип (25,8%) – высокой необходимостью и низкой успешностью; третий тип (17,5%) – низкой необходимостью и низкой успешностью; четвертый тип (29,2%) – высокой необходимостью и высокой успешностью решения смысложизненных задач.

«Наложение» классификации смысложизненных состояний и типологии внутренней позиции личности с помощью процедуры кросстабуляции и расчета коэффициента сопряженности (0,74 при $p < 0,000$) показал, что *каждая разновидность смысложизненного состояния является феноменологически специфическим и функционально специализированным сигналом обратной связи, отражающим определенное положение дел в поиске, сохранении и практической реализации индивидуального смысла жизни. Кризисное состояние с наибольшей вероятностью возникает в условиях высокой субъективной необходимости, но средней и преимущественно низкой продуктивности решения смысложизненных задач. Благополучное состояние чаще всего проистекает из ситуации, где высокой личностной приемлемости и активной вовлеченности в решение данных задач сопутствует средняя и преимущественно высокая успешность поиска, сохранения и практической реализации смысла жизни. К стагнативному состоянию наиболее предрасположены люди с двумя типами внутренней позиции. Чаще всего данное состояние развивается вследствие нигилистической позиции – внутреннего неприятия, отторжения смысложизненных задач и уклонения от их решения применительно к собственной жизни. В ряде случаев состояние стагнации возникает на фоне принятия, но неуспешного решения смысложизненных задач. Весьма вероятно, что этот тип внутренней позиции имеет тенденцию трансформироваться в нигилизм, и тогда отрицание необходимости смысложизненных задач выступает как защитная реакция личности на неудачные пробы определить, отстоять и осуществить смысл своей жизни. Конфликтное состояние с наибольшей вероятностью проявляется при высокой субъективной необходимости и неполной успешности (частичной неуспешности) решения смысложизненных задач. Как правило, это состояние присуще личности, обретшей смысл, но не воплотившей его с должной продуктивностью в реальной жизни с силу наличия определенных внешних помех или внутренних преград. Вопреки наличию и сохранности смысла (и закономерному ощущению осмысленности жизни), его нереализованность на практике нагнетает парадоксальное переживание смысложизненного кризиса. Данная разновидность кризиса квалифицируется как кризис нереализованности смысла жизни, а при условии, что затруднения самореализации личности вызваны функционально неоптимальными или дисфункциональными свойствами самого смысла жизни, – как кризис неоптимального смысла жизни [3].*

Интерпретация полученных результатов приводит к общему заключению, что *люди, пребывающие в разных смысложизненных состояниях, существенно различаются своей внутренней позицией по отношению к*

смысложизненным задачам, а также успешностью их решения в индивидуальной жизнедеятельности.

Заключение

Результаты проведенного исследования можно резюмировать следующими основными выводами:

1. Развитие и функционирование личности как субъекта жизни представляет собой процесс решения смысловых задач, которые составляют особый класс задач личностного развития человека в возрастные периоды юности, зрелости и старости.

2. В системе саморегуляции, присущей личности как субъекту жизни, переживания осмысленности жизни и смысловых кризисов выполняют функцию положительной и отрицательной обратной связи, оценивающей продуктивность решения смысловых задач. Устойчивые сочетания переживаний осмысленности жизни и смысловых кризисов формируют основные виды смыслового состояния личности: благополучное, кризисное, конфликтное и стагнативное. Доминирующее (перманентное) смысловое состояние сигнализирует о достигнутом уровне развития и текущем функциональном статусе личности в качестве субъекта жизни (субъектности, временной десубъектизации, бессубъектности).

3. Существенным фактором возникновения и поддержания типичного для личности смылового состояния является ее внутренняя позиция в отношении смысловых задач и продуктивность их решения в контексте индивидуальной жизнедеятельности.

Литература

1. Карпинский К.В. Смысловые задачи и состояния личности // Психологические проблемы смысла жизни и акме : электронный сборник материалов XXII симпозиума / под ред. Г.А. Вайзер, Н.В. Кисельниковой, Т.А. Поповой. М. : Психологический институт РАО, 2017. С. 22–24. URL: <http://www.pirao.ru/images/labs/gporl/XXII-simposium.pdf>
2. Леонтьев Д.А. Личностное измерение человеческого развития // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 67–80.
3. Карпинский К.В. Неоптимальный смысл: психологические тупики жизненного пути личности. Гродно : ГрГУ, 2016. 539 с.
4. Залевский Г.В., Залевский В.Г., Кузьмина Ю.В. Антропологическая психология: биопсихосоционетическая модель развития личности и ее здоровья // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33. С. 99–103.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
6. Popielski K. Noetyczny wymiar osobowosci. Psychologiczna analiza poczucia sensu zycia. Lublin : KUL, 1994. 445 s.
7. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011. 680 с.
8. Carver C.S., M.F. Scheier M.F. On the self-regulation of behavior. New York : Cambridge University Press, 1998. 439 p.

9. Park C.L. Making sense of the meaning literature: An integrative review of meaning making and its effects on adjustment to stressful life events // *Psychological Bulletin*. 2010. V. 1, № 36. P. 257–301. DOI: 10.1037/a0018301
10. Wrosch C. Self-regulation of unattainable goals and pathways to quality of life // *Oxford handbook of stress, health, and coping* / ed. by S. Folkman. New York : Oxford University Press, 2010. P. 319–333. DOI:10.1093/oxfordhb/9780195375343.013.0016
11. Карпинский К.В. Осознанная саморегуляция жизненного пути личности // *Психологическая служба*. 2003. № 4. С. 22–31.
12. Абульханова К.А. Методологический принцип субъекта: исследование жизненного пути личности // *Психологический журнал*. 2014. Т. 35, № 2. С. 5–18.
13. Карпинский К.В. Стратегия жизни как структурная организация индивидуальной жизнедеятельности // *Психология жизненного пути личности: методологические, теоретические, методические и прикладные проблемы* / под ред. Н.А. Логиновой. Гродно: ГрГУ, 2012. С. 248–271.
14. Клементьева М.В. Биографическая рефлексия в контексте психологического анализа. Тула : ТулГУ, 2013. 156 с.
15. Салихова Н.Р. Психические состояния как механизм обратной связи в регуляции жизнедеятельности субъекта // *Психология психических состояний: актуальные теоретические и прикладные проблемы : материалы второй Всероссийской научной конференции. Казанский федеральный университет, 14–16 ноября 2013 г. : в 2 ч. Казань : Отечество, 2013. Ч. 1. С. 121–127.*
16. Чудновский В.Э. Смысл жизни: некоторые итоги исследования // *Психологический журнал*. 2015. Т. 36, № 1. С. 5–19.
17. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // *Сибирский психологический журнал*. 2016. № 62. С. 18–38.
18. Карпинский К.В. Смыслжизненный кризис в развитии личности: Анализ концепций отечественной и зарубежной психологии. Гродно : ГрГУ, 2015. 319 с.
19. Конопкин О.А. Участие эмоций в осознанной регуляции целенаправленной активности человека // *Вопросы психологии*. 2006. № 3. С. 38–49.
20. Lazarus R.S. *Emotion and Adaptation*. New York : Oxford University Press, 1991. 576 p.
21. Серый А.В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. 272 с.
22. Серый А.В., Юпитов А.В. Применение теста смысложизненных ориентаций к диагностике актуальных смысловых состояний (новая концептуализация) // *Сибирская психология сегодня: сборник научных трудов. Кемерово, 2003. Вып. 2. С. 55–72.*
23. Schnell T. Existential Indifference: Another Quality of Meaning in Life // *Journal of Humanistic Psychology*. 2010. V. 50 (3). P. 351–373.
24. Damasio B.F., Koller S.H. Complex Experiences of Meaning in Life: Individual Differences Among Sociodemographic Variables, Sources of Meaning and Psychological Functioning // *Social Indicators Research*. 2015. V. 123 (1). P. 161–181.
25. Болотова А.В., Леонтьев Д.А. Русскоязычная адаптация опросника источников смысла жизни // 6-я Всеросс. науч.-практ. конф. по экзистенциальной психологии, 4–6 мая 2016 г. : материалы сообщений. М. : Смысл, 2016. С. 77–82.
26. Леонтьев Д.А., Тараненко О.А., Калашникова О.Э. Специфика осмысленности жизни у различных групп кризисных пациентов // *Мир психологии*. 2017. № 3. С. 190–201.
27. Куликов Л.В. Психология настроения. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997. 228 с.
28. Прохоров А.О. Интегрирующая функция психических состояний // *Психологический журнал*. 1994. Т. 15, № 3. С. 136–145.
29. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М. : Смысл, 2007. 528 с.

30. Прохоров А.О. Смысловая регуляция психических состояний. М. : Институт психологии РАН, 2009. 352 с.
31. Карпинский К.В. Жизнедеятельность как форма активности субъекта жизни // Методология и история психологии. 2010. Т. 5, № 1. С. 184–203.
32. Салихова Н.Р. Ценностно-смысловая организация жизненного пространства личности. Казань : Казан. ун-т, 2010. 452 с.
33. Карпинский К.В. и др. Новые методы субъектной психодиагностики. Гродно : ГрГУ, 2015. 174 с.
34. Debats D.L., Drost J., Hansen P. Experiences of meaning in life: A combined qualitative and quantitative approach // British Journal of Psychology. 1995. V. 86. P. 359–375. DOI: 10.1111/j.2044-8295.1995.tb02758.x
35. Карпинский К.В. Опросник смысложизненного кризиса. Гродно : ГрГУ, 2008. 126 с.

Поступила в редакцию 28.05.2018 г.; принята 13.02.2019 г.

Карпинский Константин Викторович – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой экспериментальной и прикладной психологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.
E-mail: karpkostia@tut.by

For citation: Karpinskij KV. Meaning-oriented Tasks and Meaning-associated States in Personality Development. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2019; 71:79-106. doi: 10.17223/17267080/71/5. In Russian. English Summary

Meaning-oriented Tasks and Meaning-associated States in Personality Development

Konstantin V. Karpinskij^a

^a Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko Str., Grodno, 230023 Belarus

Abstract

The author proposes a theoretical model that explains the psychological phenomenology, mechanisms and regularities of the personality development as a subject of life. Proceeding from the general understanding of personality development, mediated by the person's own activity in resolving different types of contradictions and problems, one introduces the notion of a special class of developmental tasks, inherent in the development of the subject of life. This class is defined by the term «meaning-oriented tasks» and includes the search, preservation and practical realization of the individual meaning of life. The search of meaning is a self-determination task of a subject of life; meaning-saving is a self-preservation task of a subject of life; meaning-fulfilling corresponds to the self-realization task of a subject of life. Mental and practical activity aimed at the solution of meaning-oriented tasks is guided by a special system of self-regulation inherent in the personality as a subject of life. The feedback functions in this system carry out subjective experiences of the meaningfulness of life and the meaningful crisis, which respectively signal a successful and unsuccessful solution of meaning-oriented tasks, and thereby reveal the level and actual status of the development of the personality as a subject of life. Contrary to existing ideas about the meaningfulness and crisis of meaning as incompatible (mutually exclusive) forms of existential experience of personality, empirical observations show that these subjective experiences can be combined in different ways. To denote the integral form of the subjective experience connecting the meaningfulness

and crisis of meaning the concept of «meaning-associated states» is introduced. The generalization and systematization of empirical data obtained by the author and other researchers made it possible to distinguish four types of meaning-associated states: prosperous, conflict, stagnant and crisis. It is empirically established that each meaning-associated state is conditioned by personal acceptance or non-acceptance of meaning-oriented tasks, as well as by productivity of their solutions in individual development.

Keywords: meaning of life; subject of life; meaning-oriented tasks; meaningfulness; meaning of life crisis; meaning-associated states; prosperous state; conflict state; stagnant state; crisis state.

References

1. Karpinsky, K.V. (2017) Smyslozhiznennyye zadachi i sostoyaniya lichnosti [Life-purpose tasks and states of the individual]. In: Vayzer, G.A., Kiselnikova, N.V. & Popova, T.A. (eds) *Psikhologicheskie problemy smysla zhizni i akme* [Psychological Problems of the Meaning of Life and Acme]. Moscow: Psychological Institute of RAO. pp. 22–24. [Online] Available from: <http://www.pirao.ru/images/labs/gporl/XXII-simpozium.pdf>.
2. Leontiev, D.A. (2013) Lichnostnoe izmerenie chelovecheskogo razvitiya [Personal dimension of human development]. *Voprosy psikhologii*. 3. pp. 67–80.
3. Karpinsky, K.V. (2016) *Neoptimal'nyy smysl: psikhologicheskie tupiki zhiznennogo puti lichnosti* [Suboptimal meaning: psychological deadlocks of a person's life path]. Grodno: Grodno State University.
4. Zalevskij, G.V., Zalevskij, V.G. & Kuzmina Yu.V. (2009) Anthropological psychology: biopsychosocionoetical model of personality and his health. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 33. pp. 99–103. (In Russian).
5. Frankl, V. (1990) *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning]. Translated from German. Moscow: Progress, 1990. 368 s.
6. Popielski, K. (1994) *Noeticzny wymiar osobowosci. Psychologiczna analiza poczucia sensu zycia* [Noetic dimension of personality. Psychological analysis of the sense of the meaning of life]. Lublin: KUL.
7. Leontiev, D.A. (ed.) (2011) *Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: structure and diagnosis]. Moscow: Smysl.
8. Carver, C.S. & Scheier, M.F. (1998) *On the self-regulation of behavior*. New York: Cambridge University Press.
9. Park, C.L. (2010) Making sense of the meaning literature: An integrative review of meaning making and its effects on adjustment to stressful life events. *Psychological Bulletin*. 1(36). pp. 257–301. DOI: 10.1037/a0018301
10. Wrosch, C. (2010) Self-regulation of unattainable goals and pathways to quality of life. In: Folkman, S. (ed.) *Oxford Handbook of Stress, Health, and Coping*. New York: Oxford University Press. pp. 319–333. DOI:10.1093/oxfordhb/9780195375343.013.0016
11. Karpinsky, K.V. (2003) Osoznannaya samoregulyatsiya zhiznennogo puti lichnosti [Conscious self-regulation of the person's life path]. *Psikhologicheskaya sluzhba*. 4. pp. 22–31.
12. Abulkhanova, K.A. (2014) Metodologicheskii printsip sub"ekta: issledovanie zhiznennogo puti lichnosti [The methodological principle of the subject: the study of the person's life course]. *Psikhologicheskij zhurnal*. 35(2). pp. 5–18.
13. Karpinsky, K.V. (2012) Strategiya zhizni kak strukturnaya organizatsiya individual'noy zhiznedeiatel'nosti [Life strategy as a structural organization of individual life activity]. In: Loginova, N.A. (ed.) *Psikhologiya zhiznennogo puti lichnosti: metodologicheskie, teoreticheskie, metodicheskie i prikladnye problem* [Psychology of a person's life path: methodological, theoretical, methodical and applied problems]. Grodno: Grodno State University. pp. 248–271.

14. Klementieva, M.V. (2013) *Biograficheskaya refleksiya v kontekste psikhologicheskogo analiza* [Biographical reflection in the context of psychological analysis]. Tula: Tula State University.
15. Salikhova, N.R. (2013) Mental states as a feedback mechanism in the regulation of the subject's vital activity. *Psikhologiya psikhicheskikh sostoyaniy: aktual'nye teoreticheskie i prikladnye problemy* [Psychology of Mental States: Topical Theoretical and Applied Problems]. Proc. of the Second All-Russian Conference. Kazan. November 14–16, 2013. Kazan: Otechestvo. pp. 121–127. (In Russian).
16. Chudnovsky, V.E. (2015) Smysl zhizni: nekotorye itogi issledovaniya [The meaning of life: some results of the study]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 36(1). pp. 5–19.
17. Leontiev, D.A. (2016) Autoregulation, Resources, and Personality Potential. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 62. pp. 18–38. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/62/3
18. Karpinsky, K.V. (2015) *Smyslozhiznennyy krizis v razvitii lichnosti: Analiz kontseptsii otechestvennoy i zarubezhnoy psikhologii* [Life-purpose crisis in the development of personality: Analysis of the concepts of domestic and foreign psychology]. Grodno: Grodno State University.
19. Konopkin, O.A. (2006) Uchastie emotsiy v osoznannoy regulyatsii tselenapravlennoy aktivnosti cheloveka [Participation of emotions in the conscious regulation of the person's purposeful activity of a person]. *Voprosy psikhologii*. 3. pp. 38–49.
20. Lazarus, R.S. (1991) *Emotion and Adaptation*. New York: Oxford University Press.
21. Seryy, A.V. (2004) *Sistema lichnostnykh smyslov: struktura, funktsii, dinamika* [The system of personal meanings: structure, function, dynamics]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
22. Seryy, A.V. & Yupitov, A.V. (2003) Primenenie testa smyslozhiznennykh orientatsiy k diagnostike aktual'nykh smyslovnykh sostoyaniy (novaya kontseptualizatsiya) [Application of the life-sense orientation test to the diagnosis of the current semantic states (new conceptualization)]. In: Yanitsky, M.S. (ed.) *Sibirskaia psikhologiya segodnya* [Siberian Psychology Today]. Vol. 2. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 55–72.
23. Schnell, T. (2010) Existential Indifference: Another Quality of Meaning in Life. *Journal of Humanistic Psychology*. 50(3). pp. 351–373. DOI: 10.1177/0022167809360259
24. Damasio, B.F. & Koller, S.H. (2015) Complex Experiences of Meaning in Life: Individual Differences Among Sociodemographic Variables, Sources of Meaning and Psychological Functioning. *Social Indicators Research*. 123(1). pp. 161–181. DOI: 10.1007/s11205-014-0726-3
25. Bolotova, A.V. & Leontiev, D.A. (2016) [Russian adaptation of the questionnaire on the sources of the meaning of life]. 6-ya Vseross. nauch.-prakt. konf. po ekzistentsial'noy psikhologii [The Sixth All-Russian Conference On Existential Psychology]. May 4–6, 2016. Moscow: Smysl. pp. 77–82. (In Russian).
26. Leontiev, D.A., Taranenko, O.A. & Kalashnikova, O.E. (2017) Specificity of the life meaningfulness in different groups of crisis patients. *Mir psikhologii – World of Psychology*. 3. pp. 190–201. (In Russian).
27. Kulikov, L.V. (1997) *Psikhologiya nastroyeniya* [Psychology of Mood]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
28. Prokhorov, A.O. (1994) Integriruyushchaya funktsiya psikhicheskikh sostoyaniy [Integrating function of mental states]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 15(3). pp. 136–145.
29. Asmolov, A.G. (2007) *Psikhologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka* [Personality psychology: cultural and historical understanding of human development]. Moscow: Smysl.
30. Prokhorov, A.O. (2009) *Smyslovaya regulyatsiya psikhicheskikh sostoyaniy* [Semantic regulation of mental states]. Moscow: Institute of Psychology, RAS.
31. Karpinsky, K.V. (2010) Life activity as form of activity of subject of life. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 5(1). pp. 184–203. (In Russian).

32. Salikhova, N.R. (2010) *Tsennochno-smyslovaya organizatsiya zhiznennogo prostranstva lichnosti* [The value-semantic organization of the living space of the personality]. Kazan: Kazan State University.
33. Karpinsky, K.V. et al. (2015) *Novye metody sub"ektnoy psikhodiagnostiki* [New methods of subject psychodiagnostics]. Grodno: Grodno State University.
34. Debats, D.L., Drost, J. & Hansen, P. (1995) Experiences of meaning in life: A combined qualitative and quantitative approach. *British Journal of Psychology*. 86. pp. 359–375. DOI: 10.1111/j.2044-8295.1995.tb02758.x
35. Karpinsky, K.V. (2008) *Oprosnik smyslozhiznennogo krizisa* [Questionnaire for the meaning of life crisis]. Grodno: Grodno State University.

Received 25.05.2018; Accepted 13.02.2019

Konstantin V. Karpinskij – Head of the Chair of Experimental and Applied Psychology, Yanka Kupala State University of Grodno, Sc.D., Associate Professor.
E-mail: karpkostia@tut.by

УДК 159.9.075.5

КАРТОЧНЫЙ ТЕСТ-МАРИ: ВАЛИДИЗАЦИЯ И МОДИФИКАЦИЯ

М.Ю. Луцик^а, А.Ю. Бергфельд^а

^а Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, Пермь, ул. Букарева, д. 15

Представлены результаты попытки валидизировать и модифицировать карточный тест-МАРИ, разработанный Джоан Келлог и направленный на описание личности человека через архетипические символы. Конкретизирована цель методики – определение отношения человека к его социальной ситуации развития. С помощью статистического анализа частично подтверждены феноменологические значения карточек, предложенные Д. Келлог, где, по ее мнению, из 13 стадий первые три имеют негативное значение симбиотического слияния и отсутствия сформированной идентичности. Вторая четверть круга определяет индивида как находящегося в процессе выделения и обретения Я; выбирая мандалы с 6-й по 9-ю стадии, индивид обозначает свои особенности отношений с социумом, а последние 4 картинки описывают человека как проживающего кризис «нового рождения». Помимо этого, создана структура для дальнейшей модификации методики. С ее помощью будет проще определять «нормальный» и «негативный» выбор индивида для скрининговой диагностики, а также данная модификация позволит осуществить переход от широких архетипических понятий к структурированному описанию отношения личности к ее ситуации развития.

Ключевые слова: МАРИ-тест; мандала; проективная диагностика; Д. Келлог; рисуночный тест; устойчивый символ; символические карточки; архетипические стадии.

Существует большое количество примеров использования карточного теста-МАРИ, как и в целом проективных методик, которые используют рисунки-мандалы. У них зачастую отсутствуют теоретические показатели валидности и надежности, которые также не были найдены у данного теста [1. С. 362]. В том числе у подобных инструментов наблюдаются трудности с операционализацией понятий. Так, под главным системообразующим понятием данной диагностики, мандалой, можно подразумевать многое, мы же будем обращаться к двум основным смыслам. С одной стороны, мандала – это рисунок, имеющий основу в форме правильного круга с центром. В символическом же аспекте, по мнению К. Юнга, подобные картины обозначают стадии развития идентичности [2. С. 5]. Данное понятие является неоднозначным, как и любой другой символ, лишь отсылающий к новым значениям, но до конца не описывающий себя [3. С. 21]. В работах Д. Келлог также не было найдено четких данных о главном факторе рассматриваемой диагностики. Именно отсутствие операционализации и данных о верификации теста, но в тоже время его распространенность и орга-

низация различных групп МАРИ-психологов побуждают к проведению подобного исследования.

МАРИ-тест представляет собой стимульный материал, состоящий из 26 карточек, которые объединяются в 13 стадий. Индивиду следует выбрать три рисунка: сначала 2 карточки, которые нравятся больше всего, а затем ту карточку, которая не понравилась совсем [4. С. 84]. Далее психолог на основе этих трех выборов может описать как сознательные, так и глубинные слои личности респондента. Считается, что карточка имеет устойчивое архетипическое значение и, выбирая ее, индивид обозначает, в какой стадии он находится сейчас, какие у него есть жизненные задачи и потребности [3. С. 32]. В предлагаемой интерпретации данная методика скорее направлена на выяснение отношения человека к его ситуации развития, ведь индивид выбирает по принципу привлекательности / непривлекательности рисунка, тем самым обозначая не только собственное место в этой системе, но и свое отношение к ее элементам.

Помимо исследования неоднозначной структуры проведения, изучение данной методики является актуальным за счет того, что она сочетает в себе плюсы проективных методов. К ним следует отнести:

1) отсутствие социальной желательности, ведь карточки являются крайне абстрактным материалом [5. С. 39];

2) в силу проективного характера результаты таких тестов менее подвержены контролю сознания, и их информативность имеет особую ценность [6. С. 54].

Сочетая в себе плюсы проективных методов, МАРИ-тест обходит их недостатки. Большинство проективных методик проводится индивидуально, и в них достаточно тяжело делать устойчивые выводы и интерпретации [7. С. 24]. В анализируемом инструменте эти недостатки устраняются за счет теоретического допущения об устойчивых значениях карточек; также за счет модификации предполагается обеспечить легкость в ее интерпретации, что всегда является слабым местом проективного метода, где каждая интерпретация крайне субъективна.

Теоретическая значимость представленной темы: определение устойчивости и адаптивности символов, предложенных Д. Келлог, на базе трансперсональной и аналитической психологии; разработка способов верификации проективных методик с помощью объективных данных.

Научных публикаций, описывающих разработку и использование данной методики, весьма немного. Это может объясняться тем, что МАРИ-тест является качественным методом, в нем отсутствуют четкие характеристики, его данные относятся к номинальной шкале, а значит усложняется использование статистического аппарата, характерное для научных исследований и верификации методик. Описательные исследования встречаются редко из-за распространения данного инструментария среди психологов-практиков. Несмотря на это, удалось выявить основных специалистов, занимающихся данной проблемой. Ими являются Д. Келлог – как автор данной методики, Ф. Фрейм и С. Финчер, помогающие описывать и уточнять значения мандал,

а также А.И. Копытин, Э. Эдингер. Сама же методика базируется на концепциях К.Г. Юнга, З. Фрейда, Э. Ноймана, Э. Эриксона, С. Грофа [8. Р. 156].

На основе обозначенных выше проблем и противоречий данного инструментария была сформулирована цель работы – валидизация МАРИ-теста, а также его дальнейшая модификация. Исследований ни по первому, ни по второму пункту в русскоязычном сегменте не было найдено. Также особенностью данной работы являются детальное рассмотрение и анализ карточек из позиции взаимоотношений между символом и социальной ситуацией развития.

Объектом исследования являются диагностический метод – МАРИ-тест – и его символическая составляющая, а предметом исследования – психологическая характеристика карточек, входящих в него.

Процедура исследования, инструменты и выборка

Для верификации данной методики использовался кластерный анализ с целью эмпирической группировки карточек. Далее – корреляционный анализ Спирмена на выделенных кластерах и на группах, предложенных Д. Келлог (стадиях). Факторный анализ с вращением был использован для уточнения взаимоотношений кластеров. Материалом для сбора данных, помимо самого МАРИ-теста, были следующие диагностики: Опросник невротических тенденций К.К. Яхина; Пятифакторный опросник личности Р. МакКрае, П. Косты; диагностика самочувствия активности настроений (САН) В. Доскина; Шкала психологического благополучия К. Рифф в модификации Д.Г. Орловой; Шкала экзистенции А. Лэнгле; Шкала дифференциальных эмоций (ШДЭ) К. Изарда. Такой большой выбор обусловлен тем, что МАРИ-тест, по мнению Д. Келлог, описывает довольно большой спектр личностных характеристик и явлений [Там же]. Респондентами исследования были ученики старших классов, средний возраст – 17 лет, общим числом 80 человек (44 мальчика, 36 девочек).

Обсуждение результатов исследования

Переходя непосредственно к результатам исследования, важно отметить, что *главной задачей* была проверка соответствия характеристик карточек, предложенных Д. Келлог, данным, полученным с помощью объективных диагностик.

Процедура верификации началась с преобразования номинальной шкалы выбора карточек-мандал в дихотомическую. Индивиду не присваивались значения выбранных карточек, например 11, а все возможные выборы были разложены, и тем карточкам, которые были выбраны, присваивалось значение 1, а тем, что не были оценены, – 0 (рис. 1).

Это был первый шаг, который должен был позволить осуществить статистические действия с переменными. Хотя дихотомическая шкала и «сильнее» номинальной, но многие критерии все еще не могут быть применены с ней.

Поэтому применение корреляционных анализов и других методов, имеющих в основе этот механизм, было затруднено. Еще одной проблемой являлось то, что «не выборов» было намного больше, чем «выборов», так как из 26 значений по условиям задания человек мог выбрать только 3, и некоторые мандалы не были оценены никем. Все это подвигло к тому, чтобы пойти следующим путем: используя кластерный анализ, разбить все выборы на определенные группы, где каждый человек будет входить в один, два или три кластера, и тогда некоторые выборы будут значимее, «тяжелее», чем другие.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26
0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0
0	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0

Рис. 1. Пример преобразования номинальной шкалы в дихотомическую

Таким образом, были получены результаты группировки мандал в виде типичного кластерного дерева (рис. 2), где на дистанции 1,6 можно выделить четыре кластера. Такая дистанция была выбрана по той причине, что меньшее количество кластеров позволяет решить проблему невыбранных мандал. Помимо этого, четыре кластера соответствуют делению всего круга мандал на четыре квадранта, через которые проходит индивид в своем онтогенезе, по мнению Д. Келог [9. Р. 25].

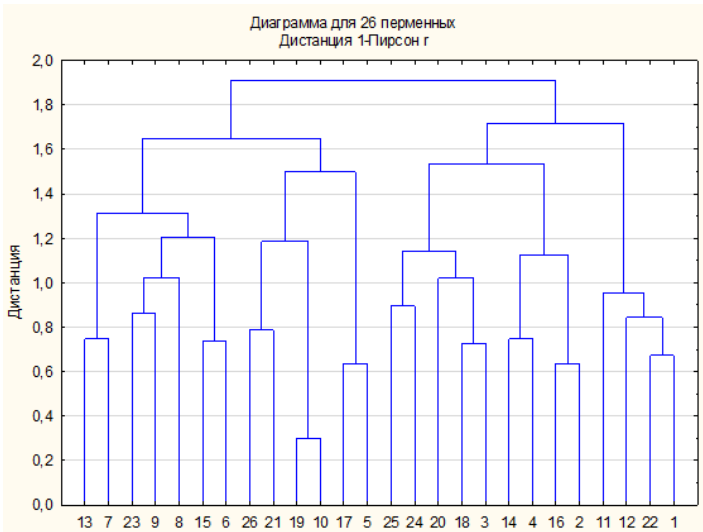

Рис. 2. Кластерный анализ на всех рисунках-мандалах, которые выбирали респонденты

Следующий шаг состоял в том, чтобы рассмотреть, какие именно мандалы объединились в группы, и определить, совпадает ли это с тем, что теоретически предлагает Д. Келлог.

За основу была взята система координат, на которой расположились все карточки в соответствии с полученной интерпретацией и вхождением в определенный кластер. Карточки, менее всего соответствующие значению оси, располагаются ближе к нулю. Наиболее устойчивые карточки, подтвердившие свое теоретическое значение эмпирическим путем, располагаются на крайних значениях выделенных осей.

В первом выделенном кластере оказываются следующие мандалы: 13, 7, 23, 9, 8, 15, 6. Из них большинство карточек, кроме 6 и 23, являются положительными, по мнению автора данной методики [9. Р. 25]. В соответствии со значениями этих карточек [3. С. 111] можно охарактеризовать данный кластер как «благополучный». Второй кластер – 26, 19, 10, 17, 5 – также является положительным, но на основании значений карточек, входящих в него, можно представить его описывающим более взрослую позицию, где деятельность и социальная ситуация строятся не вокруг образования, развития и выделения себя в мире, но вокруг вхождения в социум, и связаны с работой и деятельностью в коллективе [2. С. 183]. Помимо этого, все мандалы этого кластера описывают позицию активной личности [3. С. 47]. Третий кластер – 25, 24, 20, 18, 3, 14, 4, 16, 2 – можно проинтерпретировать как негативный. В него входят почти все карточки, которые являются негативными и сложными для ассимиляции и проживания [9. Р. 27], их можно сравнить с неудовлетворенностью наличной социальной ситуацией. Позитивными в этом кластере являются две мандалы, и каждая из них относится к взрослому социальному миру [3. С. 55]. Негативное проживание людей, входящих в эту группу, может иметь под собой причину – желание перескочить стадию развития и скорей войти в новую среду. Они могут желать освоить совсем иную деятельность, не ту, в которую они вовлечены сейчас, поэтому для них данный этап является негативным. И в четвертом кластере – 11, 12, 22, 1 – представлена стадия конфликта – это кризис, где человек находится между теми стадиями, которые описаны выше, только он не знает ни одного пути, куда идти дальше. Если в третьем кластере происходит кризис ассимиляции себя в социуме, то здесь наблюдается кризис «повторного рождения», который похож на ситуацию крайней неопределенности и фрустрированности [Там же. С. 106].

При сравнении этих кластеров с помощью корреляционного анализа Спирмена для более точного определения значений была получена структура, соответствующая теоретическому анализу (табл. 1).

Таблица 1

Корреляционный анализ Спирмена между выделенными кластерами

Выделенные кластеры	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4
Кластер 1	1,00	–0,16	–0,57**	–0,18
Кластер 2	–0,16	1,00	–0,40**	–0,17
Кластер 3	–0,57**	–0,40**	1,00	–0,27*
Кластер 4	–0,18	–0,17	–0,27*	1,00

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Первый и второй кластеры (табл. 1) являются положительными и имеют обратную взаимосвязь с третьим, негативным кластером (–0,40 и –0,57 со-

ответственно). Это подтверждает феноменологические описания карточек. Четвертый кластер показывает отличные от предполагаемых значений результаты. Он имеет обратную корреляцию со всеми остальными группами, что может быть связано с полной отчужденностью от вступления в какие-либо (положительные либо отрицательные) отношения.

Для дальнейшего изучения структуры взаимоотношений кластеров и их значений был использован факторный анализ с вращением. Предполагалось, что кластер 1 и кластер 3 объединятся в один фактор, описывая его с различных позиций (благополучия и неблагополучия), а кластер 2 и кластер 4 будут входить во второй фактор, также описывая его с различных позиций преодоления кризисов. Однако полученная структура отличается от предполагаемой (табл. 2).

Таблица 2

**Факторный анализ на полученных кластерах
для уточнения их взаимоотношений**

Кластеры для анализа	Полученные факторы		
	Фактор 1 «Благополучие»	Фактор 2 «Развитие»	Фактор 3 «Отчуждение»
Кластер 1	0,94***	0,24	-0,23
Кластер 2	-0,03	0,99***	-0,11
Кластер 3	-0,82***	-0,46	-0,34
Кластер 4	-0,03	-0,09	1,00***
Собственные числа	1,56	1,27	1,17
Доля объясняемой дисперсии	0,39	0,32	0,29

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Как видно в табл. 2, *первый фактор* имеет прямую корреляцию с первым кластером (0,94) и обратную с третьим (-0,82). Это вполне подтверждается гипотезой о том, что первый кластер объединяет группу положительных мандал и фактор, включающий его, можно обозначить как «благополучие», а третий кластер объединяет мандалы, которые характеризуют индивида как находящегося в состоянии «неблагополучия». Данный фактор ведет себя в соответствии с выдвинутой ранее гипотезой. *Второй фактор* можно назвать «развитие», так как его почти полностью описывает кластер 2 (0,99), о котором на основе мандал, входящих в него, известно, что он характеризует индивида как переживающего события, полностью включенного в них [2. С. 176]. Также здесь наблюдается тенденция к прямой взаимосвязи с первым, «благополучным», кластером (0,24) и обратной с кластером 3 (-0,46), что еще раз подтверждает гипотезу о характеристике этого кластера. Однако в данный фактор не вошел последний кластер 4, что может говорить о его принципиально иной структуре. Поэтому значение *третьего фактора* еще требует конкретизации, но может быть описано как кризисное состояние «отчуждения».

Полученный результат указывает на значения этих карточек и на то, чем они являются относительно друг друга. Также данная структура (табл. 2) впоследствии будет использована для модификации МАРИ-теста. Но значение четвертого кластера не соответствовало гипотезе, поэтому было решено провести уточняющий анализ.

Таким образом, следующим этапом работы стало проведение корреляционного анализа на выделенных кластерах с целью уточнения их значений и сравнения предлагаемых Д. Келлог характеристик с тем, что было получено с помощью объективных диагностик.

Первый кластер (табл. 3) эмпирически доказывает свое теоретическое описание. Он характеризует выбравших его людей как находящихся в стабильной ситуации развития и устойчивых отношениях с референтной группой [9. Р. 25]. Первая значимая корреляция в этом столбце *взаимосвязана с фактором невротической депрессии* ($-0,23$), обратная взаимосвязь является вполне логичной, ведь невротическая депрессия зачастую возникает с травмирующим событием, которое вряд ли может произойти на стадии благополучного проживания данного периода. Также и с *психической активацией* ($-0,26$): индивиду на данной стадии не требуется излишняя активность, ведь эта стадия – литическая, связанная с покоем и отсутствием повышенной активности. *Обратные значимые взаимосвязи с напряжением и конформностью* ($-0,25$ и $-0,32$) указывают на отсутствие негативных состояний на этой стадии.

Таблица 3

**Корреляционный анализ Спирмена на выделенных кластерах
и на шкалах объективных диагностик**

Наименование шкалы	Выделенные переменные			
	Кластер 1 «Благополучие»	Кластер 2 «Развитие»	Кластер 3 «Неблагополучие»	Кластер 4 «Отчуждение»
<i>Опросник невротических тенденций К.К. Яхина</i>				
Тревога	0,023	$-0,074$	0,356**	0,030
Невротическая депрессия	$-0,238^*$	$-0,070$	0,244*	0,054
Астения	0,169	0,007	$-0,177$	0,029
Истерия	0,103	$-0,044$	$-0,052$	$-0,015$
Обсессивно-фобические нарушения	0,148	$-0,054$	$-0,056$	$-0,060$
Вегетативные нарушения	$-0,020$	0,013	$-0,034$	0,068
Общая невротизация	0,116	$-0,039$	$-0,096$	0,031
<i>Диагностика самочувствия активности настроений В. Доскина</i>				
Психическая активация	$-0,267^*$	0,113	0,185	$-0,041$
Интерес	$-0,103$	0,051	0,018	0,061
Эмоциональный тонус	$-0,196$	$-0,028$	0,162	0,060
Напряжение	$-0,253^*$	0,115	0,089	$-0,022$
Конформность	$-0,322^*$	0,107	0,315*	$-0,163$
Дискомфорт	$-0,205$	$-0,094$	0,274*	$-0,027$
<i>Пятифакторный опросник личности Р. МакКрае, П. Косты</i>				
Экстраверсия-интроверсия	0,030	0,030	$-0,134$	0,135
Привязанность-отдаленность	0,068	0,096	$-0,220$	0,136
Контролирование-естественность	$-0,102$	0,035	0,013	0,084
Эмоциональность-сдержанность	$-0,085$	0,110	$-0,076$	0,113
Игривость-практичность	0,022	0,268*	$-0,249^*$	0,046

Окончание табл. 3

Наименование шкалы	Выделенные переменные			
	Кластер 1 «Благополу- чие»	Кластер 2 «Развитие»	Кластер 3 «Неблагополу- чие»	Кластер 4 «Отчужде- ние»
<i>Шкала дифференциальных эмоций К. Изарда</i>				
Интерес	0,016	0,024	0,028	-0,096
Радость	0,122	-0,050	-0,113	0,062
Удивление	0,028	-0,145	0,098	-0,025
Горе	-0,202	0,005	0,143	0,060
Гнев	-0,030	-0,015	0,146	-0,172
Отвращение	-0,121	-0,099	0,192	-0,012
Презрение	0,013	-0,244*	0,239*	-0,108
Страх	-0,142	-0,215	0,220	0,110
Стыд	-0,188	-0,259*	0,321*	0,069
Вина	-0,203	-0,021	0,143	0,090
<i>Шкала экзистенции А. Лэнгле</i>				
SD (самодистанцирование)	-0,035	0,047	-0,013	0,016
ST (самотрансценденция)	0,142	-0,104	-0,104	0,083
F (свобода)	0,079	-0,163	0,012	0,061
V (ответственность)	0,007	-0,181	0,176	-0,076
G (экзистенция)	0,084	-0,149	0,013	0,035
<i>Шкала психологического благополучия К. Рифф в модификации Д.Г. Орловой</i>				
Позитивные отношения	0,175	0,108	-0,183	-0,091
Автономия	0,150	-0,023	-0,108	-0,018
Управление средой	0,252*	-0,041	-0,159	-0,062
Личностный рост	0,285*	-0,040	-0,162	-0,108
Цели в жизни	0,187	0,264*	-0,146	0,008
Самопринятие	0,374**	-0,226	-0,208	0,058
Благополучие	0,351**	-0,057	-0,243*	-0,055

* p < 0,05, ** p < 0,01, *** p < 0,001.

Отрицательные эмоциональные составляющие, такие как вина, стыд, тревога, имеют обратную взаимосвязь, но она статистически не значима, хотя можно заметить эту направленность. И под конец выявлено много значимых корреляций со шкалами методики К. Рифф – диагностики психологического благополучия. Именно на основании этого и теоретического описания входящих сюда мандал предполагается понимать входящих в этот кластер людей как «испытывающих состояние благополучия», так как у них есть значимые взаимосвязи с *управлением средой* (0,25), что вытекает из *обратной корреляции с конформностью* (-0,32), *личностным ростом* (0,28), иначе благополучие бы превратилось в стагнацию. *Самопринятие* (0,37) является одной из самых важных характеристик этой стадии. Именно из принятия и позитивного отношения к себе рождается состояние удовлетворенности [10. С. 2] и, соответственно, само *благополучие* (0,35). Эти и приведенные в прошлом анализе данные являются значимым подтверждением гипотезы о том, что первый кластер может являться показателем переживания ситуации благополучия, удовлетворенности, адекватного и адаптивного проживания действующей ситуации развития [2. С. 171].

Второй кластер, понимаемый как развитие, связан с первым через отрицание третьего кластера (см. табл. 1), характеризующего неблагополучный период. Такое двойное отрицание позволяет понять качественно иную структуру описываемого кластера, хоть он и интерпретируется как положительный, но нет ни одной значимой взаимосвязи, похожей на те, которые были в первом кластере благополучия. Здесь появляются взаимосвязи с личностными особенностями – *игривостью* (0,26), что довольно необычно; но они наблюдаются только здесь, что, возможно, является следствием того, что некоторые люди могут развиваться всегда и считают это своей основной ведущей деятельностью. Также игривость может быть взаимосвязана с развитием, поскольку что она предполагает определенный уровень открытости опыту. *Презрение и стыд* имеют обратные корреляции с кластером *развития* (–0,24 и –0,25 соответственно). Это связано с тем, что в ситуации личностного развития наличие стыдовых реакций будет замедлять развитие или совсем препятствовать ему, ведь прогресс заключается в пробах новых действий и поведения, что является затруднительным при стыде. Презрение к другим также имеет обратную взаимосвязь с развитием, отсутствие же негативного отношения к себе (презрение есть проекция вытесненного) позволяет довериться естественному процессу роста и развития [11. С. 548]. Последняя переменная, с которой наблюдается значимая взаимосвязь, – это *цели в жизни* (0,26). Это совпадает с тем, что именно на данных стадиях появляются направленность и понимание своего желания [2. С. 178]. Итак, на основании выделенных взаимосвязей еще раз отмечается тенденция к тому, что второй фактор описывает отношения с социальной ситуацией как развивающие. Индивид в ней занимает позицию активного ученика, который ассимилирует, но не интроецирует опыт [3. С. 47].

Третий кластер, следуя нашей гипотезе, является противоположностью первому, точнее – благополучию. Это подтверждают представленные взаимосвязи. Так, здесь есть значимые корреляции с *тревогой и невротической депрессией* (0,35 и 0,24), что указывает на неблагополучность данной стадии. *Конформность и дискомфорт* имеют значимые взаимосвязи с этим кластером (0,31 и 0,27 соответственно). Конформность в используемой методике предполагает чувство неудовлетворенности, подчиненности кому-то и чему-то, постоянное напряжение и давление. Конформность и дискомфорт могут быть связаны с отстраненностью от себя. Следуя такой интерпретации, индивид находится в состоянии отчуждении от своей самости и ощущает давление чужой этики [12. С. 7], что ведет к ситуации неблагополучия. Корреляция этого кластера с *практичностью* (0,249) может быть интерпретирована через конформность. Даже в описании этого признака указано следующее: «Черта, проявляющаяся у личности в тенденции соответствовать реальности, что в своих крайних проявлениях ведет к конформизму, жестокости и авторитаризму; первичными компонентами этого фактора, являются консерватизм, низкая чувствительность, ригидность» [13. С. 5]. Помимо таких крайних значений, взаимосвязь с практичностью можно интерпретировать как то, что третий кластер так

или иначе является противоположностью второму ($-0,46$; см. табл. 2), которому присуща игровая открытая познающая позиция, здесь же индивид описывает себя как практичного и консервативного человека. На основе этого можно сказать, что у мандал есть тенденция делить людей на различные группы по личностным признакам, но данное положение еще требует проверки. Прямые корреляции с *презрением и стыдом* ($0,239$ и $0,312$) также противоположны второму кластеру, поэтому, возможно, третий кластер является не только неблагополучием, но и включает в себя определенную часть стагнации, отсутствия и невозможности развития, что поясняет его обратную связь с кластером 2. Также наличие презрения и стыда мешают благополучному и удовлетворительному существованию, адаптивному вхождению в социум [2. С. 180] и установлению коллегальных отношений, эти проблемы видны и в мандалах из этой стадии – 2, 4, 24. Последняя для этого кластера корреляция окончательно подтверждает гипотезу об обратности этого кластера *благополучию* ($-0,243$), но взаимосвязь не очень большая, что может также подтверждать гипотезу о вхождении сюда определенного уровня фригидности – антитезы второго кластера.

Интерпретация *четвертого кластера* даже после анализа строится лишь на теоретических допущениях, ведь он не имеет никаких значимых взаимосвязей. Для их уточнения требуются дальнейшие исследования, но в каждом анализе он *отчужден* от остальных кластеров и значений, возможно, как и люди, выбирающие его.

Структура модификации диагностики

Из приведенных анализов удалось определить, что мандалы могут объединяться в кластеры, которые описывают людей в следующих терминах: *имеющие благополучные отношения со средой*, т.е. благополучно проживающие референтную социальную ситуацию, *проходящие этап развития*, в котором они достигают определенных целей, включаются и осваивают новые деятельности – это *первый кластер*. Также мандалы могут описывать людей как «успешно и активно меняющих свою социальную ситуацию развития», и этот процесс происходит для них «безболезненно» – *второй кластер*. *Третий же кластер* характеризует их как неудовлетворенных наличной ситуацией, но не совершающих действий для ее преодоления. А *четвертый кластер* может быть интерпретирован как отчуждение от вступления во взаимоотношения вообще.

На основании этого предлагается модификация данной методики, представленная на рис. 3.

За основу была взята система координат, на которой расположились все карточки в соответствии с полученной интерпретацией и вхождением в определенный кластер. Данная система (см. рис. 3) похожа на круг мандал, который используется в оригинальном варианте МАРИ-теста, с тем лишь отличием, что в нем мандалы сгруппированы не теоретическим путем, а эмпирическим, и у каждого квадранта есть устойчивое значение.

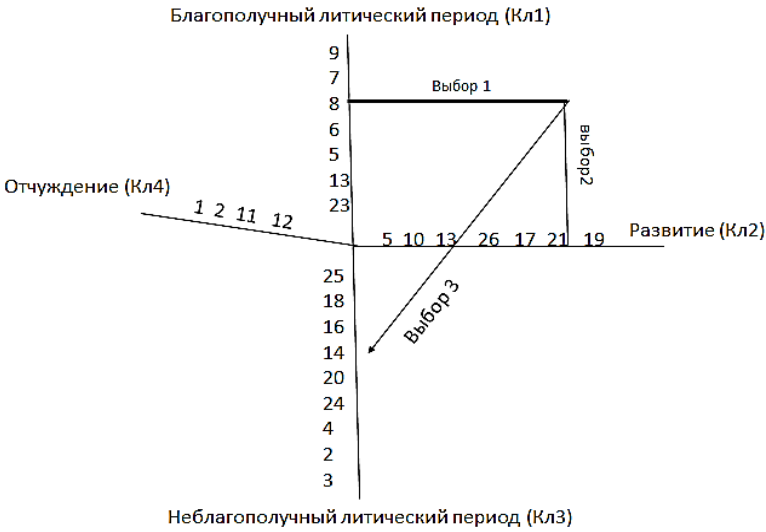

Рис 3. Примерная структура для модификации данной диагностики

В процедуре проведения также есть определенные изменения. Первой точкой отмечается пересечение первого и второго выборов мандал, а второй точкой – третий выбор, и рисуется прямая, показывающая возможный «путь развития». Но это лишь примерная модель и, возможно, стоит по-другому распределить выборы или представлять это в 3D-виде, иначе мы обнаруживаем ограничение – невозможность отметить абсолютно любое пересечение выборов. Выдвинутое положение требует проверки, чему предполагается посвятить дальнейшее исследование. На данный же момент именно эту структуру мы хотим предложить как один из результатов проведенной работы.

Выводы

На данном этапе еще сложно говорить о точной верификации данного метода, следует проводить крупномасштабные исследования, чтобы все карточки были оценены и соответствовали возрастам. В настоящий момент можно сделать вывод о том, что стадии разделяются на положительные и отрицательные [9. Р. 25], что было выявлено в теоретическом анализе, а позднее подтверждено статистическими методами. Полученный вывод позволяет быстрее и точнее интерпретировать выбор индивида в соответствии с характером взаимоотношений со средой.

Также теоретически представленная характеристика карточек, которую Д. Келлог вывела в практической работе и не проверяла объективными диагностиками, в большинстве случаев совпадает с той картиной, которую мы получили при статистическом анализе. Были установлены точные значения четырех кластеров, в которые входят картинки-мандалы, где: первый – «благополучие», второй – «развитие», третий – «неблагополу-

чие», четвертый – «отчуждение», но значение последнего кластера не имело значимых взаимосвязей и требует дальнейших исследований. Это может говорить о том, что представленный Д. Келлог стимульный материал в большинстве своем имеет тенденцию считаться валидным, и рисунки-мандалы все же являются символическими [14. С. 21]. Помимо этого определились «положительные» карточки, которые во фронтальной диагностике помогут быстрее описывать индивида как находящегося в благополучных отношениях со средой (кластеры 1 и 2). Конечным же выводом является то, что данная методика может интерпретироваться в более компактном и простом виде, как было представлено в качестве итога нашей работы. Однако стоит отметить, что это черновой вариант модификации, и предложенная структура требует дальнейшей разработки и уточнения значения тех карточек, которые выбирались редко.

Перспектива дальнейшего исследования и валидации МАРИ-теста заключается в применении контент-анализа, что может выглядеть как соотнесение небольшого описания-эссе о выбранных мандалах с предложенными Д. Келлог вербальными ассоциациями, возникшими в ходе ее клинических исследований [3. С. 63]. С помощью этого будет проще всего установить, имеют ли данные карточки базовое, устойчивое значение и могут ли они использоваться как скрининговая диагностика. Также следует провести отдельное исследование для установления возможности применения модификации МАРИ-теста.

Поскольку конечные результаты и выводы об устойчивости карточек не были достигнуты, следует сказать об *ограничениях и возможностях* применения данной методики. Ее можно проводить на индивидуальных сессиях, что на данном этапе исследования является более предпочтительным и надежным, с целью диагностики соответствия наличной ситуации и позиции индивида, а также с целью определения возможных застреваний и неразрешенных кризисов [8. С. 156]. В целом рассматриваемая диагностика может применяться в двух дизайнах: как скрининговая групповая диагностика, что осуществляют ученики Д. Келлог, исследуя различные популяции с помощью этой методики [Там же. С. 157] и как метод терапевтического воздействия и взаимодействия [15. С. 7]. Все зависит от того, в какой модификации использовать данный стимульный материал, что очень похоже на актуальные варианты использования теста Г. Роршаха.

Нами был рассмотрен случай использования МАРИ-теста как групповой скрининговой диагностики, но даже в этом случае выбранные карточки можно будет использовать и в терапевтической работе как референтный стимульный материал, к которому индивид уже что-то переживает. Это поможет раскрыть больше искажающих составляющих Я-концепции [11. С. 542].

Во фронтальной диагностике на данный момент МАРИ-тест имеет больше ограничений, чем в терапевтическом дизайне. По результатам этой диагностики можно приглашать тех респондентов, которые открыто заявляют о наличии трудностей и проблем, используя тест для «растопливания

льда» [7. С. 16], а также если два или тем более три выбора индивида попадают в карточки из третьего кластера, и все характеризуются как неблагоприятные.

Литература

1. Шапарь В.Б., Шапарь О.В. Практическая психология. Проективные методики. Ростов н/Д. : Феникс, 2006. 480 с.
2. Финчер. С.Ф. Создание и интерпретация мандалы: метод Мандалы в психотерапии. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2015. 216 с.
3. Копытин А.И. Диагностика в арт-терапии. Метод «Мандала». СПб. : Речь, 2005. 120 с.
4. Копытин А.И. Современная клиническая арт-терапия : учеб. пособие. М. : Когито-Центр, 2015. 526 с
5. Диагностика в медицинской (клинической) психологии: современное состояние и перспективы / под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рощиной. М. : Сам Полиграфист, 2016. 254 с.
6. Петрайтене М.В. Возможности применения проективной диагностики в психологическом сопровождении развития личности дошкольников // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2-2 (82). С. 53–57. DOI: 10.14258/izvasu(2014)2.2-08.
7. Шляпникова И.А. Проективные методы психодиагностики / под ред. Е.Л. Солдатов. Челябинск : ЮУРГУ, 2015. 71 с.
8. Krippner S., Rhinehart L. Scores of psychic claimants on the MARI card test // Subtle Energies & Energy Medicine. 1997. V. 8, № 2. P. 153–172.
9. Frame P. Assessing a couple's relationship and compatibility using the MARI card test and mandala drawings // Art therapy: Journal of the American Art Therapy Association. 2006. № 23 (1). P. 23–29.
10. Фомина О.О. Благополучие личности: проблемы и подходы к исследованию в отечественной психологии // Мир науки. 2016. Т. 4, № 6. С. 1–13. URL: <http://mirnauki.com/PDF/53PSMN616.pdf>.
11. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. 3-е изд. СПб. : Мастера психологии, 2014. 608 с.
12. Эдингер Э. Эго и архетип / пер. В. Зеленский. М. : Касталия, 2015. 344 с.
13. Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2000. 46 с.
14. Юнг К.Г. Архетип и символ / ред. В.В. Зеленский. М. : Ренессанс, 1991. 343 с.
15. Беллак Л., Абт Л.Э., Олпорт Г.У. и др. Проективная психология. М. : Эксмо-Пресс, Апрель-Пресс, 2000. 528 с.

*Поступила в редакцию 17.05.2018 г.; повторно 28.09.2018 г.;
повторно 12.10.2018 г.; принята 14.02.2019 г.*

Луцик Максим Юрьевич – магистрант философско-социологического факультета Пермского государственного университета.

E-mail: aumi123@yandex.ru

Бергфельд Александра Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии философско-социологического факультета Пермского государственного университета.

E-mail: abergfeld@yandex.ru

For citation: Lutsik, M.Y., Bergfeld, A.Y. MARI Card Test: Validation and Modification. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2019; 71:107-121. doi: 10.17223/17267080/71/6. In Russian. English Summary

MARI Card Test: Validation and Modification

Maksim Y. Lutsik^a, Alexandra Y. Bergfeld^a

^a Perm State University, 15 Bukireva Str., Perm, 614990, Russian Federation.

Abstract

This article presents the results of validation and modification of the MARI card test, developed by Joan Kellogg for the full diagnostics of personality through archetypal symbols. We acknowledged the absence of specific indicators of validity and reliability for this diagnostics, as well as found advantages that favorably distinguish this projective method from others.

The object of our research is the psychological characteristics of the cards that are the stimulus material of this technology. We studied it using the following tools: the questionnaire of neurotic tendencies of K.K. Yakhin; the five-factor person questionnaire by R. McCray; the methods of SAN by V. Doskin; the scales of psychological well-being by K. Riff; the existence scales by A. Langle. Such a large choice may be explained by the fact that the inspected theory covers a wide range of personality from states to more stable traits.

We used the dichotomous transformation to transition from the qualitative scale of mandala selection to the rank scale. After it, we applied cluster analysis to reduce the number of "non-choices" mandalas and to create the possibility of performing correlation analysis. Spearman's correlation analysis and factor analysis were used on the selected clusters, in order to establish their relationships and identify the possible structure. In addition, Spearman's correlation analysis was used to test the psychological characteristics of cards between the selected clusters and the objective diagnostic data.

Based on the analysis presented, the values of these cluster were established, which means that mandalas - pictures also were valued. These values mostly match to the ideas proposed by J. Kellogg as a stable characteristic of a symbol. Each of four clusters got its empirical meaning: 1 for «well-being», 2 for «development», 3 for «ill-being», 4 for «alienation», but value of the fourth cluster requires further research. Not all the mandalas received an accurate and theoretical-relevant characteristic, so, in using this technique, we come across confines, also described in our work. To facilitate the interpretation, we proposed a vector structure with which it would be easier to characterize the choice of a participant.

We suggest a further research of MARI-test with using the content analysis. It may be a correlation between small descriptions about the selected mandalas and the epithets proposed by J. Kellogg, which arose during her clinical researches. In our opinion, the using of it will be the easiest way to find out if these cards have a basic, sustainable value and if they can be used as a screening diagnostics.

Keywords: MARI-test; mandala; projective diagnostics; validation and modification of diagnostics; Joan Kellogg; drawing test; steady symbol; analysis of forms and cards; Carl Jung; archetype; stage.

References

1. Shapar, V.B. & Shapar, O.V. (2006) *Prakticheskaya psikhologiya. Proektivnye metodiki* [Practical psychology. Projective techniques]. Rostov-on-Don: Feniks.
2. Fincher, C.F. (2015) *Sozdanie i interpretatsiya mandaly: metod Mandaly v psikhoterapii* [Creating Mandalas: For Insight, Healing and Self-Expression]. Translated from English. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy.
3. Kopytin, A.I. (2005) *Diagnostika v art-terapii. Metod "Mandala"* [Diagnostics in art therapy. Mandala method]. St. Petersburg: Rech'.

4. Kopytin, A.I. (2015) *Sovremennaya klinicheskaya art-terapiya* [Modern clinical art therapy]. Moscow: Kogito-Tsentr.
5. Zvereva, N.V. & Roshchina, I.F. (eds) (2016) *Diagnostika v meditsinskoj (klinicheskoy) psikhologii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Diagnostics in medical (clinical) psychology: current state and prospects]. Moscow: Sam Poligrafist.
6. Petraytene, M.V. (2014) Effective Means of Projective Diagnostics Using as Pre-School Children Personality Psychological Guidance. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 2-2(82). pp. 53–57. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2014)2.2-08
7. Shlyapnikova, I.A. (2015) *Proektivnye metody psikhodiagnostiki* [Projective methods of psychodiagnosics]. Chelyabinsk: South Ural State University.
8. Krippner, S. & Rhinehart, L. (1997) Scores of psychic claimants on the MARI card test. *Subtle Energies & Energy Medicine*. 8(2). pp. 153–172.
9. Frame, P. (2006) Assessing a couple's relationship and compatibility using the MARI card test and mandala drawings. *Art therapy: Journal of the American Art Therapy Association*. 23(1). pp. 23–29. DOI: 10.1080/07421656.2006.10129530
10. Fomina, O.O. (2016) Blagopoluchie lichnosti: problemy i podkhody k issledovaniyu v otechestvennoy psikhologii [Personal well-being: problems and approaches to research in Russian psychology]. *Mir nauki – World of Psychology*. 4(6). pp. 1–13. [Online] Available from: <http://mirnauki.com/PDF/53PSMN616.pdf>.
11. Hjel, L. & Ziegler, D. (2014) *Teorii lichnosti* [Theories of personality]. 3rd ed. Translated from English. St. Petersburg: Mastera psikhologii.
12. Edinger, E. (2015) *Ego i arkhetyip* [Ego and Archetype]. Translated from English by V. Zelensky. Moscow: Kastaliya.
13. Khromov, A.B. (2000) *Pyatifaktornyy oprosnik lichnosti* [Five-factor personality questionnaire]. Kurgan: Kurgan State University.
14. Jung, C.G. (1991) *Arkhetip i simvol* [The Archetype and Symbol]. Translated from English by V.V. Zelensky. Moscow: Renessans.
15. Bellak, L., Abt, L.E., Allport, G.W. et al. (2000) *Proektivnaya psikhologiya* [Projective psychology]. Translated from English by M. Budynina. Moscow: Eksmo-Press, April'-Press.

Received 17.05.2018; Revised 28.09.2018;

Revised 12.10.2018; Accepted 14.02.2019

Maksim Y. Lutsik – Master's Degree student, Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State University.

E-mail: aumi123@yandex.ru

Alexandra Y. Bergfeld – Associate Professor, Department of General and Clinical Psychology, Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State University, Cand. Sc.

E-mail: abergfeld@yandex.ru

УДК 159.937.3

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ДВОЙСТВЕННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

О.М. Краснорядцева^а, М.П. Мезенцева^б

^а Томский государственный университет, 634050, Россия, Томск, пр. Ленина 36,

^б Новосибирский государственный университет, 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

Представлены результаты эксперимента, посвященного изучению предпочтений при восприятии двойственных изображений у детей дошкольного возраста. Обнаружение детьми возможностей второй интерпретации двойственного изображения рассматривается как становящийся когнитивный опыт разрешения перцептивного противоречия. Предлагается новый формат экспериментальной процедуры исследования феномена восприятия двойственных изображений. Показано, что дети дошкольного возраста демонстрируют меньшее предпочтение двойственных изображений по сравнению с однозначными, а также выявлена возрастная динамика – меньшее предпочтение двойственных изображений детьми старшего возраста. Зафиксированные в эксперименте факты отсутствия у определенной части детей дошкольного возраста отдельной способности к производству нового для себя знания о двойственной природе изображений обсуждаются через призму постепенности освоения такого рода когнитивного опыта.

Ключевые слова: двойственные изображения; зрительное восприятие; дошкольный возраст; аттитуды.

Введение

Восприятие двойственных изображений привлекает научный интерес вот уже более 180 лет, став за это время междисциплинарной областью психологии, философии сознания и физиологии [1]. Мультистабильное восприятие представляет интерес для многих теоретических направлений, поскольку многозначность перцептивного материала предполагает активную, избирательную работу психики. Как гештальтпсихология, так и когнитивная психология, а в настоящее время и нейронаука, стремятся с различных сторон рассмотреть причины, по которым внешний стимул превращается в подлинно внутреннее психическое содержание. Большинство предложенных попыток группируется вокруг двух противоположных по смыслу подходов, дающих объяснение либо через восходящие, либо через нисходящие процессы [2]. Роль восходящих процессов состоит в обработке информации низкого порядка, т.е. сенсорной информации. Роль нисходящих процессов, напротив, состоит в обработке информации высокого порядка, что предполагает участие воли, ожиданий, прошлого опыта в принятии перцептивного решения. На наш взгляд, это противодействие носит характер

классической бинарной оппозиции «внутреннее–внешнее», поскольку исключительное участие восходящих процессов лишает субъекта активности (только внешнее), а исключительное участие нисходящих процессов лишает его реальности (только внутреннее). По сути, как бинарная оппозиция «внутреннее–внешнее», так и постулат непосредственности, имеющий к этому вопросу прямое отношение, представляют собой методологическую ошибку, что отражено в ряде работ [3–5]. На текущий момент поиск гибридной модели [6, 7] привел лишь к механическому учету противодействующих сторон, поэтому перспективным представляется поиск интегративной модели через иные методы исследования, поскольку только наличие синтеза может примирить наличие тезиса и антитезиса. Одним из таких путей является как раз изучение восприятия двойственных изображений с точки зрения принципа развития (подобно категории становления в философии Г.В.Ф. Гегеля), поскольку уже сформировавшаяся функция скрывает от исследования механизм своего функционирования [8].

Дискуссия, разворачивающаяся на протяжении двух столетий, редко приводила исследователей восприятия двойственных изображений к вопросу о возрастной специфике. Одной из первых таких довольно поздних (1977) попыток стал аргумент в пользу нисходящего направления, заключающийся в том, что реверсирование возможно только в случае, если человек осведомлен о самой возможности двойственной природы изображений в целом [9]. Изначально представленный на выборке детей средней школы, указанный феномен впоследствии проверялся и на детях дошкольного возраста, поскольку они с еще большей вероятностью не знакомы с природой двойственных изображений [10–13]. Полученные результаты стали серьезным контраргументом представителям восходящего направления, указывающим, в свою очередь, например, на весьма валидный закон скорости смены интерпретаций с течением времени [14–17]. Наличие или отсутствие знания о возможности двойственной природы стимулов оказались решающим фактором в том, будет ли вообще этот закон обнаружен, хотя при наличии знания скорость смены интерпретаций с течением времени представляла весьма устойчивую зависимость. Важным выводом из этих исследований стало понимание различия в самой постановке вопроса: изучение восприятия двойственных изображений при наличии или отсутствии знания о двойственности, что предполагает привлечение разных объяснительных схем.

В своем исследовании мы постарались рассмотреть вопрос возникновения знания о природе двойственности, поскольку он не может быть разрешен вне психологии развития. Когда речь идет о междисциплинарной области с длительной историей, наиболее продуктивным, с нашей точки зрения, концептуальным базисом для исследования является культурно-исторический подход в его современном воплощении – антропологической психологии [18]. Преимущество именно этого подхода состоит в том, что одной из отличительных черт антропологической психологии является попытка преодоления бинарной оппозиции «внутреннее–внешнее» [19].

Преодоление это достигается путем целостного рассмотрения человека в качестве сложной саморазвивающейся системы, в которой психика в отдельных своих проявлениях не является самостоятельной сущностью онтологического порядка. Психика (как и сознание) представляет собой эмерджентное свойство, основная функция которого заключается в избирательности поступающей информации [20. С. 11]. Двойственные изображения оказываются с точки зрения избирательности психического подхода задачей, содержащей в себе противоречие [21, 22]. Различного рода несоответствия важны для психики, ведь она служит для адаптации в изменяющейся среде [23, 24]. В случае возникновения противоречий сознание стремится к обретению соответствия путем применения различных стратегий [25–27]. И хотя частота обнаружения противоречий зависит от поставленной перед испытуемым задачи, в нашем исследовании, как будет показано ниже, двойственные изображения вызвали противоречие, поскольку задачей выступало, в частности, название каждого из изображений. Поиск названия представляет собой задачу категоризации, которая, в свою очередь, напрямую связана со способностью к обнаружению и разрешению познавательных противоречий [28].

Создав некоторое противоречие в экспериментальной ситуации, исследователю необходимо поставить какой-то дополнительный осмысленный вопрос. Для нас таким вопросом стало предпочтение детьми изображений разного типа, поскольку сама задача имеет весьма любопытный характер: как можно не предпочитать то, чего ты не называешь в качестве решения (якобы не воспринимаешь). Если подойти к этой ситуации с позиции наивного наблюдателя, то название двойственного изображения однозначной интерпретацией должно означать отношение, сопоставимое с оценкой однозначных изображений. Однако, как будет показано ниже, такого не происходит. Из этого следует, что предпочтения оказываются эвристически ценной мерой изучения восприятия двойственных изображений у детей дошкольного возраста.

Методы

Стимульный материал эксперимента состоял из шести наборов изображений тематики «животные», каждый набор содержал четыре изображения разного типа: однозначное (одн.), двойственное (дв.) и две его недвойственные альтернативы (недв. одн.). Однозначное изображение выбиралось таким образом, чтобы в нем не присутствовала двойственность, а содержание изображения должно отличаться от любых альтернатив двойственных изображений. Альтернативные интерпретации двойственного изображения получались путем добавления деталей, которые являются отличительными только для одного из двух образов двойственного изображения, например глаза, шерсть животного и т.п. Все изображения имели одинаковый размер, черно-белый цвет, были выполнены одним художником. Пример одного из шести наборов изображений представлен на рис. 1.

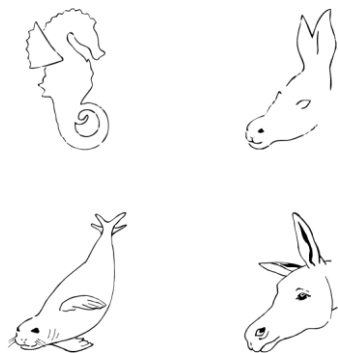

Рис. 1. Пример набора изображений: «морской конек» (одн.), «осел / тюлень» (дв.), «тюлень» (недв. одн.), «осел» (недв. одн.)

Все четыре изображения из набора выкладываются перед испытуемым одновременно в горизонтальный ряд. Инструкция предполагает выполнение двух заданий. Во-первых, ребенка просят назвать каждое изображение. При ответе проверяется, понимает ли ребенок изображенное, а также фиксируется интерпретация двойственных изображений. Во-вторых, ребенку предлагается выбрать то изображение, которое понравилось больше всего. После того как ребенок осуществляет выбор, указанное изображение убирается со стола и предлагается снова сделать выбор до тех пор, пока не будет получен весь ранговый ряд предпочтений.

В эксперименте использовались следующие методы контроля побочных переменных:

- фиксация художественного исполнения стимульного материала (цвет, размер, локализация, стиль и т.д.);
- рандомизация порядка изображений;
- рандомизация сравниваемых с двойственным изображением однозначных изображений;
- элиминация дополнительного шума путем проведения исследования в тихой комнате для сна соответствующей подгруппы детского сада.

Математико-статистическая обработка полученных данных осуществлялась с помощью статистического пакета для социальных наук IBM SPSS Statistics v.22.

Выборку исследования составили 105 детей дошкольного возраста (3–7 лет) из трех детских садов города Новосибирска: детский сад № 10 общеразвивающего вида (МКДОУ д/с № 10); центр развития ребенка – детский сад № 300 (ДОУ № 300); детский сад № 304 комбинированного вида (МКДОУ д/с № 304). Средний возраст испытуемых – 5 лет, среди них 39 мальчиков и 66 девочек.

Результаты исследования

Центральная гипотеза нашего исследования заключалась в следующем: двойственные изображения являются менее предпочитаемыми по сравне-

нию с недвойственными альтернативами и однозначными изображениями. Для проверки этой гипотезы мы сравнили полученные ранги предпочтения всех типов изображений статистическим критерием χ^2 -Фридмана, последующее попарное различие проводилось с помощью критерия знаков с поправкой Бонферрони на множественные сравнения (для четырех типов изображений производилось шесть сравнений, что дает допустимый уровень значимости $p = 0,05/6 = 0,0083$).

Стоит сделать два замечания относительно обозначений. Во-первых, в нашем исследовании было выделено 4 типа изображений: однозначное, двойственное, названная (н. альт.) и неназванная (нен. альт.) альтернативы двойственного изображения. Требуется пояснения маркировка недвойственных альтернатив. Названной альтернативой двойственного изображения в нашем исследовании выступает та недвойственная интерпретация, которая совпадает с интерпретацией, данной испытуемым двойственному изображению. Например, если испытуемый интерпретирует «осла / тюленя» исключительно как осла, то недвойственное изображение «осел» будет считаться нами названной альтернативой. В свою очередь, неназванной альтернативой считается то изображение, которое не было замечено как интерпретация двойственного изображения. В том относительно редком случае, когда испытуемый видел обе интерпретации двойственного изображения, названной считалась та интерпретация двойственного изображения, которая была найдена испытуемым первой. Можно было бы вовсе исключить расчет рангов для недвойственных альтернатив в случае обнаружения обеих интерпретаций двойственного изображения, однако мы решили этого не делать, поскольку обнаружение второй альтернативы всегда требовало от ребенка определенных усилий, вследствие чего общее рассуждение о названной и неназванной альтернативах сохраняет свою актуальность даже в этом редком случае. Во-вторых, расчет рангов производился следующим образом: 1 – самое непредпочитаемое изображение, 4 – самое предпочитаемое. Такое обозначение было выбрано для удобства последующей интерпретации статистического анализа.

Было получено статистически значимое различие рангов предпочтения четырех типов изображений χ^2 -Фридмана ($\chi^2 = 92,56$; $p = 0,00$). Последующее попарное сравнение G-критерием знаков показало наличие статистически значимых различий двойственных от остальных типов изображений; различий между разными типами однозначных изображений не обнаружено (табл. 1).

Предпочтение изображений детьми дошкольного возраста согласно средним рангам выглядит следующим образом: самым непредпочитаемым является двойственное изображение, остальные изображения являются значимо более предпочитаемыми. Графически обнаруженные различия мы представили через описательные статистики (min, Q1, Q2, Q3, max) диаграммой размаха (рис. 2). На диаграмме размаха видно, что ранг предпочтения двойственных изображений имеет существенное снижение всех рассматриваемых описательных статистик по сравнению с остальными типами изображений.

Таблица 1

Сравнение средних рангов предпочтений различных типов изображений

Критерий знаков						
Сравнение	Двой- ственное и одно- значное	Двой- ственное и названная альтерна- тива	Двой- ственное и неназван- ная альтер- натива	Однознач- ное и названная альтерна- тива	Однознач- ное и нена- званная альтерна- тива	Названная альтернатива и неназван- ная альтерна- тива
z	5,644	8,218	6,567	2,613	1,791	0,297
Асимпто- тическая зна- чимость (2-сторонняя)	0,000	0,000	0,000	0,009	0,073	0,766
Средний ранг χ^2 -Фридмана						
Тип изобра- жений	Двой- ственное	Однознач- ное	Неназванная альтернатива	Названная альтернатива		
	1,50	2,56	2,93	3,01		

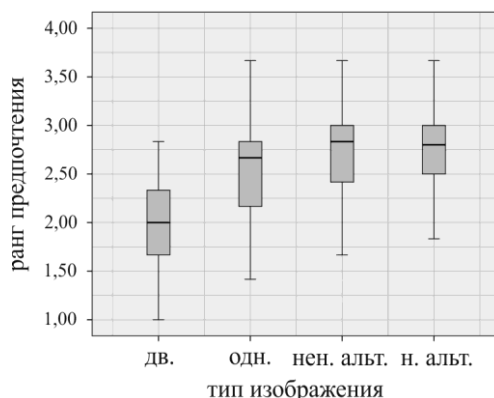

Рис. 2. Диаграмма размаха ранговых предпочтений по типам изображений

Диаграмма размаха не позволяет нам с точностью оценить силу обнаруженных эффектов, в связи с чем мы рассчитали пропорцию P – количество пар, в которых наблюдались типичные сдвиги G-критерия знаков, относительно общего количества пар наблюдений:

$$P = \frac{S}{n},$$

где S – количество типичных сдвигов, n – общее количество пар сравнения.

Для оценки доверительного интервала (CI) полученной пропорции мы воспользовались рекомендованным многими авторами [29–31] интервалом Уилсона [32. Р. 211]:

$$CI_w = \frac{S + \frac{\lambda^2}{2}}{n + \lambda^2} \pm \lambda \sqrt{\frac{\frac{SF}{n} + \frac{\lambda^2}{4}}{n + \lambda^2}},$$

где F – количество нетипичных сдвигов; λ – выбираемое количество стандартных отклонений двустороннего единичного нормального распределения $Z_{\alpha/2}$, т.е. в случае $CI(95\%) = 1,96$.

Для оценки размера эффекта полученной пропорции мы воспользовались индексом g , предложенным Дж. Коэном для случая использования критерия знаков [33. Р. 147]:

$$g = P - 0,50 .$$

Размер эффекта g оценивается следующим образом:

$g < 0,05$ – нет эффекта (н/э);

$g = 0,05$ – слабый (сл.);

$g = 0,15$ – средний (ср.);

$g = 0,25$ – сильный (сильн.).

Полученные пропорции типичных сдвигов (P), их доверительные интервалы ($95\% CI_w$) и размеры эффектов представлены в табл. 2.

Таблица 2

Размеры эффектов при сравнении средних рангов предпочтений различных типов изображений

Критерий знаков						
Сравнение	Двойственное и однозначное	Двойственное и названная альтернатива	Двойственное и неназванная альтернатива	Однозначное и названная альтернатива	Однозначное и неназванная альтернатива	Названная альтернатива и неназванная альтернатива
Типичные сдвиги S	Однозначное > двойственное	Названная альтернатива > двойственное	Не названная альтернатива > двойственное	Названная альтернатива > однозначное	Не названная альтернатива > однозначное	Не названная альтернатива > названная альтернатива
n типичных сдвигов S	80	93	84	63	60	53
Всего n	105	105	105	105	105	105
Пропорция P	0,76	0,89	0,8	0,6	0,57	0,5
Нижний предел P ($95\% CI_-$)	0,67	0,81	0,71	0,5	0,48	0,41
Верхний предел P ($95\% CI_+$)	0,83	0,93	0,87	0,69	0,67	0,6
g	0,26 (сильный эффект)	0,39 (сильный эффект)	0,3 (сильный эффект)	0,1 (слабый эффект)	0,07 (слабый эффект)	0,005 (нет эффекта)
Уровень значимости кр. знаков	0,000	0,000	0,000	0,009	0,073	0,766

Из табл. 2 видно, что поправка Бонферрони в случае сопоставления однозначных изображений и названных альтернатив дала обоснованный результат (принятие уровня значимости 0,009 как незначимого при множественном сравнении) – отношение типичных к нетипичным сдвигам равно 60 : 40, что действительно выглядит как результат, представляющий небольшой исследовательский интерес (слабый эффект по индексу g). Также слабый эффект наблюдается и при сравнении однозначных изображений с неназванными альтернативами, в то время как сравнение альтернатив между собой вовсе показывает отсутствие эффекта. Поскольку все сравнения средних рангов однозначных изображений между собой согласно интервальному оцениванию нижним пределом попадают в нулевую гипотезу ($H_0: P = 0,5$), мы можем предположить, что сравнения однозначных изображений указанных трех типов во многом выглядят эквивалентными задачами для детей дошкольного возраста. В случае же сравнения двойственных изображений с остальными типами мы видим наличие сильного эффекта, причем интервальное оценивание дает результаты, согласующиеся с точечным оцениванием. Так, например, согласно интервальному оцениванию нижний предел пропорции типичных сдвигов ни в одном случае сравнения двойственных изображений с остальными типами не опускается до уровня нулевой гипотезы.

Таким образом, мы можем сделать вывод о наличии статистически значимого различия среднего ранга предпочтения двойственных изображений по сравнению со средними рангами предпочтения остальных типов изображений, причем обнаруженные различия имеют сильные эффекты, которые, согласно оценке Дж. Коэна [33. Р. 147], хотя и требуют статистической проверки, но видны невооруженным глазом. Действительно, хотя в разных областях требования к допустимому размеру эффекта варьируют, отношение типичных и нетипичных сдвигов, равное 76 : 24 для различия по исследуемому принципу деления групп, представляется приемлемым, ведь это означает, что в трех случаях из четырех двойственное изображение получает меньшую оценку предпочтения по сравнению с любым из исследованных типов однозначных изображений.

Далее мы рассмотрели случай, когда ребенок называет обе интерпретации двойственного изображения хотя бы в одном из шести наборов. Хотя такие случаи относительно редки (30 детей из 105), тем не менее представляет исследовательский интерес проверка гипотезы о различии средних рангов предпочтения в случае наличия или отсутствия ответа о двойственности. Существует как минимум три способа проверки этой гипотезы: внутригрупповое сравнение, межгрупповое сравнение и корреляция с принципом деления групп, представленным метрическим уровнем измерения. Каждый из этих способов имеет для интерпретации свои преимущества, в связи с чем мы представим все три способа.

Для первого способа проверки средние ранги сравнивались только внутри своего типа изображений, например средний ранг двойственного изображения в случае наличия ответа об обеих интерпретациях сравнивался

с одноименным средним рангом в случае отсутствия в ответе обеих интерпретаций. Поскольку такая проверка предполагает внутригрупповой дизайн, для статистической обработки данных использовался G-критерий знаков. Статистически значимых различий обнаружено не было, индексы g свидетельствуют об отсутствии эффектов.

Второй способ проверки предполагает межгрупповой дизайн, в связи с чем мы сравнили одноименные средние ранги предпочтений по всем шести наборам группы детей, которые хотя бы один раз назвали обе интерпретации, с группой детей, которые ни одного раза не назвали обе интерпретации двойственного изображения. Отличие межгрупповой и внутригрупповой проверки могло бы состоять в интерпретации полученных результатов относительно стойкости эффекта и возможных косвенных свидетельств о причинно-следственной направленности. Для проверки использовался U-критерий Манна-Уитни.

Для расчета размера эффекта в случае U-критерия Манна-Уитни использовалась формула, которая могла бы быть применена и к G-критерию знаков, но выше мы использовали иной подход с целью большей иллюстративности полученных результатов. Здесь же обнаружить размер эффекта, который был бы показательным с точки зрения исследовательской логики, не удалось. Поэтому мы воспользовались формулой перевода аппроксимированного значения z критерия Манна-Уитни в соответствующую величину коэффициента корреляции [34, 35]:

$$r = \frac{z}{\sqrt{n}}.$$

Интерпретация полученного таким образом размера эффекта эквивалентна интерпретации коэффициента корреляции Пирсона, рассмотренного как размер эффекта [34. Р. 19]. Для коэффициента корреляции Пирсона Дж. Коэн предлагает следующие оценки [33. Р. 79–81]:

$r < 0,1$ – нет эффекта (н/э);

$r = 0,1$ – слабый (сл.);

$r = 0,3$ – средний (ср.);

$r = 0,5$ – сильный (сильн.).

В табл. 3 указаны значения z и уровни значимости U-критерия Манна-Уитни, направление различий согласно средним рангам, а также соответствующие размеры эффекта r .

Из табл. 3 мы видим, что статистически значимых различий обнаружено не было, однако некоторый исследовательский интерес представляют размеры эффекта. Согласно рассчитанным размерам эффектов группа испытуемых, назвавших обе интерпретации хотя бы один раз (1), больше предпочитает двойственные изображения, чем группа, не назвавшая (0). В свою очередь, группа испытуемых, не назвавших обеих интерпретаций ни разу, больше предпочитает однозначные изображения, чем группа назвавших. Полученный результат не может считаться достаточным для обсуждаемого исследования, но может оказаться полезным в размышлении о будущих исследованиях, чему будет уделено внимание в обсуждении результатов.

Таблица 3

Сравнение средних рангов предпочтений двух групп: назвавших (1) и не назвавших (0) обе интерпретации

	Двойственное	Названная альтернатива	Не названная альтернатива	Однозначное
z	1,43	0,59	0,03	1,04
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	0,15	0,55	0,97	0,29
Направление различий	гр. 1 > гр. 0	гр. 1 > гр. 0	гр. 1 > гр. 0	гр. 0 > гр. 1
r	0,14 (слабый эффект)	0,05 (нет эффекта)	0,01 (нет эффекта)	0,1 (слабый эффект)

Наконец, третий способ проверки гипотезы о различии оценок тех, кто называет обе интерпретации двойственного изображения, по сравнению с теми, кто не называет, состоит в расчете корреляции полученных средних рангов всех типов изображений и количества изображений с наличием ответа об обеих интерпретациях. Результаты проведения критерия ранговой корреляции Спирмена (r_{sp}) приведены в табл. 4.

Таблица 4

Корреляция средних рангов предпочтения и количества случаев указания обеих интерпретаций

	Двойственное	Названная альтернатива	Не названная альтернатива	Однозначное
r_{sp}	0,146 (слабый эффект)	0,072 (нет эффекта)	-0,012 (нет эффекта)	-0,104 (слабый эффект)
Значимость (2-сторонняя)	0,13	0,46	0,9	0,29

Из табл. 4 мы видим, что статистически значимых связей обнаружено не было. Однако размеры эффектов, хотя и слабые, для двойственных и однозначных изображений достигают необходимых значений. Примечательно, что в этом случае, как и в случае с межгрупповым дизайном, эффекты имеют весьма согласующееся с теоретическими представлениями направление: увеличение предпочтения двойственных изображений в случае увеличения количества называемых интерпретаций двойственных изображений, а также снижение предпочтения однозначных изображений в случае увеличения количества называемых интерпретаций двойственных изображений. Для обсуждаемого исследования полученный результат нельзя считать достаточным, но в рамках общего размышления о будущих исследованиях он может оказаться полезным.

Последняя гипотеза обсуждаемого эксперимента касается возрастных особенностей предпочтения разных типов изображений. Для проверки этой гипотезы мы могли бы провести исключительно корреляционный анализ, но при таком подходе пропадает возможность обнаружить возрастные периоды, отличные в отношении исследуемой связи, в связи с чем предварительно мы использовали Н-критерий Краскела–Уоллиса для сравнения нескольких независимых выборок. Было получено два статистиче-

ски значимых различия: для среднего ранга предпочтения двойственных изображений ($\chi^2 = 10,12$, $p = 0,038$) и для среднего ранга неназванных альтернатив ($\chi^2 = 16,82$, $p = 0,002$). Далее проводилось попарное сравнение U-критерием Манна–Уитни с поправкой Бонферрони ($p = 0,05/10 = 0,005$). В результате попарных сравнений значимыми с учетом поправки оказались различия в парах сравнения для среднего ранга предпочтения неназванных альтернатив. В связи с большим количеством сравнений мы приводим только те результаты, которые оказались значимыми без поправки и с поправкой (табл. 5).

Таблица 5

**Сравнение средних рангов предпочтения
неназванных альтернатив по возрастным группам**

U-критерий Манна–Уитни					
Сравнение	3 и 6 лет	3 и 7 лет	4 и 6 лет	4 и 7 лет	5 и 7 лет
<i>z</i>	2,418	3,142	2,056	3,142	2,606
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	0,016	0,002	0,04	0,002	0,009
<i>n</i> ₁	15	15	25	25	25
<i>n</i> ₂	25	15	25	15	15
<i>r</i>	0,38 (средний эффект)	0,57 (сильный эффект)	0,29 (слабый эффект)	0,49 (средний эффект)	0,41 (средний эффект)
Средний ранг H-критерия Краскела–Уоллиса					
Возраст	3	4	5	6	7
	38,63	44,2	47,94	61,66	76,03

Из табл. 5 видно, что значимыми с учетом поправки на множественное сравнение оказались те различия, которые находятся в крайних областях общей линейной зависимости между возрастом и средним рангом предпочтения неназванных альтернатив. По этой же причине сильный эффект наблюдается только для различия трех- и семилетних детей. Поскольку средние ранги согласно H-критерию Краскела–Уоллиса нарастают линейно, мы рассчитали критерий ранговой корреляции Спирмена, чтобы оценить общую силу связи, которая оказалась умеренной по своей силе с точки зрения поставленной цели и значимой ($r_{sp} = 0,38$, $p = 0,00$, средний эффект).

Различие средних рангов предпочтения двойственных изображений оказалось незначимым при попарном сравнении с учетом поправки на множественные сравнения. В табл. 6 приведены только те сравнения и размеры эффектов, которые были значимы без поправки.

Из табл. 6 мы видим, что различия оказались незначимы с учетом поправки Бонферрони. Это связано с количеством сравнений (10), что сделало тест слишком консервативным. По средним рангам H-критерия Краскела–Уоллиса мы видим, что линейная зависимость прослеживается с нарушением в области 4-летнего возраста. Однако различий в рангах 3-, 4- и 5-летних детей обнаружено не было, в связи с чем линейная зависимость

снижения с возрастом все же имеется, хотя и не такая заметная по своей выраженности, как в случае неназванных альтернатив. При расчете критерия ранговой корреляции Спирмена между возрастом и предпочтением двойственных изображений была обнаружена значимая отрицательная связь ($r_{sp} = -0,25$, $p = 0,008$, слабый эффект), но с точки зрения размера эффекта достаточно слабая.

Таблица 6

**Сравнение средних рангов предпочтения
двойственных изображений по возрастным группам**

U-критерий Манна–Уитни				
Сравнение	3 и 6 лет	3 и 7 лет	5 и 6 лет	5 и 7 лет
z	2,112	2,198	2,41	2,271
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	0,035	0,028	0,016	0,023
n_1	15	15	25	25
n_2	25	15	25	15
r	0,33 (средний эффект)	0,4 (средний эффект)	0,34 (средний эффект)	0,35 (средний эффект)
Средний ранг H-критерия Краскела–Уоллиса				
Возраст	3	4	5	7
	62,9	55,72	62,54	43,4
		38,67		

Из всех незначимых результатов сравнений отдельно выделим отсутствие различий в количестве названных обеими интерпретациями двойственных изображений по возрастным группам ($\chi^2 = 6,59$, $p = 0,159$).

Обсуждение результатов

В результате проведенного исследования наша центральная гипотеза была подтверждена (не опровергнута) – двойственные изображения являются менее предпочитаемыми по сравнению с однозначными изображениями (всеми тремя типами). Обнаруженное различие имеет сильный размер эффекта, который в рамках исследовательской логики может быть выражен следующим образом: в 3 случаях из 4 двойственное изображение получает меньшую оценку предпочтения по сравнению с любым из типов однозначных изображений, представленных в нашем эксперименте.

Не менее важный вопрос заключался в том, отличаются ли между собой предпочтения однозначных изображений разного типа, в том числе названная и неназванная альтернативы двойственных изображений. Проведенный анализ показал, что для детей дошкольного возраста задачи выбора между однозначными изображениями разного типа выглядят практически эквивалентными, хотя и присутствуют слабые эффекты различий между однозначным изображением и альтернативами двойственного. Слабость указанных эффектов, с нашей точки зрения, связана с тем, что ребенок отмечает для себя некоторое противоречие, но не находит способа его выразить. В связи с этим самые противоречивые изображения (двойственные) достигли уровня значимости и силы эффектов, а менее противоречивые –

названная и неназванная альтернативы – достигли лишь уровня слабых эффектов. Хотя такая интерпретация представляется весьма логичной, особенно в свете отсутствия даже слабого эффекта различия между самими альтернативами двойственного изображения, тем не менее слабые эффекты различий можно было бы усилить в дополнительном исследовании путем объяснения ребенку того, что представляет собой двойственное изображение. Такая дополнительная инструкция помогла бы ребенку справиться с противоречием, что должно было бы привести к еще большей дифференциации рангов предпочтения даже в середине диапазона.

Далее мы рассмотрели не типы изображений, а типы испытуемых, противопоставив тех из них, кто увидел обе интерпретации двойственного изображения хотя бы один раз (30 детей), и тех, кто не увидел ни разу (75 детей). Логика нашего сравнения заключалась в поиске индивидуальных различий наравне со способностями, личностными особенностями, которые бы доопределяли успех в решении поставленной задачи. Наш анализ проводился с точки зрения трех исследовательских дизайнов корреляционного типа: внутригруппового сравнения, межгруппового сравнения, а также корреляции двух переменных на одной группе. Результаты внутригруппового сравнения свидетельствуют об отсутствии статистически значимых различий и эффектов. Межгрупповое сравнение показало отсутствие статистически значимых результатов, но были отмечены слабые эффекты теоретически ожидаемого направления: группа детей, называющих обе интерпретации двойственных изображений, больше предпочитала двойственные изображения, в то время как группа детей, не называющих обе интерпретации, больше предпочитала однозначные изображения. Корреляции предпочтений с количеством двойственных изображений, на которые был дан ответ обеими интерпретациями, также оказались незначимыми, но обнаруженные слабые эффекты совпали с результатами межгруппового сравнения: был отмечен слабый эффект положительной связи между количеством названных обеими интерпретациями двойственных изображений и предпочтением двойственных изображений, а также отмечен слабый эффект отрицательной связи между количеством названных обеими интерпретациями двойственных изображений и предпочтением однозначных изображений.

Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что указание на обе интерпретации не является отдельной способностью или коррелятом какого-либо личностного качества. В обратном случае различия между группами были бы достаточны сильны с точки зрения статистической значимости или силы эффектов. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда подавляющее большинство детей отмечает для себя противоречивость увиденного материала, что и выражается, как было сказано выше, значительно меньшей оценкой предпочтения двойственных изображений. Когда же мы пытаемся отличить тех, кто разрешил противоречие указанием двойственности, и тех, кто это противоречие не разрешил таким способом, мы сталкиваемся с ситуацией инсайта. Ребенок, не знакомый с возможностью

подобных изображений, вынужден в ходе эксперимента производить абсолютно новое для себя знание. Вполне естественно предположить, что не одни только способности приводят человека к открытию нового знания. Креативность как общая способность отнюдь не гарантирует критериального успеха в любой поставленной задаче. Более того, поскольку мы имеем дело с детьми дошкольного возраста, решение задачи не является признаком понимания принципа решения этой задачи. Известный факт возрастной психологии отчетливо виден и в нашем эксперименте, поскольку не было ни одного ребенка, который бы решил все 6 задач указанием на двойственность или хотя бы решил все последующие за собственным успехом задачи указанием двойственности. Невозможность выделить принцип собственного успешного решения задачи является, на наш взгляд, объяснением отсутствия внутригрупповых различий предпочтений в случаях наличия и отсутствия ответа о двойственности у одного и того же ребенка. В отношении же межгруппового сравнения наличие незначимых слабых эффектов свидетельствует не о способностях, а о переменных-медиаторах, объединенных общей готовностью и желанием обнаружить ответ на переживаемое противоречие.

Такое объяснение хорошо подходит и к обнаруженным слабым эффектам корреляций. Положительная связь между количеством увиденных двойственных изображений и предпочтением двойственности слишком слаба, чтобы быть тем, чем она кажется. В сущности, мы говорим не о предпочтении двойственности в случае называния обеих интерпретаций, а о меньшем неpreferении. Точно так же может быть рассмотрена и отрицательная связь между количеством названных интерпретаций и предпочтением однозначных изображений. Эти корреляции показывают случаи большего и меньшего переживания противоречия. В случае, когда двойственное изображение получает обе интерпретации, противоречие становится меньше. Оно, возможно, исчезло бы вовсе, если бы был понятен принцип решения задачи, но поскольку принцип не понятен, то переживание противоречия просто снижается. Если же противоречие не нашло разрешения, то большее предпочтение отдается однозначным изображениям, поскольку в них этого противоречия меньше.

Таким образом, анализ предлагаемых испытуемыми разных групп интерпретаций двойственных изображений приводит нас к выводу об отсутствии отдельной способности производить новое для себя знание о двойственности. Безусловно, возможен факт наличия каких-либо особенностей психической сферы, которые бы улучшали поиск интерпретаций при наличии знания о двойственности, однако без такого знания обнаружение двойственности определяется переменными-медиаторами, которые имеют к восприятию двойственности, по всей видимости, косвенное отношение. Невозможность выделить принцип решения задачи даже в случае успеха приводит к тому, что разрешение возникающего конфликта от противоречивости увиденного материала получается неполным, из-за чего корреляции количества обеих интерпретаций с предпочтениями имели слабый эффект.

Далее мы рассмотрели возрастные особенности предпочтения разных типов изображений. Возраст чаще всего выступает как мера конструктивной валидности таких психических особенностей, которые изменчивы в онтогенезе. Например, абсолютное выражение количества решенных задач в тестах интеллекта вряд ли может оказаться нечувствительным к возрасту. Однако мы не ожидали сильной связи предпочтений с возрастом, поскольку открытие для себя нового знания о двойственности представляется трудной задачей для всех детей-дошкольников. Как было указано выше, способность находить обе интерпретации при уже наличествующем знании о двойственности – это задача иного рода, не рассматриваемая в рамках нашего исследования и, скорее всего, более подходящая для критерия возрастной дифференциации. Именно такая аргументация снижает в данном случае требование к силе связи, ведь оно всегда зависит от поставленной задачи (для сравнения: критериальная валидность и ретестовая надежность). Анализ возрастных особенностей показал, что существует умеренная положительная связь между возрастом и предпочтением неназванной альтернативы, а также слабая отрицательная связь между возрастом и предпочтением двойственных изображений. Мы рассматриваем данный результат вновь с точки зрения возникающего у ребенка противоречия. Если сама двойственность вызывает наибольшее противоречие, то и названная альтернатива может иметь, хотя и более слабую, но все же аналогичную оценку. В свою очередь, неназванная альтернатива представляется самым лучшим способом разрешения противоречия за исключением, конечно, прямого указания обеих интерпретаций, ведь неназванная альтернатива является тем самым ответом, которого не хватает при назывании самого двойственного изображения. Поэтому связь между предпочтением неназванной альтернативы и возрастом оказывается положительной – неназванная альтернатива имеет меньшее противоречие. А двойственные изображения являются противоречивыми, что и выражается отрицательной корреляцией предпочтения и возраста.

Отдельный вопрос возникает относительно того, почему же мы не обнаружили в общем сравнении предпочтений по всей выборке яркого различия, например, между неназванной и названной альтернативами, ведь при анализе возрастных особенностей мы об этом говорим. Ответ как раз в самих возрастных особенностях, что выражается в большей способности детей старшего возраста отмечать для себя противоречивость увиденного стимульного материала.

Выводы

Наше исследование касалось вопроса о самостоятельном продуцировании нового для себя знания о двойственности у детей дошкольного возраста. В зарубежной литературе этот вопрос решается достаточно однозначно: невозможно научить ребенка до четырех лет воспринимать двойственность [1, 11]. Проблема в обучении пониманию двойственности заключается

в том, что даже взрослые испытуемые не всегда могут найти обе интерпретации подобных изображений, если они заранее не осведомлены о том, что изображения могут быть двойственными. Поэтому процесс обучения двойственности усложняется не только самой методикой преподавания детям дошкольного возраста, но и тем, что в идеале ребенок должен прийти к этому самостоятельно. Специальная организация процедуры исследования позволила детям трех лет наравне с остальными дошкольниками обнаружить обе интерпретации некоторых двойственных изображений. Более того, освобождение испытуемых от директивного объяснения экспериментатором позволило поставить два вопроса вместо одного. Первый вопрос звучит уже давно: восприятие двойственных изображений при наличии или отсутствии знания о двойственности [9]. Второй вопрос, к сожалению, в силу методических ограничений оказывался в тени: получение знания о двойственности извне или продуцирование его самостоятельным путем. Постановка этого нового вопроса позволила выяснить, что продуцирование знания самостоятельным путем не имеет существенных различий среди детей дошкольного возраста. И сказанное вовсе не означает непреодолимой сложности такой задачи, ведь дети трех лет обнаруживали обе интерпретации, хотя в других исследованиях этого не происходило. Открытие того факта, что как трехлетний, так и семилетний ребенок хотя и находят в некоторых случаях двойственность, но делают это достаточно редко, открывает перспективу новым исследованиям, в которых вместо традиционного для решения подобных задач измерения навыков из области теории разума стоит обратить внимание на различные показатели спонтанной активности в области инициации мыслительной деятельности.

Благодаря специальной организации эксперимента удалось также разделить весьма запутанные в случае дошкольного возраста ситуации: ситуацию, когда ребенок воспринимает двойственность наравне с однозначностью, и ситуацию, когда ребенок просто не может на вербальном уровне отразить эту двойственность. Оказалось, что дети дошкольного возраста устойчиво не предпочитают двойственные изображения, даже если не находят второй интерпретации. Более того, с возрастом предпочтение двойственности снижается, а предпочтение неназванной альтернативы увеличивается. Это означает, что с возрастом дети начинают отмечать для себя противоречие двойственных изображений с еще большей отчетливостью, что и выражается указанными закономерностями.

Последний вопрос, который благодаря нашему исследованию удалось дифференцировать, касается того, что считать успехом в решении задач. В большинстве зарубежных исследований указание на обе интерпретации считается достаточным критерием успеха. Однако в культурно-историческом подходе всегда отдельно подчеркивается тот факт, что ни одна психическая функция не формируется сразу – это всегда постепенный процесс, проходящий ряд промежуточных форм [8, 36]. В нашем исследовании удалось показать, что спонтанное успешное решение ребенком задачи обнаружения обеих интерпретаций никогда не означает понимания самого

принципа решения – ни у трехлетних детей, ни у семилетних. В связи с этим открывается совершенно иная перспектива рассмотрения начала обнаружения интерпретаций двойственного изображения в онтогенезе – поэтапного формирования многомерного мира человека.

Литература

1. Wimmer M.C., Doherty M.J. The development of ambiguous figure perception // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 2011. V. 76, № 1. P. 1–130. DOI: 10.1111/j.1540-5834.2011.00589.x.
2. Long G.M., Toppino T.C. Enduring Interest in Perceptual Ambiguity: Alternating Views of Reversible Figures // *Psychological Bulletin*. 2004. V. 130, № 5. P. 748–768. DOI: 10.1037/0033-2909.130.5.748.
3. Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб. : Питер, 2001. 416 с.
4. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М. : Смысл, 2002. 480 с.
5. Ключко В.Е. Эволюция психологического мышления: этапы развития и закономерности усложнения // *Сибирский психологический журнал*. 2011. № 40. С. 136–151.
6. Toppino T.C., Long G.M. Top-Down and Bottom-Up Processes in the Perception of Reversible Figures: Toward a Hybrid Model // *Dynamic Cognitive Processes* / ed. by N. Ohta, C.M. MacLeod, B. Uttl. Tokyo : Springer, Tokyo, 2005. P. 37–58. DOI: 10.1007/4-431-27431-6_3.
7. Kornmeier J., Hein C.M., Bach M. Multistable perception: When bottom-up and top-down coincide // *Brain and Cognition*. 2009. V. 69, № 1. P. 138–147. DOI: 10.1016/j.bandc.2008.06.005.
8. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // *Психология* / Л.С. Выготский. М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 512–755.
9. Girgus J.J., Rock I., Egatz R. The effect of knowledge of reversibility on the reversibility of ambiguous figures // *Perception & Psychophysics*. 1977. V. 22, № 6. P. 550–556. DOI: 10.3758/BF03198762.
10. Rock I., Gopnik A., Hall S. Do Young Children Reverse Ambiguous Figures? // *Perception*. 1994. V. 23, № 6. P. 635–644. DOI: 10.1068/p230635.
11. Gopnik A., Rosati A. Duck or rabbit? Reversing ambiguous figures and understanding ambiguous representations // *Developmental Science*. 2001. V. 4, № 2. P. 175–183. DOI: 10.1111/1467-7687.00163.
12. Doherty M.J., Wimmer M.C. Children's understanding of ambiguous figures: Which cognitive developments are necessary to experience reversal? // *Cognitive Development*. 2005. V. 20, № 3. P. 407–421. DOI: 10.1016/j.cogdev.2005.05.003.
13. Mitroff S.R., Sobel D.M., Gopnik A. Reversing how to think about ambiguous figure reversals: spontaneous alternating by uninformed observers // *Perception*. 2006. V. 35. P. 709–715. DOI: 10.1068/p5520.
14. Brown K.T. Rate of Apparent Change in a Dynamic Ambiguous Figure as a Function of Observation-Time // *The American Journal of Psychology*. 1955. V. 68, № 3. P. 358–371. DOI: 10.2307/1418520.
15. Cohen L. Rate of Apparent Change of a Necker Cube as a Function of Prior Stimulation // *The American Journal of Psychology*. 1959. V. 72, № 3. P. 327–344. DOI: 10.2307/1420037.
16. Spitz H.H., Lipman R.S. Some Factors Affecting Necker Cube Reversal Rate // *Perceptual and Motor Skills*. 1962. V. 15, № 3. P. 611–625. DOI: 10.2466/pms.1962.15.3.611.
17. Köhler W. *Dynamics in psychology: Vital applications of Gestalt psychology*. New York : Liveright, 1973. 160 p.
18. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск : Томский государственный университет, 2009. 240 с.

19. Ключко В.Е. Уровни сложности психологического мышления и современная когнитивистика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20), вып. 1. С. 37–43.
20. Ключко В.Е., Галажинский Э.В., Краснорядцева О.М., Лукьянов О.В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 9–20. DOI: 10.17223/17267080/56/2.
21. Аллаhverдов В.М., Наumenko О.В., Филиппова М.Г., Щербакова М.Г., Аванесян М.О., Воскресенская Е.Ю., Стародубцев А.С. Как сознание избавляется от противоречий // Шаги / Steps. 2015. Т. 1, № 1. С. 165–181. DOI: 10.22394/2412-9410-2015-1-1-165-181.
22. Филиппова М.Г., Морошкина Н.В. Осознаваемая и неосознаваемая многозначность: два вида когнитивного контроля // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 37–55. DOI: 10.17223/17267080/56/4.
23. Леонтьев А.Н. Очерк развития психики // Избранные психологические произведения : в 2 т. / под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, А.А. Леонтьева, А.В. Петровского. М. : Педагогика, 1983. Т. 1. С. 184–279.
24. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М. : Издательство Московского университета, 1984. 200 с.
25. Тихомиров О.К., Ключко В.Е. Обнаружение противоречий как начальный этап формирования задачи // Искусственный интеллект и психология / под ред. О.К. Тихомирова. М. : Наука, 1976. С. 176–205.
26. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб. : Речь, 2000. 320 с.
27. Аллаhverдов В. М. Сознание как парадокс. СПб. : ДНК, 2000. 528 с.
28. Краснорядцева О.М. Чувствительность к проблемам как характеристика инновационного потенциала личности // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33. С. 13–19.
29. Newcombe R.G. Two-sided confidence intervals for the single proportion: comparison of seven methods // Statistics in Medicine. 1998. V. 17, № 8. P. 857–872. DOI: 10.1002/(SICI)1097-0258(19980430)17:8<857::AID-SIM777>3.0.CO;2-E.
30. Brown L.D., Cai T.T., DasGupta A. Interval Estimation for a Binomial Proportion // Statistical Science. 2001. V. 16, № 2. P. 101–133. DOI: 10.1214/ss/1009213286.
31. Cooper H., Hedges L.V., Valentine J.C. The handbook of research synthesis and meta-analysis. New York : Russell Sage Foundation, 2009. 2nd ed. 615 p.
32. Wilson E.B. Probable Inference, the Law of Succession, and Statistical Inference // Journal of the American Statistical Association. 1927. V. 22, № 158. P. 209–212. DOI: 10.2307/2276774.
33. Cohen J. Statistical power analysis for the behavioral sciences. 2nd ed. Hillsdale, N.J. : Lawrence Erlbaum Associates, 1988. 567 p.
34. Rosenthal R. Meta-Analytic Procedures for Social Research. Rev. ed. California, Newbury Park : SAGE Publications, Inc., 1991. 168 p.
35. Fritz C.O., Morris P.E., Richler J.J. Effect size estimates: Current use, calculations, and interpretation // Journal of Experimental Psychology: General. 2012. V. 141, № 1. P. 2–18. DOI: 10.1037/a0024338.
36. Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. В.В. Давыдова. М. : Педагогика, 1982. Т. 2: Проблемы общей психологии. С. 5–361.

*Поступила в редакцию 05.09.2018 г.;
повторно 02.12.2018. г.; принята 10.02.2019 г.*

Краснорядцева Ольга Михайловна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и педагогической психологии Томского государственного университета.

E-mail: krasnoo@mail.ru

Мезентцева Мария Павловна – старший преподаватель кафедры психологии личности Новосибирского государственного университета.
E-mail: mezya@mail.ru

For citation: Krasnoryadtseva O.M., Mezentsseva M.P. Specific Features of Ambiguous Figure Perception among Preschool Children. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2019; 71:122-143. doi: 10.17223/17267080/71/7. In Russian. English Summary

Specific Features of Ambiguous Figure Perception among Preschool Children

Olga M. Krasnoryadtseva^a, Mariya P. Mezentsseva^b

^a Tomsk State University, 36, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

^b Novosibirsk State University, 1, Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Abstract

The article presents 3- to 7-year-old children's attitude (liking) toward ambiguous figures in comparison with unambiguous ones. Since the knowledge of ambiguity is directly related to the reversal, we have created an experimental procedure to enable children to detect both interpretations of an ambiguous figure even without experimenter's prompts. To achieve this, four images were presented at the same time: an unambiguous, an ambiguous image and two disambiguated versions of an ambiguous figure. With this procedure, even 3-year-old children in some cases were able to name both interpretations of some ambiguous figures. In total, 6 sets of images were presented, 4 images in each set. The instruction involves not only the naming of each image, but also an indication of preferences. For this purpose, the child was asked which of the images he likes most of all. After receiving the answer, that image was removed and the question was repeated again. This resulted in a mean rank range of preference for all 6 sets of images.

According to the results of our study, preschool children prefer ambiguous figures less than unambiguous ones. We have found no statistically significant differences among the unambiguous figures. It means that children, although they are not always able to name both interpretations of the ambiguous figure, nevertheless note for themselves the distinctive features of these images.

According to the developmental analysis made there are no differences in the number of both ambiguous interpretations among preschool children of different age. This result leads to the conclusion that the spontaneous production of knowledge about ambiguity is not based on those abilities that are associated with perception in the presence of ready knowledge (for example, understanding the position of another in the theory of mind). We have also found that there are a positive relationship between the number of both interpretations and the preference for an unnamed alternative (which was not named in the ambiguous figure) and a negative relationship between the number of both interpretations and the preference for ambiguous figures. It means that as children get older, they begin to notice the inconsistency of the dual images with greater clarity.

The study provides an opportunity to take a fresh look at the question of whether a person knows about ambiguity. In addition to the knowledge of ambiguity, it is worth paying attention to the way how a person receives this knowledge, if he does it by himself or ready from the outside. It also became clear that own production of knowledge does not occur at once (especially in case of children's development), i.e. naming of both interpretations and understanding the principle of the solution are two different levels of knowledge about ambiguity. The prospect of studying the stages of knowledge development about ambiguity is opened.

Keywords: ambiguous figures; multistable perception; preschool children; attitudes.

References

1. Wimmer, M.C & Doherty, M.J. (2011) The development of ambiguous figure perception. *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 76(1). pp. 1–130. DOI: 10.1111/j.1540-5834.2011.00589.x
2. Long, G.M. & Toppino, T.C. (2004) Enduring Interest in Perceptual Ambiguity: Alternating Views of Reversible Figures. *Psychological Bulletin*. 130(5). pp. 748–768. DOI: 10.1037/0033-2909.130.5.748
3. Uznadze, D.N. (2001) *Psikhologiya ustanovki* [The psychology of suggestion]. St. Petersburg: Piter.
4. Asmolov, A.G. (2002) *Po tu storonu soznaniya: metodologicheskie problemy neklasicheskoy psikhologii* [On the other side of consciousness: methodological problems of non-classical psychology]. Moscow: Smysl.
5. Klochko, V.E. (2011) The evolution of psychological thought: the stages of development and patterns of complications. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 40. pp. 136–151. (In Russian).
6. Toppino, T.C. & Long, G.M. (2005) Top-Down and Bottom-Up Processes in the Perception of Reversible Figures: Toward a Hybrid Model. In: Ohta, N., MacLeod, C.M. & Uttl, B. (eds) *Dynamic Cognitive Processes*. Tokyo: Springer, Tokyo. pp. 37–58. DOI: 10.1007/4-431-27431-6_3
7. Kornmeier, J., Hein, C.M. & Bach, M. (2009) Multistable perception: When bottom-up and top-down coincide. *Brain and Cognition*. 69(1). pp. 138–147. DOI: 10.1016/j.bandc.2008.06.005
8. Vygotsky, L.S. (2002) *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow: EKSMO-Press. pp. 512–755.
9. Girgus, J.J., Rock, I. & Egatz, R. (1977) The effect of knowledge of reversibility on the reversibility of ambiguous figures. *Perception & Psychophysics*. 22(6). pp. 550–556. DOI: 10.3758/BF03198762
10. Rock, I., Gopnik, A. & Hall, S. (1994) Do Young Children Reverse Ambiguous Figures? *Perception*. 23(6). pp. 635–644. DOI: 10.1068/p230635
11. Gopnik, A. & Rosati, A. (2001) Duck or rabbit? Reversing ambiguous figures and understanding ambiguous representations. *Developmental Science*. 4(2). pp. 175–183. DOI: 10.1111/1467-7687.00163
12. Doherty, M.J. & Wimmer, M.C. (2005) Children's understanding of ambiguous figures: Which cognitive developments are necessary to experience reversal? *Cognitive Development*. 20(3). pp. 407–421. DOI: 10.1016/j.cogdev.2005.05.003
13. Mitroff, S.R., Sobel, D.M. & Gopnik, A. (2006) Reversing how to think about ambiguous figure reversals: spontaneous alternating by uninformed observers. *Perception*. 35. pp. 709–715. DOI: 10.1068/p5520
14. Brown, K.T. (1955) Rate of Apparent Change in a Dynamic Ambiguous Figure as a Function of Observation-Time. *The American Journal of Psychology*. 68(3). pp. 358–371. DOI: 10.2307/1418520
15. Cohen, L. (1959) Rate of Apparent Change of a Necker Cube as a Function of Prior Stimulation. *The American Journal of Psychology*. 72(3). pp. 327–344. DOI: 10.2307/1420037
16. Spitz, H.H. & Lipman, R.S. (1962) Some Factors Affecting Necker Cube Reversal Rate. *Perceptual and Motor Skills*. 15(3). pp. 611–625. DOI: 10.2466/pms.1962.15.3.611
17. Köhler, W. (1973) *Dynamics in psychology: Vital applications of Gestalt psychology*. New York: Liveright.
18. Klochko, V.E. & Galazhinsky, E.V. (2009) *Psikhologiya innovatsionnogo povedeniya* [Psychology of Innovative Behaviour]. Tomsk: Tomsk State University.

19. Klochko, V.E. (2012) The Complexity Levels of Psychological Thinking and Modern Cognitive science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4(20). pp. 37–43. (In Russian).
20. Klochko, V.E., Galazhinsky, E.V., Krasnoryadtseva, O.M. & Lukyanov, O.V. (2015) System anthropological psychology: framework of categories. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 56. pp. 9–20. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/56/2.
21. Allakhverdov, V.M., Naumenko, O.V., Filippova, M.G., Shcherbakova, M.G., Avanesyan, M.O., Voskresenskaya, E.Yu. & Starodubtsev, A.S. (2015) How consciousness gets rid of contradictions. *Shagi – Steps*. 1(1). pp. 165–181. DOI: 10.22394/2412-9410-2015-1-1-165-181
22. Filippova, M.G. & Moroshkina, N.V. (2015) Conscious and unconscious ambiguity: two kinds of cognitive control. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 56. pp. 37–55. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/56/4
23. Leontiev, A.N. (1983) Ocherk razvitiya psikhiki [Essay on the development of the psyche]. In: Davydov, V.V., Zinchenko, V.P., Leontiev, A.A. & Petrovsky, A.V. (eds) *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya: v 2 t.* [Selected Works on Psychology: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika. pp. 184–279.
24. Vasilyuk, F.E. (1984) *Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsiy)* [Psychology of experiencing (analysis of overcoming critical situations)]. Moscow: Moscow State University.
25. Tikhomirov, O.K. & Klochko, V.E. (1976) Obnaruzhenie protivorechiy kak nachal'nyy etap formirovaniya zadachi [Detection of contradictions as the initial stage of the formation of the problem]. In: Tikhomirov, O.K. (ed.) *Iskustvennyy intellekt i psikhologiya* [Artificial Intelligence and Psychology]. Moscow: Nauka. pp. 176–205.
26. Festinger, L. (2000) *Teoriya kognitivnogo dissonansa* [Theory of Cognitive Dissonance]. Translated from German by A. Anistratenko, I. Znaesheva. St. Petersburg: Rech'.
27. Allakhverdov, V.M. (2000) *Soznanie kak paradox* [Consciousness as a Paradox]. St. Petersburg: DNK.
28. Krasnoryadtseva, O.M. (2009) Sensitivity to problems as description of innovative potential of a personality. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 33. pp. 13–19. (In Russian).
29. Newcombe, R.G. (1998) Two-sided confidence intervals for the single proportion: comparison of seven methods. *Statistics in Medicine*. 17(8). pp. 857–872. DOI: 10.1002/(SICI)1097-0258(19980430)17:8<857::AID-SIM777>3.0.CO;2-E
30. Brown, L.D., Cai, T.T. & DasGupta, A. (2001) Interval Estimation for a Binomial Proportion. *Statistical Science*. 16(2). pp. 101–133. DOI: 10.1214/ss/1009213286
31. Cooper, H., Hedges, L.V. & Valentine, J.C. (2009) *The Handbook of Research Synthesis and Meta-Analysis*. 2nd ed. New York: Russell Sage Foundation.
32. Wilson, E.B. (1927) Probable Inference, the Law of Succession, and Statistical Inference. *Journal of the American Statistical Association*. 22(158). pp. 209–212. DOI: 10.2307/2276774
33. Cohen, J. (1988) *Statistical power analysis for the behavioral sciences*. 2nd ed. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates.
34. Rosenthal, R. (1991) *Meta-Analytic Procedures for Social Research*. California, Newbury Park: SAGE Publications, Inc.
35. Fritz, C.O., Morris, P.E. & Richler, J.J. (2012) Effect size estimates: Current use, calculations, and interpretation. *Journal of Experimental Psychology: General*. 141(1). pp. 2–18. DOI: 10.1037/a0024338
36. Vygotsky, L.S. (1982) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: In 6 vols]. Vol. 2. Moscow: Pedagogika. pp. 5–361.

Received 05.09.2018; Revised 02.12.2018;

Accepted 10.02.2019

Olga M. Krasnoryadtseva – Head of the Chair of General and Pedagogical Psychology, Tomsk State University. D. Sc., Professor.

E-mail: krasnoo@mail.ru

Mariya P. Mezentseva – Senior Lecturer, Department of Personality Psychology, Novosibirsk State University.

E-mail: mezya@mail.ru

УДК 159.9

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ С РАЗНОЙ СТЕПЕНЬЮ ОТКРЫТОСТИ К СЕБЕ И МИРУ (ПРИРОДНОМУ, СОЦИАЛЬНОМУ, КУЛЬТУРНОМУ)¹

К.А. Боженкова^а, Т.Г. Бохан^а

^а Томский государственный университет, 634050, Россия, Томск, пр. Ленина 36

Представлено три типа организации жизненного мира лиц пожилого возраста по особенностям открытости к себе, социальному, культурному и природному миру. Определены личностные и социальные дефициты, обуславливающие трудности саморазвития лиц пожилого возраста. Выявленные типы пожилых людей помогают определить мишени психологической коррекции и психологического взаимодействия, задачи, методы и приемы социально-психологического сопровождения лиц пожилого возраста.

Ключевые слова: пожилой возраст; качество жизни; открытость, физический компонент здоровья; психологический компонент здоровья; природный мир; социальный мир; культурный мир.

Актуальность изучения качества жизни пожилых людей в современном обществе непосредственно связана с увеличением их доли в структуре мирового сообщества (Е.Ю. Голубева, 2012; А.И. Мелёхин, 2016; О.С. Глазачев, 2018). В контексте «субъективного» подхода качество жизни рассматривается через призму сознания субъекта, его удовлетворенности жизнью и ее частными аспектами, а также через ощущения счастья или несчастья [1]. С точки зрения Д.А. Леонтьева, качество жизни – это комплексная характеристика, которая отражает возможности реализации в жизни различных сторон человеческого потенциала [2].

Необходимость научной разработки данной проблемы обусловлена ее социальной остротой. В СМИ можно найти немало объективных высказываний, касающихся социально-экономического статуса пожилых людей (Н.Б. Николюкина, 2009), ограничений их адаптивных возможностей (М.В. Ермолаева, 2000), бедности средств (О.В. Краснова, 2011), утраты прежних ценностей и смыслов жизни (А.Б. Шагидасва, 2015., Е.Н. Згурская, 2017) и других негативных сторон существования. Пожилой человек предстает как существо зависимое, пассивное, вынужденное приспособляться к тяжелым условиям жизни (Ю.Б. Дубовик, 2012). По мнению ряда ученых, именно в пожилом возрасте возникают новые и обостряются характерные соматические заболевания, а также происходят неблагоприятные перемены в микросоциальной среде (С.Е. Татульян, 2000; Е.В. Щанина, 2015),

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект 17-36-00014.

которые оказывают серьезную дополнительную нагрузку на психическую сферу стареющего человека (В.В. Яворская, 2005; Г.И. Борисов, 2016).

Исследование проблемы качества жизни лиц пожилого возраста по критерию жизненной удовлетворенности показало, что только 18% лиц пожилого возраста (опрошены 496 человек в возрасте 55–90 лет) можно отнести в группу с высоким уровнем жизненной удовлетворенности, а 36% показали низкий уровень жизненной удовлетворенности [3]. ВОЗ выделила ряд факторов, которые могут влиять на качество жизни в поздних возрастах: депрессия или тревожные расстройства, снижение самоэффективности, самоуважения, отсутствие интереса к социальной деятельности, психологический дистресс, отказ от социальных отношений, чувство одиночества [4, 5].

В ряде проведенных исследований показано, что физическое состояние – важная причина неудовлетворенности жизнью в пожилом возрасте [6, 7]. Последствиями этого бывают оскудение чувств, очерствение, прогрессирующая утрата интереса к окружающему, изменение отношений с близкими, понижение всех видов самооценки [8]. Выявлено, что субъективное благополучие зависит от условий жизни и ряда факторов: социальной активности, наличия досуга (чтение несколько раз в неделю), наличия социальных отношений и поддержки, восприятия самоэффективности [4]. Качество жизни в поздних возрастах зависит не столько от количества различных проблем, сколько от наличия внешних и внутренних ресурсов, копинг-стратегий, навыков решения проблем, которые могут помочь преодолеть трудности [Там же]. Установлено, что факторы, определяющие качество жизни в городской и сельской местности, связаны с местом проживания, семейным положением, автономностью, одиночеством, доступностью получения обслуживания в системе медико-социального ухода; употребление алкоголя способствует значительному увеличению темпов старения и ухудшению качества жизни, особенно у женщин пожилого и старческого возраста [9].

Современные тенденции развития психологической науки, связанные с антропологизацией, онтологизацией и гуманитаризацией психологического познания, явились основанием для предположения В.А. Непомнящей того, что «понятие “качество жизни” может быть использовано в психологии применительно к пониманию человека как самоорганизующейся психологической системы», в рамках характеристик смысловой сферы личности как высшего регулятора жизнедеятельности человека и ригидности как интегрального показателя степени открытости / закрытости человека как системы [10]. Верификация данного предположения на выборке лиц молодого возраста, в свою очередь, позволяет объективировать проблему открытости / закрытости как предиктора субъективного качества жизни в пожилом возрасте. Показатель открытости / закрытости рассматривался в ряде исследований как фактор адаптации, как общесистемный показатель готовности к самоорганизации, саморазвитию. Изучение открытости / закрытости операционализировалось в ряде исследований через категорию психической ригидности [11–13]. В ряде работ (Ю.В. Ключко, 2002;

Т.Г. Бохан, 2008; О.В. Лукьянов, 2009; И.О. Логинова, 2010), выполненных в методологии системной антропологической психологии (В.Е. Ключко), изучение показателя открытости / закрытости осуществлялось на основании анализа феноменологии открытости человека по отношению к внешней среде (физическая, социальная, природная, культурная) и по отношению к себе, собственным изменениям [13], что означает возможность выходить на новые смыслы, поиск соответствия себе (в динамике собственных изменений) во внешней среде для реализации новых смыслов. В основе гипотезы нашего исследования – предположение о том, что пожилые люди, открытые к себе, в мир культуры, природный и социальный мир, могут более позитивно оценивать свое качество жизни.

Цель исследования

Цель работы – изучение взаимосвязи качества жизни лиц пожилого возраста с показателями открытости. В исследовании приняли участие психически здоровые люди (277 человек в возрасте от 55 до 85 лет). Сбор эмпирического материала осуществлялся на базе ОГАУ «Комплексный центр социального обслуживания населения Томской области» (КЦСОН ТО).

Методы исследования

В эксперименте использовался адаптированный под задачи исследования опросник степени открытости, который содержит четыре шкалы, объединяющих по пять показателей проявления континуума открытости / закрытости по отношению к себе, природному, социальному, предметному миру. Так, например, «открытость к себе» проявляется в том, насколько пожилые люди открыты к собственным изменениям – в своем организме, самооценке, к новым стратегиям поведения, видам деятельности и эмоциям, планам на будущее. Открытость к природному миру указывает на возможность получать новые впечатления, новые смыслы от окружающей природы – получать удовольствие от общения с природой, проявлять заботу о растениях и животных. Открытость к социальному миру проявляется в способности откликаться на просьбы других людей, быть включенными в семейную жизнь, умении поделиться с другими своими чувствами, готовности оказать поддержку, проявить сочувствие, сострадание к другим, быть социально активными. Открытость в мир культуры означает интерес пожилых людей к новой информации, искусству, новым культурным умениям, общественным мероприятиям, увлечениям, хобби.

Респондентам предлагалось с помощью метода семантического дифференциала оценить выраженность открытости / закрытости в континууме (3, 2, 1, 0, –1, –2, –3) полярностей каждого из пяти проявлений конкретной шкалы. При обработке показатели были переведены в возрастающую шкалу от 1 до 7 баллов, где 1–2 балла указывали на высокую степень открытости, 3–5 баллов – на среднюю степень открытости, 6–7 баллов – на закры-

тость. Далее вычислялся средний балл открытости / закрытости по каждой шкале: «по отношению к себе», «к миру культуры», «социальному миру» и «природному миру».

Для исследования качества жизни лиц пожилого возраста был использован опросник качества жизни 36-Item Short Form Health Survey (SF-36), который отражает общее благополучие и степень удовлетворенности теми сторонами жизнедеятельности человека, на которые влияет состояние здоровья [14].

В соответствии с задачами исследования были использованы методы статистической обработки: описательная статистика, критерий Краскела–Уоллиса, критерий Манна–Уитни, корреляционный анализ, регрессионный анализ.

Результаты исследования

Результаты описательной статистики (табл. 1) показателей открытости / закрытости всей выборки респондентов указывают на их неоднозначную выраженность по шкалам: средние значения показателей открытости / закрытости в предметный, природный и социальный мир указывают на достаточно высокую степень открытости у многих респондентов; среднее значение показателя отношения к себе указывает на среднюю степень выраженности открытости / закрытости у большинства респондентов; показатель Мах свидетельствует о наличии респондентов, закрытых к себе и внешнему миру. Описательные статистики показали, что ни по одной из шкал методики мы не наблюдаем нормального распределения показателей.

Таблица 1

Результаты описательной статистики показателей открытости / закрытости пожилых людей, N = 277

Шкалы	№ группы	M	Me	σ	Dispersion	Min	Max
Отношение к себе	Общая	2,90	2,71	1,17	1,39	1,00	6,14
	1	2,26	1,98	1,04	1,08	1,00	6,14
	2	2,73	2,57	0,99	0,99	0,99	5,29
	3	3,71	3,59	0,87	0,76	0,76	6,14
Социальный мир	Общая	2,26	2,09	0,88	0,77	1,00	6,18
	1	2,14	1,90	0,85	0,72	1,00	6,18
	2	3,11	2,95	0,93	0,86	1,82	5,64
	3	2,12	2,06	0,72	0,52	1,00	4,91
Культурный мир	Общая	2,22	1,83	1,27	1,62	1,00	6,83
	1	2,58	2,15	1,49	2,24	1,00	6,68
	2	2,37	2,08	1,18	1,41	1,00	5,50
	3	1,77	1,59	0,81	0,66	1,00	5,67
Природный мир	Общая	1,75	1,00	1,21	1,46	1,00	7,00
	1	2,05	1,57	1,44	2,08	1,00	7,00
	2	1,46	1,22	0,80	0,64	1,00	4,00
	3	1,51	1,22	0,92	0,85	1,00	4,00

В результате кластерного анализа показателей открытости / закрытости выделено три группы респондентов: 1-я группа – 128 человек,

2-я группа – 38 человек, 3-я группа – 111 человек. Для выявления различий между выявленными группами по показателям открытости / закрытости был использован непараметрический критерий Краскела–Уоллеса, который выявил статистически значимые различия по всем шкалам: «открытость социальному миру», «открытость природному миру», «открытость к себе» (за исключением «умения оценивать свое поведение»), «открытость к культурному миру» (за исключением «интереса к происходящему вокруг и освоению новых видов деятельности»).

Таблица 2

**Сравнительный анализ групп
по показателям открытости / закрытости**

Шкалы	Средний ранг			χ^2
	Группа 1	Группа 2	Группа 3	
Отношение к себе	91,05	128,14	198,00	07,0***
Социальный мир	125,11	216,28	128,56	1,1***
Культурный мир	110,57	154,96	158,92	3,5***
Природный мир	160,34	119,91	120,93	9,9***

*** $p < 0,001$.

Попарное сравнение групп осуществлялось с помощью критерия Манна–Уитни (табл. 2). По вопросам шкалы «открытость / закрытость социальному миру» выявлено, что респонденты группы 1 по сравнению с группой 2 более открыты к социальному миру: они способны откликаться на просьбы других людей ($U = 10\,022$; $p < 0,00$) и учитывать их мнение ($U = 10\,135$; $p < 0,01$), новые люди им обычно интересны ($U = 10\,064$; $p < 0,00$), они могут поделиться о своем эмоциональном и физическом состоянии ($U = 9\,413$; $p < 0,00$), не боятся обращаться с просьбами к другим людям ($U = 9\,780$; $p < 0,00$), а также активно участвуют в коллективных мероприятиях ($U = 10\,133$; $p < 0,02$). Пожилые люди группы 1 в большей мере замечают эмоциональное состояние других и готовы, если нужно, оказать им поддержку, проявить сочувствие, сострадание ($U = 9\,758$; $p < 0,00$), активно включаются в обсуждение произошедших событий в обществе с другими людьми ($U = 9\,894$; $p < 0,00$), в семейную жизнь ($U = 10\,064$; $p < 0,00$). Они открыты социальной поддержке – принимают помощь, когда за них что-то решают, опекают ($U = 9\,974$; $p < 0,00$). По шкале «открытость / закрытость культурному миру» обнаружено, что респонденты группы 1 в большей мере открыты к предметному миру по показателю наличия увлечения, хобби ($U = 9\,894$; $p < 0,00$), им интересна информация о культуре, садоводстве, политике и др. ($U = 9\,894$; $p < 0,00$). По шкале «открытость / закрытость к себе» выявлено, что респонденты группы 1 по сравнению с респондентами группы 2 в большей мере готовы к неожиданным ситуациям, риску ($U = 9\,989$; $p < 0,00$), любят перемены в жизни ($U = 10\,074$; $p < 0,01$) и в случае неудачи всегда ищут, что же было сделано ими неправильно ($U = 10\,154$; $p < 0,02$); прежде чем выяснять отношения, стараются представить себе различные способы преодоления конфликта ($U = 9\,974$; $p < 0,00$). По шкале «открытость / закрытость природному миру» выявлено, что ре-

спонденты группы 2 значимо чаще проявляют заботу о растениях, животных ($U = 11\,397$; $p < 0,00$) по сравнению с респондентами группы 1.

Сравнительный анализ показателей открытости / закрытости респондентов группы 1 и группы 3 позволил заметить, что по шкале «открытость / закрытость социальному миру» респонденты группы 1 значимо более открыты к обсуждению произошедших событий в обществе с другими людьми ($U = 10\,017$; $p < 0,00$), более способны замечать их эмоциональное состояние ($U = 17\,716$; $p < 0,00$), готовы принять социальную поддержку в виде совета и опеки со стороны ($U = 16\,364$; $p < 0,00$), чем респонденты группы 3. В то же время респонденты группы 3 в большей мере открыты для участия в коллективных мероприятиях ($U = 16\,364$; $p < 0,04$), в общении с друзьями ($U = 14\,897$; $p < 0,00$). По шкале «открытость / закрытость культурному миру» респонденты группы 3 чаще посещают общественные мероприятия, социальные учреждения ($U = 17\,691$; $p < 0,00$), в то время как респонденты группы 1 значимо более заинтересованы своими хобби, увлечениями ($U = 10\,017$; $p < 0,00$), им интересна информация о культуре, садоводстве, политике и др. ($U = 10\,017$; $p < 0,00$). По шкале «открытость / закрытость к себе» установлено, что респонденты группы 1 в большей мере готовы к неожиданным ситуациям, риску ($U = 11\,853$; $p < 0,00$), в случае неудачи более способны анализировать то, что было сделано ими неправильно ($U = 12\,148$; $p < 0,00$), чем респонденты группы 3. Респонденты группы 1 чаще замечают изменения в своем организме ($U = 13\,513$; $p < 0,00$), планируют свое будущее ($U = 11\,470$; $p < 0,00$), готовы к поиску различных способов преодоления конфликта ($U = 10\,964$; $p < 0,00$) и к переменам в жизни ($U = 13\,388$; $p < 0,00$). По шкале «открытость / закрытость природному миру» обнаружено, что респонденты группы 3 чаще проявляют заботу о животных, растениях ($U = 10\,298$; $p < 0,00$) по сравнению с респондентами группы 1.

Сравнительный анализ показателей открытости / закрытости респондентов групп 2 и 3 по шкале «открытость / закрытость социальному миру» показал, что респонденты группы 3 более готовы откликаться на просьбы других людей ($U = 7\,592$; $p < 0,00$), учитывать их мнение ($U = 7\,740$; $p < 0,00$), делиться своими чувствами ($U = 7\,198$; $p < 0,00$), обращаться за помощью к другим людям ($U = 7\,258$; $p < 0,00$) и замечать эмоциональное состояние других людей ($U = 7\,700$; $p = 0,00$), иметь друзей ($U = 7\,846$; $p < 0,00$), участвовать в коллективных мероприятиях ($U = 7\,482$; $p < 0,00$). Респонденты группы 2 более активно включаются в обсуждение произошедших событий в обществе с другими людьми ($U = 1\,537$; $p < 0,00$), им нравится, когда за них что-то решают, опекают ($U = 1\,856$; $p < 0,00$). По шкале «открытость / закрытость природному миру» статистически значимых различий не выявлено. В результате сравнения показателей «открытость / закрытость культурному миру» выявлено, что респонденты группы 3 чаще посещают общественные мероприятия ($U = 8\,110$; $p < 0,00$), им более интересно, что происходит вокруг них ($U = 7\,919$; $p < 0,04$), в то время как респондентов группы 2 более интересуют увлечения, хобби ($U = 1537$; $p < 0,00$),

а также информация о культуре, садоводстве, политике и др. ($U = 1\,643$; $p < 0,00$). По шкале «открытость / закрытость к себе» установлено, что респонденты группы 2 активнее выражают готовность к неожиданным ситуациям, риску ($U = 2\,168$; $p < 0,00$), анализу своего поведения ($U = 2\,126$; $p < 0,00$) и его изменению ($U = 1\,901$; $p < 0,00$), чаще замечают изменения в своем организме ($U = 2\,226$; $p < 0,01$), планируют свое будущее ($U = 1\,814$; $p < 0,00$), чем респонденты группы 3.

Таким образом, группа 1 показала большую степень открытости по отношению к «культурному миру», «социальному миру» и к себе, в то время как группы 2 и 3 оказались более открыты к «природному миру». При этом группа 2 отличается большей степенью закрытости по отношению к «социальному миру», а группа 3 – по отношению к себе. В то же время отмечаются качественные различия в проявлениях открытости / закрытости в предметный, природный и социальный мир, а также к себе среди респондентов кластерных групп.

Выделенные кластерные группы респондентов по критерию особенностей открытости / закрытости к себе, культуре, социальному и природному миру были подвергнуты сравнительному анализу по показателям качества жизни, представленного компонентами физического и психического здоровья. Для выявления статистически достоверных различий был использован непараметрический критерий Краскела–Уоллеса. В результате статистически значимые различия между показателями качества жизни респондентов трех групп выявлены по шкалам «физическое функционирование», «ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием», «интенсивность боли», «социальное функционирование», «ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» (табл. 3).

Таблица 3

**Результаты изучения показателей качества жизни
у респондентов трех групп**

Шкалы	Средний ранг			χ^2	Асимптотическая значимость
	Группа 1	Группа 2	Группа 3		
Физическое функционирование (PF)	156,40	159,50	111,91	21,3	0,000*
Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием (RP)	157,55	147,59	114,66	22,5	0,000*
Интенсивность боли (P)	149,13	158,14	120,76	10,1	0,006*
Общее состояние здоровья (GH)	139,30	125,95	143,13	1,31	0,518
Жизненная активность (VT)	141,86	138,70	135,81	0,34	0,843
Социальное функционирование (SF)	156,68	151,20	114,44	17,9	0,000*
Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием (RE)	157,30	140,90	117,25	18,2	0,000*
Психологическое (ментальное) здоровье (MH)	139,27	132,70	140,85	0,2	0,862

* $p < 0,001$.

Более низкий показатель удовлетворенности своим физическим состоянием, ролевым функционированием, обусловленным физическим и эмоциональным состоянием, переживанием болевых ощущений, жизненной активностью, социальным функционированием выявлен в группе 3. В группе 1 многие респонденты более удовлетворены ролевым функционированием, обусловленным физическим и эмоциональным состоянием, а также более не склонны ограничивать социальные связи в случае ухудшения здоровья. Группа 2 продемонстрировала несколько бóльшую степень удовлетворенности своим физическим состоянием.

Анализ взаимосвязей между показателями открытости / закрытости и показателями физического и психологического компонентов здоровья с помощью критерия Спирмена показал различный характер этих взаимосвязей в выделенных кластерных группах (табл. 4).

Таблица 4

**Результаты изучения связи характеристик психического здоровья
с показателями открытости / закрытости**

Шкалы	Отношение к себе			Социальный мир			Культурный мир			Природный мир		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
PF	-,32**	,03	-,42**	-,21*	-,13	-,30**	-,33**	-,12	,02	,16	-,02	,02
RP	-,25**	-,02	-,34**	-,12	-,17	-,13	-,23**	-,19	,09	,17	-,18	,21*
P	-,31**	-,20	-,42**	-,13	-,47**	-,33**	-,20*	-,47**	,04	,16	-,31	,02
GH	-,34**	-,20	-,34**	,24**	-,48**	-,15	-,30**	-,40*	,15	,21*	-,48**	,14
VT	-,40**	-,31	-,47**	-,24**	-,54*	-,35**	-,36**	-,54*	,19*	,11	-,41*	,19*
SF	-,25**	-,12	-,59**	-,18*	-,21	-,44*	-,20*	-,28	,14	,03	-,27	,12
RE	-,19*	,09	-,35**	-,10	-,26	-,11	-,16	-,13	,07	,13	-,04	,08
MH	-,21*	-,22	-,30**	-,18	-,41*	-,28**	-,17	-,47**	,23*	,19*	-,37*	,13

Примечание. PF – физическое функционирование; RP – ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием; P – интенсивность боли; GH – общее состояние здоровья; VT – жизненная активность; SF – социальное функционирование; RE – ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием; MH – психологическое (ментальное) здоровье. *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Согласно данным табл. 4, выявлены различные отрицательные взаимосвязи физического и психологического компонентов здоровья с показателями открытости / закрытости во всех кластерных группах. Они по-разному количественно и содержательно представлены в кластерных группах. Со всеми компонентами качества жизни отмечаются отрицательные взаимосвязи показателя «открытость к себе» в группах 1 и 3. Не выявлено значимых взаимосвязей «открытости к себе» и качества жизни во второй группе. В первой группе шкалы физического компонента здоровья обнаружили обратные взаимосвязи с показателями «открытость культурному миру», «открытость к себе»; «общее состояние здоровья» имеет значимую обратную взаимосвязь с показателями «открытость природному миру» и

«открытость социальному миру»; «физическое функционирование» обратно взаимосвязано с показателем «открытость социальному миру». Что касается психологического компонента здоровья, то «жизненная активность» и «социальное функционирование» имеют отрицательные взаимосвязи с показателями «открытость культурному миру» и «открытость социальному миру». Слабая, но значимая обратная корреляция выявлена между «психологическим здоровьем» и «открытостью социальному миру».

Во второй кластерной группе, самой малочисленной по количеству респондентов, обнаружено меньшее количество корреляционных связей по сравнению с первой и третьей кластерными группами. Однако в этой группе также знак всех выявленных значимых корреляционных связей между показателями качества жизни и открытости – отрицательный. Значимые корреляционные отрицательные взаимосвязи выявлены между «общим состоянием здоровья», «жизненной активностью», «психологическим здоровьем» и показателями «открытость предметному миру», «открытость природному миру», «открытость социальному миру». Во втором кластере «интенсивность боли» обратно взаимосвязана с «открытостью культурному миру» и «открытостью социальному миру».

В третьей кластерной группе выявлены значимые отрицательные корреляции разной силы «жизненной активности» со всеми шкалами показателя открытости / закрытости. Также значимые отрицательные корреляции определены между «психологическим здоровьем» и показателями «открытость культурному миру», «открытость к себе», «открытость социальному миру». Физическое здоровье, представленное «физическим функционированием», «ролевым функционированием, обусловленным физическим состоянием», «интенсивностью боли», имеет обратные взаимосвязи с показателями «открытость социальному миру» и «открытость природному миру», а «социальное функционирование» как психологический компонент здоровья обратно взаимосвязано с «открытостью социальному миру».

Для рассмотрения степени открытости / закрытости как предиктора субъективной оценки качества жизни в пожилом возрасте был использован регрессионный анализ, где зависимой переменной выступали компоненты физического и психологического здоровья, независимыми переменными – показатели открытости к себе, в социальный, природный и предметный мир.

Таблица 5

Результаты регрессионного анализа показателей открытости и качества жизни

Шкалы	Статистически значимые бета-коэффициенты показателей психологической системы			
	Отношение к себе	Социальный мир	Предметный мир	Природный мир
Физическое функционирование (PF)	–0,440***	–0,349	–0,256	–,0144
Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием (RP)	–0,382***	0,222	0,341	–,0219

Окончание табл. 5

Шкалы	Статистически значимые бета-коэффициенты показателей психологической системы			
	Отношение к себе	Социальный мир	Предметный мир	Природный мир
Интенсивность боли (P)	-0,367***	0,165	0,264	-,0233
Общее состояние здоровья (GH)	-0,228**	0,243	0,268	-0,369***
Жизненная активность (VT)	-0,417***	0,213	-0,283***	0,214
Социальное функционирование (SF)	-0,454***	0,299	0,281	-0,228***
Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием (RE)	-0,334***	0,211	0,388	0,334
Психологическое (ментальное) здоровье (MH)	0,257	-0,322***	0,320	-0,322

*** $p < 0,001$, ** $p < 0,01$.

Регрессионный анализ выявил (табл. 5) значимые отрицательные связи, указывающие на возможность рассмотрения закрытости к себе как предиктора снижения физического функционирования, общего состояния здоровья, жизненной и социальной активности, ролевого функционирования, обусловленного эмоциональным состоянием, закрытости в социальный мир как предиктора ухудшения психологического здоровья, закрытости в мир культуры как предиктора снижения жизненной активности, закрытости в природный мир как фактора, оказывающего влияние на ограничение жизненной активности и социальной активности в случае ухудшения самочувствия.

Обсуждение результатов

Выделенные кластерным анализом и статистически различные группы по определенным показателям открытости / закрытости можно охарактеризовать как три типа организации жизненного мира пожилых людей с различным содержанием и степенью открытости к себе, в культурный, природный и социальный мир. Первый тип организации жизненного мира пожилых людей характеризуется более высокой степенью открытости, их смыслы отражают интерес и активность, связанные с миром культуры, социальным миром, собственными изменениями. В отличие от пожилых людей других типов организации жизненного мира, они более способны откликаться на просьбы других людей, замечать эмоциональное состояние других и оказывать им поддержку, проявлять сочувствие, сострадание, рассказывать другим о своем эмоциональном и физическом состоянии, участвовать в коллективных мероприятиях.

Второй тип организации жизненного мира пожилых людей характеризуется большей закрытостью в социальный мир. Пожилые люди менее открыты к обсуждению произошедших событий в обществе, в меньшей степени замечают эмоциональное состояние других, не готовы в полной мере принимать социальную поддержку в виде совета и опеки со стороны. При

этом природный мир в большей мере выступает у них основанием для смыслообразующих мотивов. Можно предположить, что открытость в природный мир у этих пожилых людей выступает как компенсация дефицитов социальных смыслов или как способ защиты, связанный с невозможностью открытости в социальный мир по различным причинам.

Третий тип организации жизненного мира лиц пожилого возраста характеризуется большей закрытостью к себе, собственным изменениям, что может выступать фактором, препятствующим как адаптации, так и развитию людей в позднем возрасте. Результатом такой закрытости являются психические и физические проблемы человека (В.Е. Клочко, 2003; Т.Г. Бохан, 2008; И.О. Логинова, 2010), которые актуализируются в пожилом возрасте. В то же время можно отметить, что смыслы респондентов данного типа в большей степени связаны с природным миром, что может рассматриваться в качестве возможного ресурса поддержания качества жизни и определять стратегии совладания с жизненными трудностями у пожилых людей.

Выявление связи степени открытости / закрытости и субъективной оценки качества жизни по компонентам физического и психологического здоровья у лиц пожилого возраста осуществлялось на основании сравнительного анализа качества жизни в группах с различными типами организации жизненного мира, а также корреляционных связей этих показателей в каждой кластерной группе. Во всех типологических группах выявлены различные значимые обратные взаимосвязи степени открытости / закрытости с показателями субъективной оценки качества жизни, свидетельствующие о том, что увеличение степени закрытости в пожилом возрасте сопровождается снижением удовлетворенности состоянием физического и психического здоровья. Полученные нами данные сопоставимы и согласуются с результатами исследований психической ригидности [15–17] и адаптации человека в норме и патологии [11].

Регрессионный анализ установил, что наиболее весомым предиктором нарушения качества жизни в пожилом возрасте выступает закрытость к себе. Увеличение степени закрытости в пожилом возрасте связано с ухудшением физического и эмоционального состояния, а также низкой оценкой общего состояния здоровья. Закрытость в мир культуры и к себе лежит в основе снижения жизненной активности, которое проявляется в виде беспомощности, пассивности и не используется как личностный ресурс качества жизни в пожилом возрасте. Закрытость в социальный мир проявляется в неспособности поделиться с другими своим состоянием (физическим, эмоциональным), в ограниченности социальной активности по отношению к семье, друзьям, близким родственникам, к участию в коллективных мероприятиях; неспособность откликаться на просьбы других, «включаться» в обсуждение произошедших событий в обществе с другими людьми прямо связано с формированием у пожилых людей эмоциональных проблем, тревожных и депрессивных переживаний, в целом психического неблагополучия. Невозможность быть открытым по отношению к природному миру и к себе, использовать их как ресурс преодоления, совладания в случае

ухудшения физического и эмоционального состояния приводит к ограничению социальных контактов, возможности социальной поддержки и помощи, фиксации на ухудшении своего состояния.

Полученные результаты имеют практическое значение, так как позволяют определить как психологические мишени профилактики снижения качества жизни лиц пожилого возраста, так и мишени психологической коррекции с учетом выявленных типов организации жизненного мира и соответствующих смысловых дефицитов и ресурсов развития, влияющих на субъективную оценку качества жизни.

Выводы

1. Выделено три типа организации жизненного мира лиц пожилого возраста по особенностям открытости / закрытости к себе, социальному, культурному и природному миру: более открытый тип, закрытый по отношению к социальному миру, закрытый к себе.

2. Более высокая удовлетворенность компонентами качества жизни отмечена у пожилых людей «открытого типа»; наибольшее неудовлетворение качеством жизни выявлено у пожилых людей типа «закрытый к себе»; у лиц пожилого возраста типа «закрытый по отношению к социальному миру» увеличение степени закрытости социальному миру сопровождается снижением удовлетворенности физическим и психическим компонентами здоровья.

3. Установлено, что удовлетворенность качеством жизни по критериям физического и психического компонентов здоровья у лиц пожилого возраста обратно взаимосвязана со степенью открытости / закрытости.

4. Результаты анализа статистических данных позволяют рассматривать степень открытости / закрытости как предиктор субъективной оценки качества жизни в пожилом возрасте.

5. Выявленные типы организации жизненного мира пожилых людей помогают определить мишени психологической коррекции и психологического взаимодействия, задачи, методы и приемы социально-психологического сопровождения лиц пожилого возраста. Установленные в исследовании трудности саморазвития в качестве открытой системы, проявляющиеся во взаимодействии с социальным, предметным и природным миром, должны являться предметом для профилактики и коррекции.

Литература

1. Аргайл М. Психология счастья. СПб. : Питер, 2003. 272 с.
2. Леонтьев Д.А. Качество жизни пожилого человека в России – реальность и запросы общества // Общество для всех возрастов : III Национальная конференция. 2015. URL: <http://rideo.tv/video/60901/> (дата обращения: 25.08.2018).
3. Ермак Н.А. Педагогическая поддержка качества жизни людей пожилого возраста в геронтообразовании // Современные проблемы воспитания: методология, теория, практика. 2008. № 6. С. 31–35.

4. Мелёхин А.И. Качество жизни в пожилом и старческом возрасте: проблемные вопросы // Современная зарубежная психология. 2016. № 1. С. 53–63. DOI: 10.17759/jmfr.2016050107.
5. Николукина Н.Б. Геронтопсихологические проблемы в свете экономической психологии // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. Вып. 6 (74). С. 234–239.
6. Fernandez-Ballesteros R. Quality of Life in Old Age: Problematic Issues // Applied Research in Quality of Life March. 2011. V. 6, № 1. P. 21–40. DOI: 10.1007/s11482-010-9110-x
7. Bowling A., Hankins M. A short measure of quality of life in older age: the performance of the brief Older People's Quality of Life questionnaire (OPQOL-brief) // Archives of Gerontology and Geriatrics. 2013. V. 56, № 1. P. 181–187. DOI: 10.1016/j.archger.2012.08.012.
8. Обухова Л.Ф., Обухова О.Б., Шаповаленко И.В. Проблема старения с биологической и психологической точек зрения // Психологическая наука и образование. 2003. № 3. С. 25–33.
9. Голубева Е.Ю. Морфофункциональные особенности и качество жизни у лиц пожилого и старческого возраста, проживающих в сельской местности // Клиническая геронтология. 2005. № 9. С. 95.
10. Непомнящая В.А. Психологические механизмы формирования качества жизни // Сибирский психологический журнал. 2004. № 20. С. 28–33.
11. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения на уровне индивидуальных и групповых систем // Сибирский психологический журнал. 2000. № 12. С. 26–42
12. Ключко Ю.В., Баланев Д.Ю. Опыт планирования и реализации исследования психической ригидности и локализации контроля как единого пространства характеристик личности // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2002. № 2-1. С. 17–27.
13. Ключко В.Е., Ключко Ю.В. Человек: открытая система в закрытой среде // Сибирский психологический журнал. 2015. № 57. С. 6–16. DOI: 10.17223/17267080/57/1.
14. Ware J.E., Kosinski M. Interpreting SF-36 summary health measures: A response // Quality of life research. 2001. V. 10, № 5. P. 405–413. DOI: 10.1023/A:1012588218728.
15. Китаева А.А. Практические исследования психической ригидности в структуре личностей с нормой и патологией // Современная наука. 2013. № 1. С. 23–26.
16. Бокова О.А. Теоретические основы изучения личностной ригидности как показателя открытости психологической системы // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4. С. 40–43.
17. Галажинский Э.В. Психическая ригидность как интегральный показатель степени открытости психологической системы (в контексте проблемы самореализации личности) // Сибирский психологический журнал. 2001. № 14–15. С. 48–53.

Поступила в редакцию 23.09.2018 г.;
повторно 14.01.2018 г.; принята 27.02.2019 г.

Боженкова Ксения Алексеевна, аспирант кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета.

E-mail: bozhenkova.k@mail.ru

Бохан Татьяна Геннадьевна, доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета.

E-mail: btg960@sibmail.com

For citation: Bozhenkova K.A., Bokhan T.G. Quality of Life of Elderly People with Varying Degrees of Openness ess. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2019; 71:144-158. doi:10.17223/17267080/71/8. In Russian. English Summary

Quality of Life of Elderly People with Varying Degrees of Openness

Ksenya A. Bozhenkova^a, Tatiana G. Bokhan^a

^a Tomsk State University, 36, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

Abstract

The research is devoted to the problem of life quality at elderly people. The process of population ageing led to the growth of number of elderly people and updated the problems of this age as a subject of scientific research.

Our main objective was to study the interrelation of quality of life with indicators of openness and closeness of an elderly person. Studying the indicator of openness and closeness, according to the methodology of system anthropological psychology (V.E. Klochko) was carried out on the basis of the analysis of phenomenology of openness to itself and to external environment (social, natural, cultural). The studied group of respondents, elderly people, according to the results of cluster analysis of indicators of openness and closeness, was not consistent. Three cluster groups with statistically significant distinctions were allocated. These distinctions indicate the features of the vital world of elderly people, their readiness to self-organization as an open psychological system. We have allocated three types of the vital world organization according to the features of openness and closeness to themselves, to the social, objective and natural world. These are a more open type, a closed to the social world type, and a closed to itself type. The revealed types allow considering the indicators of quality of life (a psychological component) and openness/closeness as important criteria for evaluation of subjective life quality at elderly people.

The rehabilitation potential has to be considered as a development vector while the difficulties of self-development as an open circuit established in the research and shown in interaction with the social, objective and natural world should become a subject for prevention and correction. The obtained new scientific data can be used in the development of crisis psychological assistance to elderly people.

Keywords: old age; quality of life; openness; physical component of health; psychological component of health; natural world; social world; objective world.

References

1. Argyle, M. (2003) *Psikhologiya schast'ya* [The Psychology of Happiness]. Translated from English by A. Lisitsyna. St. Petersburg: Piter.
2. Leontiev, D.A. (2015) *Kachestvo zhizni pozhilogo cheloveka v Rossii – real'nost' i zaprosy obshchestva* [The quality of life of elderly people in Russia – the reality and the needs of society]. [Online] Available from: <http://rideo.tv/video/60901/>. (Accessed: 25th August 2018).
3. Ermak, N.A. (2008) *Pedagogicheskaya podderzhka kachestva zhizni lyudey pozhilogo vozrasta v gerontoobrazovanii* [Pedagogical support of the quality of life of the elderly in gerontological education]. *Sovremennye problemy vospitaniya: metodologiya, teoriya, praktika*. 6. pp. 31–35.
4. Melekhin, A.I. (2016) Quality of life in elderly age: areas of concern. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya – Journal of Modern Foreign Psychology*. 1. pp. 53–63. (In Russian). DOI: 10.17759/jmfp.2016050107.
5. Nikolyukina, N.B. (2009) Gerontopsikhologicheskie problemy v svete ekonomicheskoy psikhologii [Gerontopsychological problems in the light of economic psychology]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series Humanities*. 6(74). pp. 234–239.

6. Fernandez-Ballesteros, R. (2011) Quality of Life in Old Age: Problematic Issues. *Applied Research in Quality of Life*. 6(1). pp. 21–40. DOI: 10.1007/s11482-010-9110-x
7. Bowling, A. & Hankins, M. (2013) A short measure of quality of life in older age: the performance of the brief Older People's Quality of Life questionnaire (OPQOL-brief). *Archives of Gerontology and Geriatrics*. 56(1). pp. 181–187. DOI: 10.1016/j.archger.2012.08.012
8. Obukhova, L.F., Obukhova, O.B. & Shapovalenko, I.V. (2003) Problema stareniya s biologicheskoy i psikhologicheskoy tochek zreniya [The problem of aging from a biological and psychological point of view]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 3. pp. 25–33.
9. Golubeva, E.Yu. (2005) Morfofunktsional'nye osobennosti i kachestvo zhizni u lits pozhlogo i starcheskogo vozrasta, prozhivayushchikh v sel'skoy mestnosti [Morphofunctional features and quality of life in elderly and senile people living in rural areas]. *Klinicheskaya gerontologiya – Clinical Gerontology*. 9. pp. 95.
10. Nepomnyashchaya, V.A. (2004) Psikhologicheskie mekhanizmy formirovaniya kachestva zhizni [Psychological mechanisms of forming the quality of life]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 20. pp. 28–33.
11. Zalevsky, G.V. (2000) Fiksirovannye formy povedeniya na urovne individual'nykh i gruppovykh sistem [Fixed forms of behavior at the level of individual and group systems]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 12. pp. 26–42
12. Klochko, Yu.V. & Balanev, D.Yu. (2002) Opyt planirovaniya i realizatsii issledovaniya psikhicheskoy rigidnosti i lokalizatsii kontrolya kak edinogo prostranstva kharakteristik lichnosti [Experience of planning and implementation of the study of psychic rigidity and localization of control as a single space of personality characteristics]. *Vestnik Altayskoy gosudarstvennoy pedagogicheskoy akademii*. 2-1. pp. 17–27.
13. Klochko, V.E. & Klochko, Yu.V. (2015) A person: an open system in a closed environment. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 57. pp. 6–16. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/57/1
14. Ware, J.E. & Kosinski, M. (2001) Interpreting SF-36 summary health measures: A response. *Quality of Life Research*. 10(5). pp. 405–413. DOI: 10.1023/A:1012588218728
15. Kitaeva, A.A. (2013) Prakticheskie issledovaniya psikhicheskoy rigidnosti v strukture lichnostey s normoy i patologiyei [Practical studies of mental rigidity in the structure of individuals with the norm and pathology]. *Sovremennaya nauka*. 1. pp. 23–26.
16. Bokova, O.A. (2014) Theoretical bases of the study of rigidity of an individual as an indicator of openness of a psychological system. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture and Education*. 4. pp. 40–43. (In Russian).
17. Galazhinsky, E.V. (2011) Psikhicheskaya rigidnost' kak integral'nyy pokazatel' stepeni otkrytosti psikhologicheskoy sistemy (v kontekste problemy samorealizatsii lichnosti) [Psychological rigidity as an integral indicator of the degree of openness of the psychological system (in the context of the personality self-realization problem)]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 14–15. pp. 48–53.

Received 23.09.2018; Revised 14.01.2018;

Accepted 27.02.2019

Ksenya A. Bozhenkova – post-graduate student, Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, Tomsk State University.

E-mail: bozhenkova.k@mail.ru

Tatiana G. Bokhan – head, Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, Tomsk State University, D. Sc., Associate professor.

E-mail: btg960@sibmail.com

УДК 159.99

БИОПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РЕАБИЛИТАЦИИ ПАЦИЕНТОВ С ЦЕРЕБРОВАСКУЛЯРНЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКЕ¹

**Н.В. Козлова^а, Э.И. Мещерякова^а, Т.Е. Левицкая^а,
В.Б. Обуховская^{а, b}, Д.Г. Назметдинова^а,
А.А. Зайцев^с, Е.А. Цехмейструк^а**

^а Томский государственный университет, 634050, Россия, Томск, пр. Ленина 36

^б Сибирский государственный медицинский университет, 634050, Россия, г. Томск, Московский тр., 2.

^с Сибирский федеральный научно-клинический центр Федерального медико-биологического агентства, 636035, Россия, Северск, пр. Мира, 4

Описывается значение биопсихосоциальной модели для целей реабилитации в сфере психического здоровья. Показана необходимость разработки концептуальной биопсихосоциальной модели реабилитации пациентов с цереброваскулярными заболеваниями в рамках медико-психологического сопровождения, основанной на совокупности психодиагностических и психотерапевтических методов формирования и обучения данных пациентов новому, позитивному жизненному стереотипу и обеспечивающей его успешную социальную интеграцию в общество и улучшение качества жизни в целом.

Ключевые слова: биопсихосоциальная модель; реабилитация; самореабилитация; цереброваскулярные заболевания; механизмы, обеспечивающие здоровье; здоровьесен-тринность; здоровье; психическое здоровье; качество жизни.

Введение

Один из серьезных методологических прорывов середины XX в., значи-мый для медицины и клинической психологии, произошел в 1977 г., когда Джорджем Энгелем была предложена холистическая модель возникновения и течения психических расстройств, альтернативная общепринятому на тот период биомедицинскому подходу. Дж. Энгель доказывал, что для пра-вильного понимания причин страданий пациента, выбора лечения, дости-жения готовности выполнять рекомендации врача (как при психических, так и при соматических заболеваниях) необходимо учитывать биологиче-ские, психологические и социальные аспекты болезни [1. С. 8]. В основе этой модели лежит диада «диатез–стресс», где диатез – это биологическая

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований, проект 18-013-00937.

предрасположенность к определенному болезненному состоянию, а стресс – психосоциальные факторы, актуализирующие эту предрасположенность. Взаимодействие диатеза и стресса объясняет любое заболевание [2].

Название «биопсихосоциальная модель реабилитации» происходит от вышеописанной биопсихосоциальной модели Дж. Энгеля, утверждающей, что в патогенезе (развитии) болезни или какого-либо расстройства у человека играют важную роль как биологические (генетические, анатомические, физиологические, биохимические и др.) нарушения, так и психологические факторы, включающие в себя психические процессы, индивидуально-психологические особенности личности и поведения, а также социальные, в частности социально-экономические, факторы (социальное микроокружение, культурные факторы и др.). Соответственно, реабилитационный процесс предполагает постановку акцента на восстановлении тех факторов, которые обусловили как происхождение, так и развитие болезненного процесса, а также определили вторичные расстройства по мере протекания болезни. Ответственность за выздоровление в биопсихосоциальной модели болезни полностью или частично возлагается на самих больных людей. Соотношение медицинского и реабилитационного подходов состоит в том, что если медицина – это борьба за жизнь человека, то реабилитация – это борьба за качество его жизни.

Компонент «био» в биопсихосоциальной модели реабилитации представляет собственно медицинскую компоненту, связанную с воздействием медиков на патологический болезненный процесс. Эта компонента является доминантной в учреждениях медицинского профиля, две остальные компоненты рассматриваются как соподчиненные.

Компонент «психо» в биопсихосоциальной модели реабилитации означает психологическую компоненту, которая присутствует на всех этапах осуществления модели восстановления здоровья, обуславливая ее психосемиотичность. Психологические факторы играют ведущую роль в оценке состояния здоровья в рамках биопсихосоциальной модели. Субъективно здоровье проявляется в чувстве оптимизма, соматическом и психологическом благополучии, радости жизни. Это субъективное состояние обусловлено следующими психологическими механизмами, обеспечивающими здоровье: 1) принятие ответственности за свою жизнь; 2) самопознание как анализ своих индивидуальных телесных и психологических особенностей; 3) самопонимание и принятие себя как синтез – процесс внутренней интеграции; 4) умение жить в настоящем; 5) осмысленность индивидуального бытия, как следствие – осознанно выстроенная иерархия ценностей; 6) способность к пониманию и принятию других; 7) доверие к процессу жизни наряду с рациональными установками, ориентацией на успех и сознательным планированием своей жизни, являющееся необходимым качеством, которое Э. Эриксон называл базовым доверием, иными словами, это умение следовать естественному течению процесса жизни [3].

Ядром психологической компоненты является сочетанная подмодель внутренней картины заболевания и внутренней картины здоровья. Эта со-

четанная многоструктурированная модель отражает субъективную картину реабилитации, она позволяет вплотную приблизиться к проблеме психологических интеракций применительно к заболевшим и инвалидам, к проблеме самореабилитации, т.е. личностной реабилитации, сознательного саморазвития, самосозидания, самотворчества в отношениях с болезнью, окружающими и самим собой.

В медицинской психологии на настоящий момент концепция здоровьесцентричности подразумевает под собой активное включение самого пациента в лечебный процесс, задача реабилитации становится тождественной задаче самореабилитации. Подобное сочетание основано на взаимосвязи и взаимовлиянии внешней и внутренней мотивации пациента на преодоление последствий заболевания и обеспечивает возвращение человека в социум, осознание доли своей ответственности за лечение и процесс восстановления, преодоление комплексов вследствие заболевания. Психологические особенности индивида и весь его внутренний мир, включая интересы, потребности, ценности и т.д., определяют степень его реабилитации и качество жизни в целом. Необходимо учитывать степень осознания личностью болезни и всех ее последствий, особенно при наличии факта инвалидизации [4–6].

Компонента «социо» в биопсихосоциальной модели реабилитации предусматривает изучение влияния социальных условий на болезнь, что дает возможность устранить причины, мешающие эффективному восстановлению личности в обществе. В социальный аспект реабилитации входят многие вопросы: влияние социальных факторов на развитие и последующее течение болезни, на эффективность лечебных и реабилитационных мероприятий, социальное обеспечение инвалидов, наличие свободных трудовых мест, вопросы трудового и пенсионного законодательства, взаимоотношения больного (инвалида) и общества и т.д. Экономический аспект реабилитации заключается в том, что эффективная реабилитация снижает расходы государства на лечение и социальное обеспечение за счет сокращения сроков лечения, предотвращения нетрудоспособности, уменьшения размеров и количества пособий по инвалидности, сохранения опытных квалифицированных профессиональных кадров. Такая модель призывает к интеграции заболевших и инвалидов в общество, приспособлению к условиям жизни в обществе на всех уровнях: социокультурном, социoproфессиональном и семейно-бытовом. Это включает в себя создание так называемой доступной среды, а также поддержание мер, способствующих трудоустройству в организации, обучение общества навыкам общения с больными и инвалидами. Данная модель отражает способность общества развиваться на принципах недискриминации, терпимости, уважения, равенства возможностей, солидарности, безопасности [7]. Социальная реабилитация – это комплекс программ и действий, направленных на восстановление социальных функций человека, его социального и психического статуса в обществе. Процесс социальной реабилитации является двухсторонним и встречным. Обще-

ство идет навстречу инвалидам, адаптируя среду обитания и мотивируя их к интеграции в общество. С другой стороны, люди с ограниченными физическими возможностями должны сами стремиться стать равноправными членами общества.

Актуальность применения биопсихосоциальной модели реабилитации пациентов с цереброваскулярными заболеваниями в мире обусловлена проблемой высокого уровня распространенности нарушений мозгового кровообращения, которые являются одной из наиболее частых причин инвалидности и смертности населения. По данным Б.С. Виленского, В.И. Скворцовой, Н.Н. Спириной и Н.Н. Корнеевой, в России уровень заболеваемости и смертности от инсульта – один из самых высоких в мире, частота цереброваскулярных заболеваний достигает 450 человек на 100 тыс. населения, а летальность в острой стадии инсульта составляет около 35%, увеличиваясь на 15% к концу первого года заболевания. Инвалидизация вследствие инсульта занимает ведущее место среди причин первичной инвалидности [8–10].

Анализ проблемы реабилитации пациентов с цереброваскулярными заболеваниями в развитых странах Европы позволяет отметить снижение заболеваемости и смертности от инсульта в возрастной группе до 75 лет, что обусловлено активным внедрением программ исследования риск-факторов (биохимических и социально-психологических маркеров) с целью первичной превенции; в этой связи актуально рассматривать проблему инсульта и реабилитации пациента также с опорой на точные эпидемиологические данные и этиологические факторы, что недостаточно представлено в контексте исследований цереброваскулярных заболеваний [11]. Изучение и сравнение применения биопсихосоциальной модели реабилитации пациентов с цереброваскулярными заболеваниями в отечественной и зарубежной практике позволит в дальнейшем разработать концептуальную модель прикладного характера для медико-психологической реабилитации. В рамках биопсихосоциальной модели болезнь рассматривается как расстройство, которое угрожает способности человека с точки зрения психофизиологических механизмов выполнять свои функции в определенном социокультурном пространстве.

При этом не каждое расстройство функционирования однозначно является болезнью, но только такое, которое становится причиной значимой для личности угрозы существованию в конкретных условиях среды. Следовательно, болезнью является далеко не всякое расстройство, а только такое, которое нуждается в изменении (имеется потребность в лечении). Любая комплексная модель носит фрактальный характер – в каждой из моделей представлены элементы других моделей, модифицированные под главную задачу выполняемого этапа. Комплексная модель реабилитации нормативно базируется на российском законе 1995 г. «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» – первом нормативном документе, который активно защищает права людей с ограниченными возможностями, инвалидов и заболевших [12].

Значение биопсихосоциальной модели для целей реабилитации в сфере психического здоровья состоит в том, что модель акцентирует внимание необходимости преобладания в планировании рассматриваемой помощи психологических формулировок, а не медицинских диагнозов. Подобная модель должна: 1) детализировать предполагаемые нарушения в посреднической функции психологических процессов или механизмов, тем самым психологическое понимание симптомов должно оставаться в фокусе внимания специалистов; 2) содержать в основе утверждение, что медицинские, социальные и психологические вмешательства станут более клинически эффективными, если будут разработаны с учетом их вероятного благотворного влияния на психологические механизмы, лежащие в основе нарушений и проблем дезадаптации [13–14].

Подобные представления о реабилитационном процессе невозможны без анализа современных тенденций психологического и медицинского научного сообщества. Так, в настоящее время новые тенденции развития мирового сообщества предполагают в качестве одной из основополагающих ценностей здоровье человека, и это обуславливает концептуализацию здоровьесцентрических представлений в медицинской науке. Необходимость расширения и углубления научных знаний в этой области вызвана конкретными нуждами практики – как медицинской, так и психологической.

Таким образом, методологией реабилитационной работы является системный структурно-уровневый динамический подход, осуществляемый посредством биопсихосоциальной модели по принципу фрактальности и психосемиотичности. Комплекс психологических средств и методов усиливает у больных и инвалидов мотивацию к выздоровлению, формирует новые способы поведения, направленные на гармонизацию отношений с окружающими, и включает в себя не только адаптационный (приспособительный), но и развивающий аспект. Смысл психологического сопровождения состоит в усилении позитивных факторов развития и нейтрализации негативных, что позволяет соотносить сопровождение с внешними преобразованиями, благоприятными для поддержки, подкрепления внутреннего потенциала пациента.

Результаты исследования и обсуждения

В теоретических исследованиях современный переход от «медицины болезней» к «медицине здоровья», преодоление понимания здоровья как отсутствия заболевания обуславливает не только активную социальную профилактику путем создания максимально здоровых условий жизни, но и учет в процессе реабилитации ориентации на проявления индивидуально-психологических особенностей личности и ее психические процессы, паттерны поведения, взаимодействие со средой. Что касается реализуемых на практике отечественных и зарубежных медико-психологических реабилитационных мероприятий, прослеживается ограниченное сочетание различных медикаментозных и нелекарственных методов [15–18], и это отчетливо

проявляется в отношении реабилитации пациентов с цереброваскулярными заболеваниями.

Что касается зарубежных исследований, то на настоящий момент рассмотрение и применение биопсихосоциальной модели реабилитации пациентов с цереброваскулярными заболеваниями осуществляется в русле психологии здоровья. В частности, утверждается, что успех подобной перспективы зависит от людей, которые поддерживают здоровый образ жизни и получают медицинскую и социальную поддержку. Соответственно, политики и чиновники все чаще рассматривают изменение поведения на уровне населения в качестве ключевой цели, чтобы помочь уменьшить огромное бремя хронических заболеваний. Современные медицинские системы преуспевают в лечении заболеваний биологической этиологии, но в прошлом биомедицинская модель была построена на узкой, редуционистской стратегии, ориентированной на биологические аспекты болезни и здоровья. Зарубежные медицинские психологи все чаще утверждают, что применение биомедицинской модели является ошибочным, поскольку известно, что стресс взаимодействует с болезнями биологической этиологии и является фактором диатеза [19]. Несмотря на то, что биомедицинская модель, конечно, до сих пор привносит много новшеств в медицину и медицинскую помощь (например, в случае более глубокого понимания биологических механизмов психических расстройств), биомедицинская точка зрения сама по себе не гарантирует положительного результата реабилитации, а также не объясняет целого ряда явлений, поэтому психологические и социальные элементы также должны быть включены на уровне этиологических, патогенетических и экологических факторов [20].

Биопсихосоциальная модель благоприятна не только для психологии здоровья, но и для других дисциплин. Она закладывает основу для «образа жизни медицины», который находится в процессе становления усилий по расширению сферы основной медицины и включает в себя использование научно обоснованных терапевтических подходов, таких как диета, физические упражнения, сон, снятие стресса, отказ от употребления табака и алкоголя и другие немедикаментозные методы [21–22].

Чтобы уменьшить огромное бремя хронических заболеваний для общественного здравоохранения, необходимо изменить поведение на уровне населения. Позитивные социальные сети наряду с усилиями по улучшению саморегуляции и самореабилитации имеют решающее значение для установления и поддержания здорового отношения и поведения. Государственная политика, направленная на решение проблемы неравенства в доходах, поможет уменьшить диспропорции в состоянии здоровья, но, подобно основным биологическим механизмам стресса, проблемы, связанные с неравенством, являются очень сложными и часто двунаправленными. Широкие возможности для вмешательства заключаются в улучшении стратегий преодоления стрессовых реакций, таких как обучение устойчивости для уменьшения дополнительного страдания, которое часто выходит за рамки первоначального источника стресса. Будущие исследования с использова-

нием все более строгих и междисциплинарных подходов позволят разработать соответствующие механизмы реабилитации на основе биопсихосоциальной модели, что обеспечит ее эффективность.

Что касается зарубежного опыта применения биопсихосоциальной модели в области диагностики и реабилитации пациентов с цереброваскулярными заболеваниями, наблюдается многообразие воззрений относительно возможностей данной модели. В рамках предотвращения последствий ишемического инсульта на факультете медицинских наук (Норвегия, 2015) биомедицинская модель применялась в этиологическом объяснительном контексте, а частности в биомедицинской и психосоциальной перспективе. Н. Ormstad и G. Eilertsen изучали взаимосвязь постинсультной апатии и депрессии и предложили биопсихосоциальную модель, которая объясняет индуцированный иммунный ответ и активацию гормона кинуренина, напрямую связанного с апатией, но не имеющего прямого отношения к депрессии. Ученые выдвинули и доказали гипотезу о том, что риск развития депрессии может быть уменьшен, если в ходе реабилитационного процесса будет проведена медикаментозная и психологическая коррекция апатии, в частности через установление правильного баланса между отдыхом и деятельностью [23].

В. Griffin, V. Loh, B. Hesketh (Австралия, 2013) на базе биопсихосоциальной модели предложили ментальную модель факторов, связанных с субъективной продолжительностью жизни. В рамках реабилитации упор делается на то, каким образом человек конструирует в своем сознании ментальную модель или внутреннее представление о своем вероятном возрасте смерти, основанное на понимании и интерпретации личного опыта и контекста. Предлагаемая структура включает четыре категории предикторов: 1) биомедицинские и генетические факторы; 2) социально-экономические факторы; 3) поведение в отношении здоровья; 4) двигательные нарушения [24]. Поскольку человеческий мозг проходит процесс реорганизации после инсульта [25], ученые предположили, что адаптивные изменения мозга в первую очередь связаны с восстановлением моторной функции, а использование данной связи позволит улучшить состояние нарушенных функциональных систем. Понимание и выявление структурных изменений, связанных с восстановлением, может помочь в разработке индивидуальных подходов к реабилитации для оптимального стимулирования адаптивных изменений мозга. С. Sampaio-Baptista, Z.-B. Sanders, Н. Johansen-Berg (Великобритания, 2018) доказали необходимость понимания основных механизмов структурной пластичности в контексте моторного обучения и реабилитации у пациентов с инсультом [26].

М.В. O'Dell, С.Д. Lin, V. Harrison (США, 2009) рассматривают двигательные дефициты, поскольку именно двигательная слабость является наиболее очевидной как для пациента, так и для внешнего наблюдателя. Выраженность двигательной слабости является сильным предиктором выраженности функциональных дефицитов. Специфический же дефицит, наблюдаемый после инсульта, зависит от области поражения мозга. Афазия,

дизартрия, дисфагия, боль, когнитивные дефициты, сенсорная депривация и депрессия могут приводить к существенным ограничениям жизнедеятельности человека. Исследователи отмечают необходимость взаимодействия пациента не только с неврологом и нейрохирургом, но и с подготовленными медицинскими бригадами, которые включают физиотерапевтов, неврологов, медсестер, физиотерапевтов и трудотерапевтов, логопедов, социальных работников, психологов и других специалистов. Команда реабилитации в рамках биопсихосоциальной модели использует различные методы для улучшения показателей последствий инсульта, например моторную тренировку как поврежденных, так и неповрежденных конечностей, использование вспомогательных приспособлений, изменение окружающей среды дома и на работе, а также предотвращение дальнейшей инвалидности в целом [27].

Среди современных зарубежных исследований можно выделить наиболее значимые работы как по использованию метапоказателей, так и по актуализации проблем здоровья в их взаимосвязи с психологическими составляющими. К примеру, зарубежные авторы М. Kagawa-Singer, W. Dressler, S. George из Алабамского и Калифорнийского университетов (США, 2016) обращают внимание на недостаточный уровень исследования вопросов, связанных с учетом различий в понимании того, что такое здоровье и как такие различия отражаются в моделях здорового поведения [28]. D. Napier и соавт. [29] из Университетского колледжа Лондона (Великобритания, 2014) доказывают, что ценностные аспекты благополучия человека тесно связаны с ресурсной составляющей здоровья, в то время как традиционные исследовательские подходы обращены порой только к биологическим и медицинским факторам обеспечения здоровья населения. Эти исследователи считают, что существенное влияние на здоровье и стратегии его улучшения может оказывать система ценностей, а ценностное отношение к здоровью может проявляться на разных уровнях – локальном (учреждение или местность), национальном, глобальном.

Особый интерес представляют масштабные зарубежные кросс-культурные исследования, набирающие популярность в настоящее время. Например, в 2015 г. группа исследователей в составе A. Maercker, X.C. Zhang, Z. Gao, Y. Kochetkov, S. Lu, Z. Sang, S. Yang, S. Schneider, J. Margraf из Цюрихского университета Швейцарии, Рурского университета Германии, трех университетов Китая и Московского научно-исследовательского института психиатрии приводят результаты кросс-культурного исследования ценностных ориентаций личности в их взаимосвязи с показателями психического здоровья [30]. На материале, полученном от почти 14 тыс. респондентов из трех стран, показано, что ценностные ориентации являются детерминирующим фактором в прогнозировании проблем, связанных с психическим здоровьем. Исследование J.P. Maskenbach из Университетского медицинского центра Роттердама (Нидерланды) направлено на выявление взаимосвязи между ценностями и здоровьем населения по данным анализа респондентов из 42 стран [31]. Показано, что различия в культурных ценно-

стях обуславливают различия в реализации моделей здорового поведения даже в территориально близко расположенных странах. Совместное исследование ученых Оксфордского и Гронингенского университетов P. Prag, M.C. Mills, R. Wittek (Великобритания, Нидерланды, 2016) на базе 29 стран было направлено на изучение взаимосвязи между субъективным социально-экономическим статусом и здоровьем с использованием двух показателей – субъективной оценки здоровья и психологического благополучия [32].

T. England, P. Martin, P.M.W. Bath (Великобритания, 2009) предлагают данные о возможностях применения стволовых клеток в восстановлении последствий инсульта [33]. G.E. Gresham и соавт. [34] указывают на использование всесторонней и целостной программы когнитивной реабилитации, необходимой для улучшения ежедневной жизни пациентов, перенесших инсульт. S. Gillham, L. Clark (Великобритания, 2011) предлагают процесс восстановления начинать именно с психологической коррекции эмоциональных состояний (тревоги, депрессии) и когнитивных нарушений, так как именно они влияют на положительный прогноз реабилитации [35]. Silver и соавт. (США, Канада, 2011), развивая идею холистического подхода в реабилитации, приводят результаты повышения осведомленности пациентов о заболевании и их когнитивном функционировании [36]. Основным трендом в исследованиях больных с цереброваскулярными заболеваниями в мировой практике является изучение нетрадиционных стресс-факторов, таких как С-реактивный белок, уровень липопротеина, уровень кальция в коронарной артерии и иные биохимических маркеры. Помимо психофизиологических показателей рассматриваются психосоциальные стрессоры, например острый эмоциональный стресс, экстремальный стресс и социальная изоляция [37].

Вслед за зарубежными коллегами, исповедующими современный здоровьесетрический подход, отечественные специалисты рассматривают здоровье как системное понятие в соответствии с принципом иерархичности (базовый принцип системного подхода) на трех уровнях – биологическом, психологическом и социальном [38]. Здесь имеются определенные достижения: выявлены базисные понятия психологии здоровья [39–40]; определены факторы здорового образа жизни и выделены факторы психического, психологического и социального здоровья, определены психологические механизмы стрессоустойчивости; рассмотрены гендерные аспекты психического и социального здоровья [41]; разработаны индивидуально ориентированные оздоровительные программы с учетом состояния здоровья, половых, возрастных и личностных особенностей [42]; заложены концептуальные основания психологии долголетия с определением признаков психического старения и возможностью его профилактики [43].

Несмотря на всесторонний теоретический анализ и высокую степень проработанности понятия здоровья, выделение его критериев и компонентов [44], создаваемые интегративные модели оценки здоровья зачастую базируются только на показателях, приводимых в официальной медицинской статистике Госкомстата России, и лишь отчасти учитывают обширный

медико-психологический контекст, базируются в основном на ценностно-смысловой регуляции [45], отдельных психологических детерминантах, таких как ресурсы духовного здоровья [46], информационно-психологическая безопасность и пр. Ряд авторов предлагают в качестве одного из методов реабилитации пациентов после перенесенного инсульта восстановление путем «наблюдения–подражания», поскольку этот метод повышает пластичность мозга и, как следствие, реабилитационный потенциал. Кроме того, высокие результаты в улучшении моторных и когнитивных навыков, а также психологического состояния в целом продемонстрировало использование виртуальной реальности в современной реабилитации, но при этом требуется постоянное участие психотерапевта для контроля за психологической составляющей восстановительного процесса [47].

При этом в медицинской реабилитации превалирует использование аппаратных методов, эффективность которых неоднозначно оценивается исследователями из-за отсутствия их включенности в исследовательский комплекс. Так, положительно оценивают эффективность физиотерапевтического аппаратного комплекса «Ионосон эксперт» и аппаратного комплекса «Locomat» для улучшения отдаленных результатов, однако они применимы только в программах физической реабилитации [48].

Еще 2008 г. Е.А. Бойко, Т.В. Кулишова, Г.И. Шумахер, Т.И. Сидорова, Р.В. Юсупходжаев предложили включить в комплекс реабилитации когнитивную гимнастику с целью улучшения качества жизни пациентов и позитивного действия на когнитивные функции [49], а Д.П. Петрушевичене, А.Й. Кришчюнас, Р.Ю. Савицкас (2009) предложили улучшать самостоятельность больных с инсультом [50]. Исследования В.В. Ковальчук, А.А. Скоромец, М.Л. Высоцкая, Е.В. Мелихова (2007) фиксированы на рациональной психотерапии, внушении наяву, самовнушении по методу Куэ, методиках арт-терапии [51]. Л.А. Черникова (2005) рекомендует применять бегущие дорожки с поддерживающими системами, облегчающими вес тела, в тренировке ходьбы у больных с постинсультными гемипарезами [52]. В.В. Ковальчук, А.А. Скоромец (2007) используют методики остеопатии (мягкотканые, артикуляторные, мышечно-энергетические, фасциальные, краниосакральные и методика стрейн-контрстрейн), при этом показано создание мультидисциплинарной бригады из врача-невролога, медсестры, методиста ЛФК, эрготерапевта, логопеда, социального работника, психолога [53]. Н.В. Шахпаронова, А.С. Кадыков, Е.М. Кашина (2012) в реабилитации больных с двигательными нарушениями в раннем восстановительном периоде делают акцент на использовании кинезотерапии, направленной на восстановление движения в паретичных конечностях, физиотерапевтических методов, обучении самообслуживанию, а также приеме миорелаксантов и медикаментозной терапии в целом (гипотензивные, метаболические и нейропротективные препараты) [54].

О.А. Лазарева, В.В. Белопасов (2009) показали возможность применения набора нейропсихологических тестов и опросников качества жизни SF-36 для объективизации оценки эффективности лечения пациентов с по-

следствиями инсульта [55]. О.С. Левин, Н.И. Усольцева, М.А. Дударова (2010) отмечают, что раннее выявление когнитивных нарушений, в том числе легких и умеренных форм, может способствовать предупреждению дальнейшего нарастания когнитивного дефицита и улучшению положительного прогноза реабилитации [56]. Е.С. Деревнина, Д.Г. Персашвили, Ю.Г. Шварц (2012), исследуя когнитивные расстройства пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями, приходят к выводу, что признаками когнитивного здоровья человека являются такие показатели, как реалистичность восприятия жизни, здравомыслие, способность к проблемной концентрации, адекватность самооценки, прогностическая компетентность [57]. А.Н. Боголепова (2013) делает вывод, что восстановление в процессе реабилитации высших психических функций, зависящее от тяжести инсульта, оказывает определенное влияние на регресс неврологических нарушений, улучшение степени социальной адаптации и возвращение трудоспособности больного [58]. На основании исследования больных с инсультом в восстановительном периоде Н.Г. Ермакова (2012) выявила такие нерациональные установки, препятствующие лечению, как переоценка тяжести состояния, недооценка собственных возможностей, негативизм [59].

Таким образом, проведенный анализ применения биопсихосоциальной модели реабилитации пациентов с цереброваскулярными заболеваниями в зарубежной и отечественной практике показывает отсутствие единого представления о мишенях реабилитационной работы на разных стадиях восстановления, ограниченный учет обширного медико-психологического контекста, различный комплекс этиопатогенетических факторов при разработке реабилитационных мероприятий. Несмотря на широкую проработанность темы, существующие исследования и реабилитационные мероприятия базируются в основном на отдельных психологических детерминантах, а в диагностике и реабилитации превалирует использование аппаратных методов, которые зачастую не соответствуют критерию включенности в исследовательский комплекс. Однако во всех работах происходит концептуализация биопсихосоциальной модели путем добавления наиболее значимых, по мнению исследователей, психологических и социальных факторов к более традиционной, линейно рассматриваемой биомедицинской модели. Такое применение биопсихосоциальной модели прослеживается с точки зрения диагностики и интервенционных мероприятий, что позволяет говорить о комплексном, системном взгляде на здоровье и болезнь.

Заключение

Проведенный анализ показывает фрагментарность и отсутствие связанности представлений о реабилитации больных, отсутствие учета комплекса всех этиологических факторов при разработке реабилитационных мероприятий различных возрастных и профессиональных групп пациентов с цереброваскулярными заболеваниями на разных стадиях восстановления. Это объясняется отсутствием интегративных моделей медико-социальной

оценки здоровья, базирующихся на методологии «медицины здоровья», а также отсутствием учета в процессе реабилитации индивидуально-психологических особенностей личности и ее психических процессов, паттернов поведения и взаимодействия со средой.

Многие отечественные и зарубежные исследователи разрабатывают новые методы диагностики функционального состояния отдельных органов, физиологических систем организма и пр., однако количество исследований, комплексно и обобщенно оценивающих здоровье человека, весьма незначительно. Большинство опубликованных работ выполнено на небольших выборках, респондентах определенного возраста или использует ограниченный состав характеристик организма человека, что не позволяет считать их универсальными, комплексными и интегративными. При этом во всех зарубежных исследованиях прослеживается концептуализация биопсихосоциальной модели путем добавления наиболее значимых психологических и социальных факторов к более традиционной, линейно рассматриваемой биомедицинской модели. Подобный подход прослеживается с точки зрения как диагностики, так и интервенционных мероприятий, тем самым обеспечивается более комплексный, системный взгляд на здоровье и болезнь. Расхождение наблюдается при рассмотрении тех факторов, которые наиболее значимы с точки зрения психологического и социального влияния. Психосоциальные переменные предлагают более индивидуалистический и менее механический подход к уходу за пациентами. Биологические механизмы, лежащие в основе здоровья и болезни, могут быть очень похожими у разных людей, но личные переживания, чувства и интеллект, а также наличие или отсутствие социальной поддержки добавляют индивидуальности каждому пациенту. Знание таких индивидуальных факторов может улучшить понимание состояния конкретного пациента и тем самым облегчить вмешательство, которое с большей вероятностью улучшит как самочувствие, так и качество жизни. Необходимо отметить, что, несмотря на подобное приложение модели к нуждам и задачам медицины, акцент делается в большей степени на биологическую основу функционирования человека.

Таким образом, согласно разрабатываемой концептуальной биопсихосоциальной модели реабилитации пациентов с цереброваскулярными заболеваниями, медико-психологическое сопровождение – это инновационная здоровьесберегающая технология, основанная на совокупности психодиагностических и психотерапевтических методов формирования и обучения пациента новому, позитивному жизненному стереотипу, обеспечивающая его успешную социальную интеграцию в общество и улучшение качества жизни в целом.

Литература

1. Холмогорова А.Б., Рычкова О.В. 40 лет биопсихосоциальной модели: что нового? // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8, № 4. С. 8–31. DOI: 10.17759/sps.2017080402.

2. Коцюбинский А.П., Гусева О.В. Интегративная модель психотерапии эндогенных психических расстройств. М. : Litres, 2017. 400 с.
3. Эриксон Э. Детство и общество. М. : Университетская книга, 1996. 193 с.
4. Самбличев А.С. Возможности физической реабилитации и самореабилитации // Научное обозрение. Медицинские науки. 2016. № 4. С. 93–106.
5. Мешерякова Э.И., Гриднева А.А. Адаптационные ресурсы личности в экстремальных условиях профессиональной деятельности (на примере работников пенитенциарной системы) // Психология и психотехника. 2017. № 1 (99). С. 85–95.
6. Головкин С.Г. Модель социальной реабилитации инвалидов // Отечественный журнал социальной работы. 2008. № 3. С. 58–63.
7. Буренина И.А. Методологические основы современной реабилитации (клиническая лекция) // Вестник современной клинической медицины. 2008. Т. 1, вып. 1. С. 88–92.
8. Виленский Б.С., Яхно Н.Н. Ишемический инсульт. СПб. : Фолиант, 2007. 80 с.
9. Хеннерици М.Г., Богуславски Ж., Сакко Р.Л. Инсульт : клиническое руководство : пер с англ. / под общ. ред. В.И. Скворцовой. М. : МЕДпресс-информ, 2008. 224 с.
10. Спирин Н.Н., Корнеева Н.Н. Данные госпитального регистра инсульта в Костроме // Фундаментальные исследования. 2012. № 4 (1). С. 123–128.
11. Стаховская Л.В., Ключихина О.А., Богатырева М.Д., Коваленко В.В. Эпидемиология инсульта в России по результатам территориально-популяционного регистра (2009–2010) // Журнал неврологии и психиатрии. 2013. № 5. С. 4–10.
12. Головкин С.Г. Проблема дискриминации инвалидов в современном обществе // Омский научный вестник. 2008. С. 82–84.
13. Лифинцев Д.В., Анцута А.Н. Социальная реабилитация в контексте биопсихосоциальной модели здоровья // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4, Педагогика. Психология. 2013. Вып. 4 (31). С. 50–60.
14. Лифинцев Д.В., Серых А.Б., Анцута А.Н. Социальная поддержка: сопоставительный анализ политико-правового и социально-психологического подходов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4, Педагогика. Психология. 2016. Вып. 2 (41). С. 7–13.
15. Виленский Б.С. Осложнения инсульта: профилактика и лечение. СПб. : Фолиант, 2000. 128 с.
16. Путилина М.В. Современные представления о ноотропных препаратах // Лечащий врач. 2006. № 5. С. 9–14.
17. Durukan A., Tatlisumak T. Acute ischemic stroke: Overview of major experimental rodent models, pathophysiology, and therapy of focal cerebral ischemia // Pharmacology Biochemistry and Behavior. 2007. V. 87, is. 1. P. 179–197. DOI: 10.1016/j.pbb.2007.04.015.
18. Warlow C.P. Epidemiology of stroke // Lancet. 1998. V. 352. DOI: 10.1016/S0140-6736(98)90086-1.
19. Wade D.T., Halligan P.W. Do biomedical models of illness make for good healthcare systems? // BMJ. 2004. V. 329 (7479). P. 1398–1401. DOI: 10.1136/bmj.329.7479.1398.
20. Johnson B.T., Acabchuk R.L. What are the keys to a longer, happier life? Answers from five decades of health psychology research // Social Science & Medicine. 2018. V. 196. P. 218–226. DOI: 10.1016/j.socscimed.2017.11.001.
21. Antonovsky A. The structure and properties of the sense of coherence scale // Social Science & Medicine. 1993. V. 36 (6). P. 725–733.
22. Egger G.J., Binns A.F., Rossner S.R. The emergence of “lifestyle medicine” as a structured approach for management of chronic disease // The Medical Journal of Australia. 2009. V. 190 (3). P. 143–145. DOI: 10.5694/j.1326-5377.2009.tb02317.x.
23. Ormstad H., Eilertsen G. A biopsychosocial model of fatigue and depression following stroke // Medical Hypotheses. 2015. V. 85. P. 35–84. DOI: 10.1016/j.mehy.2015.10.001.
24. Griffin B., Loh V., Hesketh B. A mental model of factors associated with subjective life expectancy // Social Science & Medicine. 2013. V. 82. P. 79–86. DOI: 10.1016/j.socscimed.2013.01.026.

25. Rossini P.M., Calautti C., Pauri F., Baron J.C. Post-stroke plastic reorganisation in the adult brain // *Neurology*. 2003. № 2. P. 493–502.
26. Sampaio-Baptista C., Sanders Z.B., Johansen-Berg H. Structural Plasticity in Adulthood with Motor Learning and Stroke Rehabilitation // *Annual Review of Neuroscience*. 2018. V. 41. P. 25–40. DOI: 10.1146/annurev-neuro-080317-062015.
27. O'Dell M.W., Lin C.D., Harrison V. Stroke Rehabilitation: Strategies to Enhance Motor Recovery // *Annual Review of Medicine*. 2009. V. 60. P. 55–68. DOI: 10.1146/an-nurev.med.60.042707.104248.
28. Kagawa-Singer M., Dressler W.W., George S.M., Elwood W.N. The Cultural Framework for Health: an Integrative Approach for Research and Program Design and Evaluation. [S.l.], 2014. 319 p.
29. Napier A.D., Ancarno C., Butler B., Calabrese J., Chater A., Chatterjee H. et al. Culture and health // *The Lancet Commissions*. 2014. V. 384. P. 1607–1639. DOI: 10.1016/S0140-6736(14)61603-2.
30. Maercker X.C., Zhang Z., Gao Y., Kochetkov S., Lu Z., Sang Z., Yang S., Schneider S., Margraf J. Personal value orientations as mediated predictors of mental health: A three-culture study of Chinese, Russian, and German university students // *International Journal of Clinical and Health Psychology*. 2015. V. 15. P. 8–17. DOI: 10.1016/j.ijchp.2014.06.001.
31. Mackenbach J.P. Cultural values and population health: a quantitative analysis of variations in cultural values, health behaviours and health outcomes among 42 European countries // *Health & Place*. 2014. V. 28. P. 116–132. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2014.04.004>.
32. Präg P., Mills M., Wittek R. Income and Income Inequality as Social Determinants of Health. Do Social comparisons play a role? // *Eur Sociol Rev*. 2014. № 30 (2). P. 218–229. DOI: 10.1093/esr/jct035.
33. England T.J., Gibson C.L., Bath P.M.W. Granulocyte-colony Stimulating Factor in Experimental Stroke and Its Effects on Infarct Size and Functional Outcome: a Systematic Review // *Brain Research Reviews*. 2009. № 62. P. 71–82. DOI: 10.1016/j.brainresrev.2009.09.002.
34. Gresham G.E., Alexander D., Bishop D.S., Giuliani C., Goldberg G., Holland A., Kelly-Hayes M., Linn R.T., Roth E.J., Stason W.B., Trombly C.A. Rehabilitation // *Physical Medicine and Rehabilitation*. 1997. № 28. P. 1522–1526. DOI: 10.1161/01.STR.28.7.1522.
35. Gillham S., Clark L. Psychological Care After Stroke: Improving Stroke Services for People with Cognitive and Mood Disorders // *NHS Improvement – Stroke*. 2011. 28 p. URL: <https://www.england.nhs.uk/improvement-hub/publication/psychological-care-after-stroke-improving-stroke-services-for-people-with-cognitive-and-mood-disorders/>
36. Silver F.L., Mackey A., Clark W.M. et al. Safety of Stenting and Endarterectomy by Symptomatic Status in the Carotid Revascularization Endarterectomy Versus Stenting Trial (CREST) // *Stroke*. 2011. № 42. P. 675–680. DOI: 10.1161/STROKEAHA.110.610212.
37. Никифоров Г.С. Здоровье как системное понятие // *Психология здоровья* / под ред. Г.С. Никифорова. М., 2000. 607 с.
38. Бочавер А., Стулак Р. XXIV Европейская конференция по психологии здоровья «Здоровье в контексте» // *Психологический журнал*. 2011. Т. 32, № 2. С. 116–124.
39. Иванова С.С., Стафеева А.В. Содержательные аспекты физического, психического и социального здоровья и возможности формирования их гармоничного соотношения // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 11 (12). С. 2729–2733.
40. Судьин С.А. Гендерный аспект социологии медицины и здоровья // *Женщина в российском обществе*. 2012. № 4. С. 24–31.
41. Кузнецов М.А., Зотова Л.Н. Психологические механизмы и детерминанты поддержания здоровья человека // *Вісник Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди. Психологія*. 2016. № 53. P. 165–188. DOI: <http://doi.org/10.5281/zenodo.44721>.

42. Алёшичева А.В., Самойлов Н.Г. Влияние специфики и экстремальности спортивной деятельности на психологическое здоровье спортсменов // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Педагогика и психология. 2016. № 4. С. 6–14.
43. Здоровье населения региона и приоритеты здравоохранения / под ред. О.П. Щепин, В.А. Медика. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2010. 384 с.
44. Ельников О.Е. Субъективная оценка здоровья как основа типов отношения к болезни // Научное мнение. 2016. № 10. С. 158–161.
45. Водопьянова Н.Е. Дисфункции ценностно-смысловой регуляции личности как риск психического выгорания и профессионального здоровья // Здоровая личность / под ред. Г.С. Никифорова. СПб. : Речь, 2013. С. 296–312.
46. Киреева Н.Н., Анисимов А.И. Взаимосвязь ресурсов духовного здоровья и состояния индивидуального здоровья студентов // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2015. Т. 10, № 1. С. 220–221.
47. Краснова-Гольева В.В., Гольев М.А. Виртуальная реальность в реабилитации после инсульта // Современная зарубежная психология : электрон. журн. 2015. Т. 4, № 4. С. 39–44. DOI: 10.17759/jmfp.2015040406.
48. Лядов К.В., Макарова М.Р., Беганова Т.В., Афанасьева Е.Ю. Программы медицинской реабилитации больных перенесших острое нарушение мозгового кровообращения // Вестник восстановительной медицины. 2012. № 1 (47). С. 37–39.
49. Бойко Е.А., Кулишовой Т.В., Шумахер Г.И., Сидоровой Т.И., Юсупходжаев Р.В. Применение когнитивной гимнастики у больных после ишемического инсульта на санаторном этапе реабилитации // Бюллетень сибирской медицины. 2008. № 5. С. 62–67.
50. Петрушевичен Д.П., Кришчюнас А.Й., Савицкас Р.Ю. Факторы, влияющие на эффективность эрготерапии на раннем этапе реабилитации больных с церебральным инсультом // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Приложение: Инсульт. 2007. Вып. 21. С. 65–70.
51. Ковальчук В.В., Скоромец А.А., Высоцкая М.Л., Мелихова Е.В. Значение психотерапии в реабилитации больных, перенесших инсульт // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2007. № 4. С. 21–24.
52. Черникова Л.А. Новые технологии в реабилитации больных, перенесших инсульт // Нервные болезни. 2005. № 2. С. 32–35.
53. Ковальчук В.В., Скоромец А.А. Медикаментозная реабилитация пациентов после инсульта // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2007. Т. 107, № 2. С. 21–24.
54. Шахпаронова Н. В., Кадыков А.С., Кашина Е.М. Реабилитация больных, перенесших инсульт. Восстановление двигательных, речевых, когнитивных функций // Трудный пациент. 2012. Т. 10, № 11. С. 22–26.
55. Лазарева О.А., Белопасов В.В. Эффективность санаторной реабилитации постинсультных больных в зависимости от психологического статуса // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2009. № 4. С. 21–24.
56. Левин О.С., Дударова М.А., Усольцева Н.И. Диагностика и лечение постинсультных когнитивных нарушений // Consilium medicum. 2010. Т. 12, № 2. С. 5–12.
57. Деревнина Е.С., Персашвили Д.Г., Шварц Ю.Г. Когнитивные расстройства у пациентов с сердечно сосудистыми заболеваниями // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. 281–286.
58. Гусев Е.И., Боголепова А.Н. Когнитивные нарушения при cerebrovasкулярных заболеваниях. М., 2013. 176 с.
59. Ермакова Н.Г. Психологическая коррекция в реабилитации больных с выраженными двигательными и когнитивными нарушениями после инсульта // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 128. С. 83–92.

*Поступила в редакцию 04.10.2018 г.;
повторно 10.12.2018 г.; принята 12.02.2019 г.*

Козлова Наталия Викторовна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой генетической и клинической психологии Томского государственного университета.

E-mail: den@psy.tsu.ru

Мещерякова Эмма Ивановна – доктор психологических наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета.

E-mail: mei22@mail.ru

Левицкая Татьяна Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета.

E-mail: levic69@mail.ru

Обуховская Виктория Борисовна – аспирант кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета; эксперт центра бережливых технологий в здравоохранении Сибирского государственного медицинского университета Минздрава России; ассистент кафедры фундаментальной психологии и поведенческой медицины Сибирского государственного медицинского университета Минздрава России; младший научный сотрудник «Лаборатории здоровья» Томского государственного университета.

E-mail: diada1991@gmail.com

Назметдинова Дилара Гамзатовна – аспирант, старший преподаватель кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета.

E-mail: Dilara86@bk.ru

Зайцев Алексей Александрович – кандидат медицинских наук, директор Филиала «Томский научно-исследовательский институт курортологии и физиотерапии ФГБУ СибФНКЦ ФМБА России».

E-mail: Alzay2010@yandex.ru

Цехмейструк Екатерина Александровна – аспирант, старший преподаватель кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета.

E-mail: mea2887@mail.ru

For citation: Kozlova N.V., Meshheryakova E.H.I., Levitskaya T.E., Obukhovskaya V.B., Nazmetdinova D.G., Zajtsev A.A., TSekhmejstruk E.A. Biopsychosocial Model of Rehabilitation of Patients with Cerebrovascular Diseases in Russian and Foreign Practice. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2019; 71:159-179. doi: 10.17223/17267080/71/9. In Russian. English Summary

Biopsychosocial Model of Rehabilitation of Patients with Cerebrovascular Diseases in Russian and Foreign Practice

**Natalia V. Kozlova^a, Emma I. Meshheryakova^a, Tatyana E. Levitskaya^a,
Viktoria B. Obukhovskaya^a, Dilara G. Nazmetdinova^a, Alexej A. Zajtsev,
Ekaterina A. TSekhmejstruk^a**

^a Tomsk State University, 36, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

^b Siberian State Medical University, 2, Moscovski Trakt, Tomsk, 634050 Russian Federation.

^c Federal State Budgetary Institution "Siberian Federal Scientific Clinical Center of Federal Medicobio-logical Agency", 636035, 4, Mira Str., Seversk, Russian Federation

Abstract

According to the “Biopsychosocial Rehabilitation Model”, which name is derived from the biopsychosocial model by J. Engel, the rehabilitation process involves placing emphasis on the restoration of the factors causing both the origin and the development of a disease, as

well as identifying secondary disorders as the disease progresses. In the biopsychosocial model the responsibility for recovery rests in whole or partly on the sick people themselves.

Currently, the analysis in foreign practice shows the lack of common understanding of the biopsychosocial model use for the rehabilitation of patients with cerebrovascular diseases at different stages of recovery. A varied set of etiological factors is taken into account when developing rehabilitation measures. In all the works, the concept of this model takes place by adding the most significant (from the viewpoint of researches) psychological and social factors to the more traditional, linearly considered biomedical model.

Analyzing the use of the biopsychosocial model in Russian practice, we can speak of a limited account of the vast medical and psychological context. Despite the extensive elaboration of the topic, existing research and rehabilitation measures are based mainly on individual psychological determinants, and the use of hardware methods that often do not meet the criterion of involvement in the research complex prevails in diagnostics and rehabilitation.

Thus, according to the developed conceptual biopsychosocial model for the rehabilitation of patients with cerebrovascular diseases, medical and psychological support is an innovative health-saving technology based on a set of psychodiagnostic and psychotherapeutic methods of forming and teaching a patient a new, positive life stereotype, a technology that ensures his successful social integration, and his social integration and improving the quality of life in general.

Keywords: biopsychosocial model; rehabilitation; self-rehabilitation; cerebrovascular diseases; health mechanisms; focus on health; health; mental health; quality of life.

References

1. Kholmogorova, A.B. & Rychkova, O.V. (2017) 40 years of Bio-Psycho-Social model: what's new? *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*. 8(4). pp. 8–31. (In Russian). DOI: 10.17759/sps.2017080402
2. Kotsyubinsky, A.P. & Guseva, O.V. (2017) *Integrativnaya model' psikhoterapii endogennykh psikhicheskikh rasstroystv* [Integrative psychotherapy model of endogenous mental disorders]. Moscow: Litres.
3. Erikson, E. (1996) *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and Society]. Translated from English by A. Alekseev. Moscow: Universitetskaya kniga; Lenato; AST.
4. Samylichev, A.S. (2016) *Vozmozhnosti fizicheskoy reabilitatsii i samoreabilitatsii* [Opportunities for physical rehabilitation and self-rehabilitation]. *Nauchnoe obozrenie. Meditsinskie nauki*. 4. pp. 93–106.
5. Meshcheryakova, E.I. & Gridneva, A.A. (2017) *Adaptatsionnye resursy lichnosti v ekstremal'nykh usloviyakh professional'noy deyatel'nosti* (na primere rabotnikov penitentsiarnoy sistemy) [Individual adaptive resources in the extreme conditions of professional activity (a case study of penitentiary system employees)]. *Psikhologiya i psikhotehnika – Psychology and Psychotechnics*. 1(99). pp. 85–95.
6. Golovko, S.G. (2008) *Model' sotsial'noy reabilitatsii invalidov* [Model of social rehabilitation of disabled people]. *Otechestvennyy zhurnal sotsial'noy raboty*. 3. pp. 58–63.
7. Burenina, I.A. (2008) *Methodological basis of contemporary rehabilitation* (clinical lecture). *Vestnik sovremennoy klinicheskoy meditsiny – The Bulletin of Contemporary Clinical Medicine*. 1(1). pp. 88–92. (In Russian).
8. Vilensky, B.S. & Yakhno, N.N. (2007) *Ishemicheskii insult* [Ischemic stroke]. St. Petersburg: Foliant.
9. Hennerici, M.G., Boguslavski, Zh. & Sakko, R.L. (2008) *Insult: klinicheskoe rukovodstvo* [Stroke: a clinical guide]. Translated from English. Moscow: MEDpress-inform.
10. Spirin, N.N. & Korneeva, N.N. (2012) *Data from Kostroma's hospital's stroke registry. Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental research*. 4(1). pp. 123–128. (In Russian).

11. Stakhovskaya, L.V., Klyuchikhina, O.A., Bogatyreva, M.D. & Kovalenko, V.V. (2013) Epidemiology of stroke in the Russian Federation: results of territory's population registry (2009-2010). *Zhurnal nevrologii i psikiatrii – S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*. 5. pp. 4–10. (In Russian).
12. Golovko, S.G. (2008) Problema diskriminatsii invalidov v sovremennoy obshchestve [The problem of discrimination of persons with disabilities in modern society]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 5(72). pp. 82–84.
13. Lifintsev, D.V. & Antsuta, A.N. (2013) Social rehabilitation within the context of biopsychosocial model of health care. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 4. Pedagogika. Psikhologiya – St. Tikhon's University Review. Pedagogy. Psychology*. 4(31). pp. 50–60. (In Russian).
14. Lifintsev, D.V., Serykh, A.B. & Antsuta, A.N. (2016) Social Support: Comparative Analysis of Legal and Socio-Psychological approaches. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 4. Pedagogika. Psikhologiya – St. Tikhon's University Review. Pedagogy. Psychology*. 2(41). pp. 7–13. (In Russian). DOI: 10.15382/sturIV201641.7-14
15. Vilensky, B.S. (2000) *Oslozhneniya insul'ta: profilaktika i lechenie* [Complications of stroke: prevention and treatment]. St. Petersburg: Foliant.
16. Putilina, M.V. (2000) Sovremennyye predstavleniya o nootropnykh preparatakh [Modern ideas about nootropic preparations]. *Lechashchiy vrach*. 5. pp. 9–14.
17. Durukan, A. & Tatlisumak, T. (2007) Acute ischemic stroke: Overview of major experimental rodent models, pathophysiology, and therapy of focal cerebral ischemia. *Pharmacology Biochemistry and Behavior*. 87(1). pp. 179–197. DOI: 10.1016/j.pbb.2007.04.015
18. Warlow, C.P. (1998) Epidemiology of stroke. *Lancet*. 352. DOI: 10.1016/S0140-6736(98)90086-1
19. Wade, D.T. & Halligan, P.W. (2004) Do biomedical models of illness make for good healthcare systems? *BMJ*. 329 (7479). pp. 1398–1401. DOI: 10.1136/bmj.329.7479.1398
20. Johnson, B.T. & Acabchuk, R.L. (2018) What are the keys to a longer, happier life? Answers from five decades of health psychology research. *Social Science & Medicine*. 196. pp. 218–226. DOI: 10.1016/j.socscimed.2017.11.001
21. Antonovsky, A. (1993) The structure and properties of the sense of coherence scale. *Social Science & Medicine*. 36(6). pp. 725–733.
22. Egger, G.J., Binns, A.F. & Rossner, S.R. (2009) The emergence of “lifestyle medicine” as a structured approach for management of chronic disease. *The Medical Journal of Australia*. 190(3). pp. 143–145. DOI: 10.5694/j.1326-5377.2009.tb02317.x
23. Ormstad, H. & Eilertsen, G. (2015) A biopsychosocial model of fatigue and depression following stroke. *Medical Hypotheses*. 85. pp. 35–841. DOI: 10.1016/j.mehy.2015.10.001
24. Griffin, B., Loh, V. & Hesketh, B. (2013) A mental model of factors associated with subjective life expectancy. *Social Science & Medicine*. 82. pp. 79–86. DOI: 10.1016/j.socscimed.2013.01.026
25. Rossini, P.M., Calautti, C., Pauri, F. & Baron, J.C. (2003) Post-stroke plastic reorganisation in the adult brain. *Neurology*. 2. pp. 493–502. DOI: 10.1016/S1474-4422(03)00485-X
26. Sampaio-Baptista, C., Sanders, Z.B. & Johansen-Berg, H. (2018) Structural Plasticity in Adulthood with Motor Learning and Stroke Rehabilitation. *Annual Review of Neuroscience*. 41. pp. 25–40. DOI: 10.1146/annurev-neuro-080317-062015
27. O'Dell, M.W., Lin, C.D. & Harrison, V. (2009) Stroke Rehabilitation: Strategies to Enhance Motor Recovery. *Annual Review of Medicine*. 60. pp. 55–68. DOI: 10.1146/annurev.med.60.042707.104248
28. Kagawa-Singer, M., Dressler, W.W., George, S.M. & Elwood, W.N. (2014) *The Cultural Framework for Health: an Integrative Approach for Research and Program Design and Evaluation*. [s.l., s.n.].

29. Napier, A.D., Ancarno, C., Butler, B., Calabrese, J., Chater, A., Chatterjee, H. et al. (2014) Culture and health. *The Lancet Commissions*. 384. pp. 1607–1639. DOI: 10.1016/S0140-6736(14)61603-2
30. Maercker, X.C., Zhang, Z., Gao, Y., Kochetkov, S., Lu, Z., Sang, Z., Yang, S., Schneider, S. & Margraf, J. (2015) Personal value orientations as mediated predictors of mental health: A three-culture study of Chinese, Russian, and German university students. *International Journal of Clinical and Health Psychology*. 15. pp. 8–17. DOI: 10.1016/j.ijchp.2014.06.001
31. Mackenbach, J.P. (2014) Cultural values and population health: a quantitative analysis of variations in cultural values, health behaviours and health outcomes among 42 European countries. *Health & Place*. 28. pp. 116–132. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2014.04.004>
32. Präg, P., Mills, M. & Wittek, R. (2014) Income and Income Inequality as Social Determinants of Health. Do Social comparisons play a role? *European Sociological Review*. 30(2). pp. 218–229. DOI: 10.1093/esr/jct035
33. England, T.J., Gibson, C.L. & Bath, P.M.W. (2009) Granulocyte-colony Stimulating Factor in Experimental Stroke and Its Effects on Infarct Size and Functional Outcome: a Systematic Review. *Brain Research Reviews*. 62. pp. 71–82. DOI: 10.1016/j.brainresrev.2009.09.002
34. Gresham, G.E., Alexander, D., Bishop, D.S., Giuliani, C., Goldberg, G., Holland, A., Kelly-Hayes, M., Linn, R.T., Roth, E.J., Stason, W.B. & Trombly, C.A. (1997) Rehabilitation. *Physical Medicine and Rehabilitation*. 28. pp. 1522–1526. DOI: 10.1161/01.STR.28.7.1522
35. Gillham, S. & Clark, L. (2011) *Psychological Care After Stroke: Improving Stroke Services for People with Cognitive and Mood Disorders*. [Online] Available from: <https://www.england.nhs.uk/improvement-hub/publication/psychological-care-after-stroke-improving-stroke-services-for-people-with-cognitive-and-mood-disorders/>.
36. Silver, F.L., Mackey, A., Clark, W.M. et al. (2011) Safety of Stenting and Endarterectomy by Symptomatic Status in the Carotid Revascularization Endarterectomy Versus Stenting Trial (CREST). *Stroke*. 42. pp. 675–680. DOI: 10.1161/STROKEAHA.110.610212
37. Nikiforov, G.S. (2000) Zdorov'e kak sistemnoe ponyatie [Health as a system concept]. In: Nikiforov, G.S. (ed.) *Psikhologiya zdorov'ya* [Health Psychology]. Moscow: [s.n.].
38. Bochaver, A. & Stupak, R. (2011) XXIV Evropeyskaya konferentsiya po psikhologii zdorov'ya “Zdorov'e v kontekste” [XXIV European Conference on Health Psychology “Health in Context”]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 32(2). pp. 116–124
39. Ivanova, S.S. & Stafeeva, A.V. (2014) Substantial aspects of physical, mental and social health and the possibility of the formation of their harmonious correlation. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 11(12). pp. 2729–2733. (In Russian).
40. Sudin, S.A. (2012) Gender aspect in the sociology of medicine and health. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*. 4. pp. 24–31. (In Russian).
41. Kuznetsov, M.A. & Zotova, L.N. (2016) Psikhologicheskie mekhanizmy i determinanty podderzhaniya zdorov'ya cheloveka [Psychological mechanisms and determinants of maintaining human health]. *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo pedagogichnogo universitetu imeni G.S. Skovorodi. Psikhologiya*. 53. pp. 165–188. DOI: 10.5281/zenodo.44721
42. Aleshicheva, A.V. & Samoylov, N.G. (2016) The influence of the specific nature and extreme sports activities on psychological health of athletes. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pedagogika i psikhologiya – Herald of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology*. 4. pp. 6–14. (In Russian).
43. Shchepin, O.P. & Medik, V.A. (2010) *Zdorov'e naseleniya regiona i priority zdra-vookhraneniya* [Health of the population of the region and health priorities]. Moscow: GEOTAR-Media.

44. Elnikova, O.E. (2016) Sub"ektivnaya otsenka zdorov'ya kak osnova tipov otnosheniya k bolezni [Subjective health assessment as the basis of types of attitudes towards the disease]. *Nauchnoe mnenie*. 10. pp. 158–161.
45. Vodopyanova, N.E. (2013) Disfunktsii tsennostno-smyslovoy regulyatsii lichnosti kak risk psikhicheskogo vygoraniya i professional'nogo zdorov'ya [Dysfunctions of value-semantic regulation of personality as a risk of mental burnout and occupational health]. In: Nikiforov, G.S. (ed.) *Zdorovaya lichnost'* [Healthy Personality]. St. Petersburg: Rech'. pp. 296–312.
46. Kireeva, N.N. & Anisimov, A.I. (2015) Vzaimosvyaz' resursov dukhovnogo zdorov'ya i sostoya-niya individual'nogo zdorov'ya studentov [Interrelation of resources of spiritual health and the state of individual health of students]. *Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya*. 10(1). pp. 220–221.
47. Krasnova-Golieva, V.V. & Goliev, M.A. (2015) Virtual reality in rehabilitation after stroke. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya – Journal of Modern Foreign Psychology*. 4(4). pp. 39–44. (In Russian). DOI: 10.17759/jmfp.2015040406
48. Lyadov, K.V., Makarova, M.R., Beganova, T.V. & Afanasieva, E.Yu. (2012) Programmy meditsinskoj reabilitatsii bol'nykh perenesshikh ostroe narushenie mozgovogo krovoobrashcheniya [Medical rehabilitation programs for patients with acute cerebrovascular disease]. *Vestnik vosstanovitel'noy meditsiny – Journal of Restorative Medicine and Rehabilitation*. 1(47). pp. 37–39.
49. Boyko, E.A., Kulishova, T.V., Shumakher, G.I., Sidorova, T.I. & Yusupkhodzhaev, R.V. (2008) Primenenie kognitivnoy gimnastiki u bol'nykh posle ishemicheskogo insulta na sanatornom etape reabilitatsii [Cognitive gymnastics in patients after ischemic stroke at the sanatorium rehabilitation stage]. *Byulleten' sibirskoy meditsiny – Bulletin of Siberian Medicine*. 5. pp. 62–67.
50. Petrushevichene, D.P., Krishchyunas, A.Y. & Savitskas, R.Yu. (2007) Faktory, vliyayushchie na effektivnost' ergoterapii na rannem etape reabilitatsii bol'nykh s tserebral'nym insultom [Factors affecting the effectiveness of occupational therapy in the early stage of rehabilitation of patients with cerebral stroke]. *Zhurnal neurologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova. Prilozhenie: Insul't – S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*. 21. pp. 65–70.
51. Kovalchuk, V.V., Skoromets, A.A., Vysotskaya, M.L. & Melikhova, E.V. (2007) Znachenie psikhoterapii v reabilitatsii bol'nykh, perenesshikh insult [The value of psychotherapy in the rehabilitation of stroke patients]. *Mediko-sotsial'naya ekspertiza i reabilitatsiya*. 4. pp. 21–24.
52. Chernikova, L.A. (2005) Novye tekhnologii v reabilitatsii bol'nykh, perenesshikh insult [New technologies in the rehabilitation of stroke patients]. *Nervnye bolezni*. 2. pp. 32–35.
53. Kovalchuk, V.V. & Skoromets, A.A. (2007) Medikamentoznaya reabilitatsiya patsientov posle insulta [Drug rehabilitation of patients after a stroke]. *Zhurnal neurologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova. Prilozhenie: Insul't – S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*. 107(2). pp. 21–24.
54. Shakhparonova, N.V., Kadykov, A.S. & Kashina, E.M. (2012) Reabilitatsiya bol'nykh, perenesshikh insult. Vosstanovlenie dvigatel'nykh, rechevykh, kognitivnykh funktsiy [Rehabilitation of stroke patients. Restoration of motor, speech, cognitive functions]. *Trudnyy patsient*. 10(11). pp. 22–26.
55. Lazareva, O.A. & Belopasov, V.V. (2009) Effektivnost' sanatornoy reabilitatsii postinsul'tnykh bol'nykh v zavisimosti ot psikhologicheskogo statusa [Efficiency of sanatorium rehabilitation of post-hilarious patients depending on their psychological status]. *Mediko-sotsial'naya ekspertiza i reabilitatsiya*. 4. pp. 21–24.
56. Levin, O.S., Dudarova, M.A. & Usoltseva, N.I. (2010) Diagnostika i lechenie postinsul'tnykh kongitivnykh narusheniy [Diagnosis and treatment of post-stroke congenital disorders]. *Consilium medicum*. 12(2). pp. 5–12.

57. Derevnina, E.S., Persashvili, D.G. & Shvarts, Yu.G. (2012) Cognitive disorders in patients with cardiovascular diseases. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 5. pp. 281–286. (In Russian).
58. Gusev, E.I. & Bogolepova, A.N. (2013) *Kognitivnye narusheniya pri tserebrovaskulyarnykh zabolevaniyakh* [Cognitive impairment in cerebrovascular diseases]. Moscow: MEDpressinform.
59. Ermakova, N.G. (2012) Psikhologicheskaya korrektsiya v reabilitatsii bol'nykh s vyrazhennymi dvigatel'nyimi i kognitivnymi narusheniyami posle insul'ta [Psychological correction in the rehabilitation of patients with severe motor and cognitive impairment after a stroke]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 128. pp. 83–92.

Received 04.10.2018; Revised 10.12.2018;

Accepted 12.02.2019

Natalia V. Kozlova – head of the Department of Genetic and Clinical Psychology, Tomsk State University. D. Sc., Professor.

E-mail: akme_2003@mail.ru

EHmma I. Meshheryakova – professor, Department of Genetic and Clinical Psychology, Tomsk State University. D. Sc., Professor.

E-mail: mei22@mail.ru

Tatyana E. Levitskaya – associate professor, Department of Genetic and Clinical Psychology, Tomsk State University, Cand. Sc.

E-mail: levic69@mail.ru

Viktoriya B. Obuhovskaya – post-graduate student, senior lecturer, Department of Genetic and Clinical Psychology, Tomsk State University, Expert of the Lean Technology Center in Health Care, Assistant of the Department of Fundamental Psychology and Behavioral Medicine.

E-mail: diada1991@gmail.com

Dilara G. Nazmetdinova – post-graduate student, senior lecturer, Department of Genetic and Clinical Psychology, Tomsk State University.

E-mail: Dilara86@bk.ru

Alexej A. Zajtsev – Director, Siberian Federal Scientific Clinical Center of Federal Medico-biological Agency. Cand. Sc.

E-mail: alzay2010@yandex.ru

Ekaterina A. TSekhmejstruk – post-graduate student, senior lecturer, Department of Genetic and Clinical Psychology, Tomsk State University.

E-mail: mea2887@mail.ru

УДК 159.9.07

ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И КОПИНГ-СТРАТЕГИИ У ДЕТЕЙ С ДЕТСКИМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ

И.А. Бакаева^а, Е.Н. Новохатько^а, Е.Г. Шевырева^а

^а Южный федеральный университет, 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Цель работы – выявление особенностей защитного поведения детей и их родителей, поиск связей между механизмами психологических защит и особенностями родительского отношения. Представлены результаты исследования защитных механизмов детей с двигательными нарушениями по сравнению с нормативно развивающимися сверстниками, описана специфика родительских копингов и защит. Показана связь родительского отношения и защитного поведения родителей. Предложены рекомендации по психологической помощи семьям.

Ключевые слова: защитные механизмы; копинг-стратегии; детский церебральный паралич; компенсаторные механизмы; адаптация; психокоррекция; родительское отношение.

Введение

В современном обществе проблема инвалидности стоит чрезвычайно остро, при этом выглядит недостаточно изученной, особенно в клинико-психологическом аспекте. Актуальность исследования защитных механизмов и копинг-стратегий у детей с ограниченными возможностями здоровья и их родителей в настоящее время определяется прямой связью между инвалидизацией ребенка и его становлением как личности, при этом основная роль в формировании личности ребенка принадлежит семье.

Присутствие физического дефекта оказывает влияние на развитие и становление личности ребенка, а также на развитие системы отношений ребенка с окружающими. Часто отрицательное влияние оказывает не только сама болезнь, но и болезненное реагирование окружающих, в особенности родителей. Об этом писал В.Н. Мясищев, выделяя «важность эмоционального благополучия, его первостепенность в социально-личностном становлении ребенка, поскольку неумение найти продуктивный выход из переживаний влечет за собой психическую и физиологическую дезорганизацию личности»[1. С. 144].

Отечественные и зарубежные исследователи особенностей семей и детей с ограниченными возможностями здоровья указывают, что у таких детей встречаются «снижение уровня социально-психологической адаптации, низкий уровень фрустрационной толерантности, дисгармоничная

структура личности» (В.В. Ковалев, Э.С. Калижнюк, М.В. Ипполитова, Р.Д. Бабенкова, Е.М. Мاستюкова, И.И. Мамайчук, Г.В. Пятакова, И.Ю. Левченко, Л.М. Шипицына, И.И. Мамайчук, Е.М. Мастюкова, Н.Р. Финни, Z.I. Storozheva, A.T. Proshin) [2. С. 44].

В процессе формирования эмоционально-волевой сферы ребенка большую роль играет семейное воспитание. Многие ученые описывают позитивные и негативные последствия различных стилей и типов воспитания, которые связаны с родительскими установками, собственными личностными особенностями родителей и их поведением (А.Я. Варга, А.Е. Личко, Е.А. Chereneva, М.А. Putnam, L.A. Tiersky, B.D. Freer, М.А. Pievsky); наиболее негативное влияние на формирование личности ребенка оказывают эмоциональное отвержение и эмоциональный симбиоз [3–6]. Ребенок, имеющий двигательные дефекты, зачастую взаимодействует с узким кругом людей, чаще всего внутри своей семьи. Семейное воспитание оказывает большое влияние на развитие защитных механизмов ребенка с двигательными нарушениями. Исследования по указанной проблематике в контексте нормативного развития представлены работами таких авторов, как Е.В. Чумакова, Т.В. Тулупьева, Ю.В. Чиркова, И.М. Никольская, Р.М. Грановская [7, 8].

«Психологическая защита является нормальным, повседневно работающим механизмом человеческого сознания» [9. С. 64]. Ф.В. Бассин отмечает особое значение защиты для снятия разного рода психологических напряжений. По мнению автора, «защита предотвращает дезорганизацию поведения человека, которая наступает как при столкновении сознательно и бессознательно, так и в случае противоборства между вполне осознаваемыми установками» [Там же].

Исследователи В.К. Мягер, Б.В. Зейгарник, Е.Т. Соколова, Р.М. Грановская, J. Quitmann, A. Rohenkohl различают патологическую психологическую защиту и неадекватные формы адаптации, присутствующие в повседневной жизни [8, 10].

Р.М. Грановская определяет защитные механизмы как «систему, которая защищает сознание от информации, нарушающей внутренний баланс человека на основе существующей картины мира» [8. С. 137].

Функционирование защитных механизмов взаимосвязано с формированием определенных черт характера, а то и акцентуаций. Определенный защитный механизм как средство искажения реальности может быть свидетельством личностных нарушений. Эта взаимосвязь наиболее полно обоснована в теоретических исследованиях Г. Келлермана и Р. Плучика, которые предлагают определенную сеть взаимосвязей различных уровней: эмоции, защиту и расположение (наследственная предрасположенность к психическим заболеваниям). Агрессивный человек, главной эмоцией которого является гнев (раздражение), пользуется защитой замещения, что позволяет ему направить реакцию агрессии на более безопасный объект. У внушаемой и некритичной истерической личности преобладающим типом защиты является отрицание. Для пассивного личного типа (робкий,

зависимый) характерна защита от страха (наиболее специфическая эмоция) посредством подавления и вытеснения.

Идеи иерархичности защитных механизмов присутствуют в концепциях многих авторов. Также исследователи классифицируют и выделяют в группы различные линии защиты, устанавливая связь между чертами личности и акцентуациями характера.

Е.В. Куфтяк указывает, что при становлении защитных механизмов детей с аномалиями развития проблемы эмоционально-волевой сферы не способствуют развитию высоких уровней психологических защит. Они становятся примитивными, что, в свою очередь, может усугубить дизонтогенез [11. С. 31–32]. При этом в исследовании А.А. Хитевой указывается, что у детей с двигательными нарушениями беспокойство чаще вызывает страх остаться одним, потерять любовь родителей, высокую потребность в оценке и общении. При этом у родителей данной категории также проявляется склонность к симбиотическим отношениям [12. С. 423].

Г.В. Пятакова, И.И. Мамайчук, В.В. Умнов доказали, что существует связь между тревожными реакциями матери на тяжелую болезнь ребенка и формированием защитного механизма «отрицание» у детей, что влечет за собой снижение адаптационных возможностей ребенка, появление у него поведенческих проблем в процессе адаптации [13. С. 59].

Копинг-стратегии – это «постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие способы преодоления специфических внешних и внутренних требований, которые оцениваются человеком как значительные или превосходящие его возможности» [14]. «Копинг-поведение регулируется с помощью осуществления копинг-стратегий на основе личностных и средовых копинг-ресурсов. Копинг-стратегии рассматриваются как актуальные ответы личности на воспринимаемую опасность», как метод управления стрессором. В психологической науке имеется большое количество подходов к типологии копинг-стратегий [7, 8, 10].

В разных исследованиях по данной проблеме приводится ряд классификаций копинг-стратегий; наиболее популярной является классификация стратегий преодоления Р. Лазаруса. В соавторстве с С. Фолькманом им были предложены два типа стратегий:

- проблемно-ориентированные;
- эмоционально-ориентированные [15].

Авторами указывается на формирование копинг-стратегий в дошкольном возрасте, преобладание неадекватных копингов у дошкольников [16. С. 50].

Кроме того, исследователи стратегий разделяют адаптивные и неадаптивные копинг-стратегии.

Е.С. Крамар указывает на то, что у родителей, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья, стрессы и эмоциональные перегрузки сказываются на защитном поведении и механизмах копинга. Личность родителя влияет на данные процессы, а как следствие, – позитивный прогноз воспитания и атмосферы в семье [17. С. 112].

Социализация и эмоциональное развитие ребенка с двигательными нарушениями обуславливается рядом факторов: определенной социальной депривацией, наличием осознания собственного двигательного дефекта, особенностями обучения и развития. Некоторые эмоции и чувства, которые сопровождают жизнь такого ребенка, могут привести к фрустрации. Ребенок зачастую находится в состоянии хронической фрустрации, что может привести к дезадаптации, а также к патологическому развитию личности. Это предположение позволяет нам сделать вывод, что дети с двигательными нарушениями являются группой риска в отношении негативных воздействий психотравмирующих факторов по сравнению с нормативно развивающимися сверстниками. То есть ученые указывают на пониженную толерантность к фрустрирующим воздействиям.

Сферой нашего научного интереса послужило исследование особенностей защитных механизмов и копинг-стратегий у детей с детским церебральным параличом и их родителей.

Предполагается, что формирование защитных механизмов и копингов у ребенка с двигательными нарушениями идет иным путем, чем у нормативно развивающихся детей. Существуют специфические защитные механизмы и копинг-стратегии у детей с двигательными нарушениями и их родителей, а именно:

- у детей с детским церебральным параличом преобладают более примитивные и однотипные защитные механизмы и копинг-стратегии;
- защитные механизмы и копинг-стратегии у родителей детей с детским церебральным параличом отличаются от защитных механизмов у родителей детей с нормативным развитием: преобладают стратегии, основанные на компенсаторных механизмах;
- защитные механизмы личности и копинг-стратегии у родителей детей с детским церебральным параличом взаимосвязаны с особенностями родительского отношения к ребенку.

Преобладающие копинг-стратегии родителей, имеющих детей с ДЦП, влияют на детско-родительские отношения.

Материалы и методы исследования

Эмпирическое исследование проводилось в АНО «Центр помощи семьям детей с ограниченными возможностями здоровья “Содействие”» г. Ростова-на-Дону, а также в МБУ ДО Кагальницкий ЦТ Азовского района.

Исследовательскую выборку составили 40 учащихся младшего школьного возраста в возрасте 7–12 лет: 20 детей, имеющих диагноз «детский церебральный паралич» (основная группа) и 20 детей с нормативным развитием (контрольная группа), а также их родители.

В эмпирическом исследовании применялся следующий диагностический инструментарий:

- опросник копинг-стратегий для детей школьного возраста (Ryan-Wenger, 1990; Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский, 1992);

– методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (адаптированный вариант методики Н.С. Эндлера, Д.А. Паркера «Coping Inventory for Stressful Situations»);

– опросник родительских отношений Варги–Столина (ОРО) (для родителей);

– тест-опросник Келлермана–Плутчика в адаптации Л.И. Вассермана (1999), направленный на исследование защитных механизмов личности.

Достоверность результатов исследования обеспечена обоснованностью исходных теоретико-методологических позиций, применением комплекса методов и методик, адекватных целям и задачам исследования, репрезентативным объемом выборки, стандартизацией процедуры исследования. Статистическая обработка результатов осуществлялась с помощью критериев оценки значимости различий (U-критерий Манна–Уитни), а также коэффициента корреляции Пирсона.

Процедура исследования

Психодиагностическое исследование проводилось с детьми с ДЦП в индивидуальной форме в присутствии психолога. Методики предъявлялись в письменной форме, но с устными пояснениями экспериментатора.

Опросники для родителей предъявлялись в письменной форме. Родители заполняли их самостоятельно, при необходимости обращались за пояснениями к экспериментатору.

Результаты исследования и их анализ

Анализ результатов исследования проводили в соответствии с выделением двух групп исследуемых: дети с нормативным развитием – контрольная группа; дети с двигательными нарушениями – экспериментальная группа.

У детей младшего школьного возраста с двигательными нарушениями, согласно результатам исследования по методике В.М. Ялтонского и Н.А. Сирота, преобладают такие стратегии, как «Бью, ломаю или швыряю вещи» (75% респондентов), «Смотрю телевизор, слушаю музыку» (75%), «Плачу и грущу» (75%), «Ем или пью» (75%), «Воплю и кричу» (60%).

Стратегии поведения для снятия страха и беспокойства, типичные для детей младшего школьного возраста с нормативным развитием, могут быть такими, как «Обнимаю или прижимаю к себе кого-то близкого, любимую вещь или глажу животное» (70%), «Стараюсь расслабиться, оставаться спокойным» (70%), «Гуляю, бегаю, катаюсь на велосипеде, смотрю телевизор, слушаю музыку» (65%), «Стараюсь забыть» (65%), «Борюсь или дерусь с кем-нибудь» (50%), «Бью, ломаю или швыряю вещи» (50%).

Анализ копинг-стратегий детей младшего школьного возраста позволил увидеть, что у детей контрольной группы в нашем исследовании преобладают стратегии «Отказ», «Оппозиция», «Имитация», «Эмансипация» (по методике И.М. Никольской, Р.М. Грановской).

При этом пассивный протест понимается как элемент более глобальной защитной поведенческой стратегии отдаления, которая состоит в проявлении подсознательных защитных автоматизаций изоляции и отрицания. Под стратегией оппозиции понимается активная реакция ребенка против норм и требований взрослого, выражающаяся в негативном поведении: драках, ломании игрушек и тому подобном, тем самым ребенок стремится привлечь внимание взрослых.

Анализ стратегии оппозиции как более общей стратегии конфронтации позволяет выделить более общие подсознательные реакции – проекцию и замещение. Также может проявляться незрелая форма идентификации – имитация, в которой различают положительную имитацию, когда наблюдается глобальное принятие кого-либо, или отрицательную имитацию как глобальное отрицание чего-либо.

Кроме того, у детей младшего школьного возраста начинает проявляться эмансипация как борьба детей за самоутверждение, самостоятельность, свободу и даже за имущественные права.

Таким образом, мы видим, что дети экспериментальной и контрольной групп имеют сходные копинг-стратегии: «Гуляю, бегаю, катаюсь на велосипеде», «Бью, ломаю или швыряю вещи». Это позволяет нам сделать вывод, что данное поведение связано с возрастом респондентов и является наиболее типичным проявлением социально одобряемого поведения детей и активного протеста (табл. 1).

Таблица 1

Особенности копинг-стратегий детей контрольной и экспериментальной групп

Копинг-стратегии	Экспериментальная группа детей	Контрольная группа детей	U-критерий Манна–Уитни при $\alpha = 0,01$
Представляю себе кого-нибудь	0	65%	19,5
Борюсь или дерусь с кем-нибудь	0	50%	10,5
Бью, ломаю или швыряю вещи		50%	31,5
Обнимаю или прижимаю к себе кого-то близкого, любимую вещь или глажу животное	75%	70%	60
Стараюсь расслабиться, оставаться спокойным	0	70%	60
Гуляю, бегаю, катаюсь на велосипеде	75%	65%	39
Ем или пью	75%	0	39
Плачу и грущу	75%	0	90
Воплю и кричу	60%	0	85

Мы проанализировали также преобладающие стратегии у детей экспериментальной группы («Что ты делаешь в трудной, неприятной ситуации?»). Все описанные нами различия являются достоверными. У учащихся контрольной группы преобладали позитивные имитации («Стараюсь расслабиться, оставаться спокойным»), переноса («Обнимаю или прижимаю к себе

кого-то близкого, любимую вещь или глажу животное»); у учащихся с двигательными проблемами мы видим такие ответы, как «Плачу и грущу», «Воплю и кричу», «Бью, ломаю и швыряю вещи», т.е. преимущественно отрицание, отказ, открытое проявление агрессии. Таким образом, обнаруживаются формы поведения, свойственные в норме раннему и дошкольному возрасту.

«Копинг-стратегия “Обнимаю или прижимаю к себе кого-то близкого, любимую вещь или глажу животное” означает, что детям в трудной ситуации важно ощущать, что те близкие люди или домашние любимцы, к которым дети привязаны, находятся рядом и могут обеспечить детям чувство комфорта, безопасности и поддержки. Стратегия “Стараюсь расслабиться, оставаться спокойным” означает, что дети в негативных ситуациях стремятся не только к физическому расслаблению, но и к ограничению сенсорной информации для психического успокоения. Также для снятия напряжения дети могут использовать развлечения как способ отвлечься от проблем. Как отмечено выше, чаще дети смотрят телевизор или слушают музыку. Бывает так, что веселая музыка может на время отвлечь ребенка от проблемы, снизив остроту восприятия негативной ситуации» [18. С. 5].

Подобная стратегия («Обнимаю или прижимаю к себе кого-то близкого, любимую вещь или глажу животное») имеет также терапевтический эффект. «Детям важен телесный и эмоциональный контакт, благодаря ему они могут ощутить одновременно поддержку и защиту со стороны близких. Благодаря стратегии “Стараюсь расслабиться, оставаться спокойным” дети могут снизить напряжение не только как отмечено выше, в результате уменьшения поступающей информации, но и после каких-либо занятий, которые связаны с физической нагрузкой» [Там же].

Во второй части опросника респондентам предлагалось выделить эффективные стратегии преодоления. Результаты исследования позволяют констатировать, что всем детям трудно ответить на данный вопрос. Так, дети с нормативным развитием часто называют «Обнимаю или прижимаю к себе кого-то близкого, любимую вещь или глажу», «Мечтаю, представляю себе что-нибудь», причем эти же стратегии выбраны и в первой части опросника. Последняя стратегия может быть связана с особенностями воображения детей младшего школьного возраста. При этом мечты и представления сами по себе могут иметь терапевтический эффект. В основе этой стратегии лежит механизм замещения, именно он позволяет снизить тревожность и напряжение у ребенка.

Дети экспериментальной группы выбирают стратегии «Гуляю, бегаю, катаюсь на велосипеде», «Говорю сам с собой». Причем у детей этой группы данные выборы не связаны между собой. Это может быть вызвано особенностями возраста учащихся: так как в младшем школьном возрасте происходит только первичное формирование защитных механизмов и копинг-стратегий, выделить наиболее продуктивные для себя стратегии дети еще не в состоянии. Или не могут вербализовать свой выбор.

Эмпирическое исследование родителей детей, отнесенных к экспериментальной и контрольной группам, позволило выявить некоторые отли-

чия (табл. 2). Родители, имеющие детей без двигательной патологии, в результате проведенного тестирования продемонстрировали средние значения по всем шкалам опросника «Оценка родительских отношений».

Таблица 2

Оценка родительских отношений по методике Варги–Столина

Группа	Опросник родительских отношений Варги–Столина				
	Принятие–отвержение	Кооперация	Симбиоз	Авторитарная гиперсоциализация	Маленький неудачник
Родители с детьми экспериментальной группы	14,33	6,33	5,67	4,00	4,00
Родители с детьми контрольной группы	8,33	6,67	5,00	3,33	1,67
U-критерий Манна–Уитни	0	94	80	104	26

Наблюдается тенденция к невысоким значениям по шкале «принятие–отвержение», что свидетельствует о недостаточно близких отношениях родителей и детей. Родители не всегда имеют адекватные ожидания поведения и успехов детей, что является отличительной чертой современных родителей. Также выявлены низкие значения по шкале «отношение к неудачам ребенка», что говорит о том, что родители верят в своих детей, а неудачи воспринимают как недоразумения (см. табл. 2).

Мы выяснили, что у родителей, имеющих детей с двигательными нарушениями, преобладают средние значения по различным типам взаимоотношений с ребенком. Наиболее выделяется значение «Кооперация», при котором взрослый проявляет искренний интерес к тому, что интересует ребенка, высоко оценивая его способности, поощряет его самостоятельность и инициативу, старается быть на равных.

Оценка статистической значимости различий по критерию Манна–Уитни показала, что значимые различия у родителей детей экспериментальной и контрольной групп наблюдаются по критерию «Принятие–отвержение» ($U = 0$ при $\alpha = 0,01$), а также по критерию «Маленький неудачник» ($U = 26$ при $\alpha = 0,01$). Полученные результаты позволяют судить о том, что родители детей с ДЦП склонны в большей степени принимать ребенка таким, каков он есть. Так как возраст исследуемых детей составлял 7–9 лет, то к этому моменту у родителей наступает момент принятия ребенка и выстраивания взаимоотношений с ним таким, каков он есть. Родители детей из контрольной группы в воспитании придерживаются более идеалистических представлений и ожиданий, зачастую далеких от реальности их отношений с детьми. Но при этом в «отношении к неудачам ребенка» родители детей контрольной группы считают неудачи случайными и больше верят в своих детей. Родители же детей экспериментальной группы чаще причины неудач видят в ребенке, в его «карме», «судьбе», «неудалости». Соответственно, вера их в силы ребенка слабее, но при этом находится все-таки на среднем уровне.

Анализ особенностей проявления копинг-стратегий всех родителей позволил установить, что встречаются следующие виды копинг-механизмов:

- копинг-стратегии, ориентированные на решение задачи, проблемы (проблемно-ориентированный копинг, или ПОК);
- копинг-стратегии, ориентированные на эмоции (эмоционально-ориентированный копинг, или ЭОК);
- копинг-стратегии, ориентированные на избегание (КОИ).

Анализ различий по преобладанию той или иной копинг-стратегии у родителей детей экспериментальной и контрольной групп не показал значимых различий в копинг-поведении (табл. 3).

Таблица 3

Оценка копинг-стратегий в стрессовых ситуациях в группах родителей

Группа	Опросник копинг-стратегий (по методике Н.С. Эндлера, Д.А. Паркера)				
	Копинг, ориентированный на решение задачи, проблемы	Копинг, ориентированный на эмоции	Копинг, ориентированный на избегание	Субшкала «Отвлечение»	Субшкала «Социальное отвлечение»
Родители детей экспериментальной группы	62,00	48,00	43,50	18,00	16,50
Родители детей контрольной группы	60,33	45,00	43,67	16,33	15,33
U-критерий Манна–Уитни	99	120	114	93	72

И у тех и у других родителей отмечены средние значения по выраженности копинга, ориентированного на решение задачи, копинга, ориентированного на эмоции, и копинга, ориентированного на избегание. Можно сделать вывод, что данные копинги родителей детей экспериментальной группы соответствуют копингам родителей контрольной группы.

При этом по субшкале «Отвлечение» у родителей детей с нормативным развитием низкие значения, а у родителей детей с особенностями развития – средние. Это может свидетельствовать о том, что родители нормативных учащихся не склонны решать трудности различными вариантами ухода, погружения в работу или другую деятельность и редко прибегают к такому механизму.

Анализ изученных нами психологических защит, проявляющихся у родителей детей с особенностями развития и без них, позволил сформулировать следующие выводы.

У родителей детей экспериментальной группы (по результатам методики Келлермана–Плутчика) значимо преобладает защитный механизм «реактивные преобразования». У обеих групп часто встречается механизм компенсации (табл. 4).

Такой вид психологической защиты, как реактивные преобразования, взаимосвязан с механизмом гиперкомпенсации. Неприятные действия, события и мысли преобразовываются личностью в противоположные стрем-

ления, причем преувеличенно гипертрофируя их. Преобразование внутренних побуждений происходит через обратный полюс их развития.

Таблица 4

Особенности преобладания защитных механизмов в группах родителей

Группа	Тест-опросник Келлермана–Плутчика							
	Отри- цание	Вытес- нение	Ре- грес- сия	Компен- сация	Проек- ция	Заме- щение	Интел- лектуа- лизация	Реактивные преобразо- вания
Родители детей экспериментальной группы	53,67	34,33	64	78	46	59	48,67	78
Родители детей контрольной группы	79	84	69	78	36,50	87,50	50,5	39
U-критерий Манна–Уитни	18,00	18,00	105,00	120,00	102,00	39,00	105,00	0

Также часто проявляется связь компенсации с идентификацией. Реальный или надуманный недостаток подменяется иным чувством, качеством, происходит это через присвоение чужих чувств, свойств, достоинств и т.д. Но эти заимствованные компоненты не встраиваются в систему ценностей личности, поэтому остаются чуждыми, неорганичными. Это может интерпретироваться как избавление от комплекса неполноценности.

Анализ психологических защит родителей детей контрольной группы показывает преобладание отрицания, вытеснения, замещения (см. табл. 3).

Отрицание – это состояние, при котором личность либо отрицает некоторые фрустрирующие, вызывающие тревогу обстоятельства, либо какой-либо внутренний импульс или сторона отрицает самое себя. Вытеснение рассматривается как важный способ защиты инфантильного Я, неспособного сопротивляться соблазну. Замещение как распространенная форма защиты, которая обозначается понятием «смещение» проявляется в рядке подавленных эмоций, которые направляются на объекты, представляющие меньшую опасность или более доступные, чем те, что вызвали отрицательные эмоции и чувства.

В эмпирическом исследовании была предпринята попытка установить взаимосвязи между копинг-стратегиями и психологическими защитами детей и их родителей (табл. 5).

В результате проведенного исследования выявлены связи между показателями особенностей родительских отношений и копинг-механизмами родителей. Так, выявлена связь между шкалой «Принятие–отвержение», демонстрирующей степень эмоционального принятия ребенка и копингом, ориентированным на эмоции ($p = 0,478$), что свидетельствует о том, что в родительских отношениях людям свойственно проявлять свои типичные механизмы поведения. Также имеется прямая двухсторонняя связь между шкалой «Принятие–отвержение» и субшкалой «Социальное отвлечение» ($p = 0,543$). Эта же шкала методики Варги–Столина имеет связь с показателя-

ми защитных механизмов «Отрицание» ($p = 0,738$), «Вытеснение» ($p = 0,868$), «Регрессия» ($p = 0,692$).

Таблица 5

Корреляционные связи особенностей семейного воспитания, копинг-стратегий и психологических защит у родителей младших школьников

Корреляция Пирсона	Шкала «Контроль»	Шкала «Отношение к неудачам ребенка»	Копинг, ориентированный на эмоции	Копинг, ориентированный на избегание	Субшкала «Социальное отвлечение»	Отрицание	Вытеснение	Регрессия	Проекция	Реактивные преобразования
Шкала «Принятие– отвержение»			0,478		0,543	0,738	0,868	0,692		
Шкала «Симбиоз»				0,507						–0,478
Копинг, ориентирован- ный на решение задачи, проблемы			0,591			0,661			0,730	
Копинг, ориентирован- ный на эмоции	0,681	0,482					0,637	0,901	0,738	
Копинг, ориентирован- ный на избегание							0,623	0,952		

Шкала «Симбиоз» показывающая степень близости и психологической дистанции матери и ребенка имеет прямую двустороннюю связь с копингом «отвлечение» ($p = 0,507$) и обратную связь с защитным механизмом «реактивные преобразования» ($p = -0,478$).

Шкалы по методике исследования копинга, используемого в стрессовых ситуациях, также имеют связи с защитными механизмами личности.

Копинг, ориентированный на решение задачи, связан со шкалами защитных механизмов «Отрицание» ($p = 0,661$), «Проекция» ($p = 0,730$). Копинг, ориентированный на эмоции, связан с таким защитным механизмом, как «Регрессия» ($p = 0,637$), «Вытеснение» ($p = 0,901$), «Проекция» ($p = 0,738$), а копинг, ориентированный на избегание, связан со шкалами «Вытеснение» ($p = 0,623$) и «Регрессия» ($p = 0,952$).

Обсуждение результатов

При нарушенном развитии, отягощенном неправильными типами воспитания или неадекватными родительскими установками, формируются простейшие, неадаптивные типы реагирования, однотипные и примитивные. Особенности семьи и семейных отношений являются наиболее значимыми факторами в формировании защитных механизмов личности. Защитные механизмы детей связаны с предпочитаемыми механизмами психологических защит, которые характерны для родителей.

В результате эмпирического исследования обнаружено, что у детей младшего школьного возраста с нормативным развитием преобладают стратегии, связанные с эмоциональным отреагированием, эмансипацией и отказом. У детей же с двигательными нарушениями преобладают формы копинг-механизмов, связанные с прямым отказом, незрелыми формами эмансипации, агрессивным реагированием, отделением себя.

У родителей детей с нормативным развитием и родителей детей с двигательными нарушениями не наблюдается значимых различий в преобладании копинг-механизмов. Так, у родителей младших школьников значимо чаще встречается копинг, ориентированный на решение задачи. При этом анализ защитных механизмов выявил различия между родителями нормативных сверстников и детей с двигательными нарушениями: у последних преобладают защиты по типу «реактивные преобразования», что (как и у детей с нарушениями) демонстрирует переход на более ранние способы реагирования в стрессовой ситуации. У родителей нормативных сверстников значимо выше показатели таких защит как, «Отрицание», «Вытеснение», «Замещение», что связано с более сложной организацией.

Были выявлены различия и в родительском отношении в обеих группах. Родители учащихся с нормативным развитием считают неудачи детей случайными и больше верят в своих детей, при этом родители детей с двигательными нарушениями, скорее, склонны к эмоциональному принятию собственных детей, так как они пережили фазу принятия ребенка таким, каков он есть. Это является ресурсной базой для адаптации и социализации ребенка с ДЦП.

Для младших школьников также значимы и отношения со сверстниками и учителями. В процессе целенаправленного обучения и воспитания необходимо создавать условия, когда ребенок сможет осознавать свои защитные механизмы, понимать, где они уместны, а где – нет, учиться новым, более адекватным способам реагирования. То есть в этом русле может быть выстроена специальная психолого-педагогическая помощь ребенку.

В эмпирическом исследовании были выявлены взаимосвязи типов семейного воспитания, родительского отношения и защитных механизмов и копингов родителей. Появление копинг-механизмов, ориентированных на эмоции, связано с особенностями протекания процессов контроля и принятия в семейном воспитании. При этом данные копинги чаще других передаются от родителей к детям, формируя соответствующее поведение ребенка с детским церебральным параличом.

В процессе психологической помощи ребенку и семье ребенка с двигательными нарушениями важно обращать внимание на особенности защитных механизмов и совладающего поведения всех членов семьи. То есть психокоррекционная работа должна быть выстроена системно, с учетом личностного потенциала и родителя, и ребенка. Важно выработать стратегию индивидуального развития ребенка с учетом тяжести и особенностей его двигательного дефекта, с опорой на ресурсные сферы в личности ребенка и родителей.

Результаты, полученные в исследовании, позволили сформулировать методические рекомендации для специалистов, помогающих семьям и детям с ДЦП.

При организации психокоррекционной работы с детьми с двигательными нарушениями рекомендуется учитывать множество факторов и предварительно проводить диагностическое исследование данных факторов.

Целесообразно провести сбор и учет анамнестических сведений, глубины поражения, степени первичного, вторичного дефектов у ребенка.

Кроме биологически обусловленных факторов рекомендуется принимать во внимание социальные факторы развития ребенка и социальное окружение: полноту семьи, возраст и образование родителей, особенности семейного отношения и тип семейного воспитания, воздействие других взрослых на развитие ребенка – бабушек, дедушек, воспитателей, нянь и пр., наличие других детей в семье, их взаимоотношения с ребенком.

Значимый объект изучения – история обучения и развития ребенка: где, в каком виде и типе учреждения, с какой продолжительностью и успешностью воспитывался ребенок.

Рекомендуется проведение психодиагностического исследования личностных особенностей ребенка, а не только познавательных процессов. Представляет интерес изучение защитных механизмов и копинг-стратегий, поскольку данные процессы влияют на личностное развитие и формирование вторичных и третичных дефектов. Кроме того, конструктивные копинг-стратегии способствуют более эффективной адаптации и установлению адекватных межличностных отношений ребенка в коллективе.

Предлагается использовать возможности сказкотерапии, арттерапии в работе с детьми для демонстрации и развития новых навыков различного реагирования в стрессовых и кризисных ситуациях.

В коррекции эффективна работа с литературными произведениями, театральными постановками для демонстрации и обсуждения различных вариантов реагирования и выработки наиболее конструктивных паттернов.

Рекомендуется коррекционную работу строить с перспективой развития, не только учитывая сиюминутные проблемы, но и предвосхищая возрастные затруднения школьников. Например, в младшем школьном возрасте своевременно начинать работу по проблемам дружбы, взаимоотношений сверстников и взрослых.

Психокоррекционные мероприятия призваны формировать у ребенка способность к анализу собственного поведения, развитию различных форм реагирования, в большей степени направленных на решение проблемных ситуаций.

В коррекционной работе важна направленность на позитивные моменты, на успех при конструктивном разрешении проблемных ситуаций, а не на избегание их.

При планировании и реализации психотерапевтических и тренинговых мероприятий рекомендуется включать тренинги личностного роста, ролевые игры, направленные на изменение черт характера, способов реагирования.

Планирование коррекционно-развивающей работы осуществляется с учетом зоны ближайшего развития ребенка, разработки стратегий поведения, применимых в будущем.

Эффективными формами психологической коррекции являются совместные мероприятия с родителями ребенка, когда прорабатываются защитные механизмы и ребенка, и родителей. Данная практика позволяет родителям осознать связь между детским и родительским поведением.

Литература

1. Мясищев В.Н. Личность и нервы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 426 с.
2. Варга А.Я., Драбкина Т.С. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. СПб. : Речь, 2001. 144с.
3. Storozheva Z.I., Proshin A.T. Selective Involvement of the Neurotransmitter Systems of the Cerebellum in the Mechanisms Forming Different Types of Defensive Behavior // Neuroscience and Behavioral Physiology. 2011. V. 41, № 9. P. 964–972. DOI: 10.1007/s11055-011-9516-4.
4. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб. : Речь, 2010. 256 с.
5. Chereneva E.A. Defensive mechanisms of behavior and conceptual sets in socio-psychological adaptation of children with intellectual disabilities // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. V. 6, № 9. P. 1374–1387.
6. Putnam M.A., Tiersky L.A., Freer B.D., Pievsky M.A. Defense mechanisms and cognitive complaints: assessing cognitive complaints and self-reported defensive styles // Journal of the American Psychoanalytic Association. 2014. V. 62, № 3. NP9–NP13.
7. Никольская И.М., Грановская Р.М. Психологическая защита у детей. СПб. : Речь, 2006. 342 с.
8. Бассин Ф.В. О силе «Я» и психологической защите // Вопросы философии. 1969. № 2. С. 118–125.
9. Грановская Р.М., Никольская И.М. Защита личности: психологические механизмы. СПб. : Знание, 1998. 352 с.
10. Quitmann J., Rohenkohl A., Bullinger M., Specht A., Schillmöller Z., Petersen-Ewert C. Coping strategies of children and adolescents with clinically diagnosed short stature // Journal of Child and Family Studies. 2015. V. 24, № 3. P. 703–714.
11. Куфтяк Е.В. Дети с дефицитами развития: особенности психологических защит и копинг-стратегии // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2017. Т. 17, № 3. С. 25–33.
12. Хитёва А.А. Защитные механизмы личности и особенности родительского отношения к детям с двигательными нарушениями различного генеза // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 22, № 53. С. 419–424.
13. Пятакова Г.В., Мамайчук И.И., Умнов В.В. Психологические защитные механизмы у детей с ДЦП в контексте материнского отношения к болезни ребенка // Ортопедия, травматология и восстановительная хирургия детского возраста. 2017. Т. 5, № 3. С. 58–67.
14. Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. 2007. № 3. С. 93–112.
15. Folkman S., Lazarus R.S. If it changes it must be a process: Study of emotion and coping during three stages of a college examination // J. of Pers. And Soc. Psychol. 1985. V. 48, № 1. P. 150–170.

16. Datsenko T. Research of coping strategies for children of senior preschool age // Педагогічний процес: теорія і практика. 2016. V. 1 (52). P. 50–54.
17. Крамар Е.С. Жизнестойкость и копинг-стратегии личности родителей детей с аутизмом и родителей детей нормального развития // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Сер. Педагогика. Психология. 2016. № 2 (4). С. 111–117.
18. Смирнова М.В. Копинг-стратегии у детей младшего школьного возраста // Системная психология и социология. 2012. № 6. С. 1–6.

*Поступила в редакцию 09.10.2018 г.;
повторно 16.11.2018 г.; принята 22.02.2019 г.*

Бакаева Ирина Александровна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии образования Академии психологии и педагогики Южного федерального университета.

E-mail: iabakaeva@sfnedu.ru

Новохатько Елена Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Академии психологии и педагогики Южного федерального университета.

E-mail: ennovohatko@sfnedu.ru

Шевырева Елена Геннадиевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Академии психологии и педагогики Южного федерального университета.

E-mail: egshevyreva@sfnedu.ru

For citation: Bakaeva IA, Novokhat'ko EN, Shevyreva EG. Defense Activities and Coping Strategies at Children with Cerebral Palsy and their Parents. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2019; 71:180-196. doi: 10.17223/17267080/71/10. In Russian. English Summary

Defense Activities and Coping Strategies at Children with Cerebral Palsy and their Parents

Irina A. Bakaeva^a, Elena N. Novokhat'ko^a, Elena G. Shevyreva^a

^a Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia

Abstract

The article describes an empirical study of defense behavior and coping strategies at children with cerebral palsy and their parents. The aim is to study the features and connections of children's and parental psychological defense mechanisms and coping strategies. The study is supported by psychodiagnostic questionnaires by Ryan-Wenger in N.A. Sirot's adaptation, by V.M. Yaltonsky - for children; the adapted version of a technique by N.S. Endler, D.A. Parker's "Coping Inventory for Stressful Situations", the Questionnaire of the parental relations of Vargi – Stolin, test questionnaire by Kellerman and Plutchik in L.I. Wasserman's adaptation – for parents. The results of our study revealed that children with motor impairment show more elementary coping strategies directed to emotions or avoidance compared with more difficult and positive reactions showed by children with standard development. The research of parents showed in the group of parents of children with infantile cerebral palsy (ICP) high values by the criterion "Acceptance-rejection" and also by the criterion "The little outsider", that means they tend to accept their child as such; they accept his peculiarities and consider

with them. Parents of children from control group adhere to more idealistic representations and expectations that are far from the reality of their relations with children. But at the same time in "relation to failures of a child" parents of the children from control group consider failures to be accidental and believe in their children more. Parents of the children from experimental group more often consider the cause of failures in the child himself, in his "karma" or "destiny". Differences in coping strategies of parents were expressed in more frequent occurrence among parents of children with ICP of a strategies "Derivation" and "Social derivation", that means that parents of pupils with cerebral palsy try to solve their personal and family problems and difficulties by various options of avoiding, immersion in work or other activity often connected with the help to other people out of family. The analysis of defense mechanisms of parents of children with development problems showed the prevalence of the "reactive transformations" mechanism, which is connected with the overcompensation mechanism. Unpleasant actions, events and thoughts are transformed by the personality into opposite interests exaggeratedly hypertrophying them. Transformation of internal motives happens through the return pole of their development. The prevailing psychological defenses of parents with normally developing children are "denial", "suppression", and "substitution". The correlation analysis revealed connections between the features of the parental relations and coping mechanisms of parents. There was established connection between the scales "Acceptance – rejection", showing extent of emotional acceptance and focused on emotions coping of a child, that demonstrates that in the parental relations people are inclined to show the typical behavior mechanism; two-way connection between the "Acceptance – Rejection" scale and the "Social abstraction" subscale. Thus accepting of a child allows parents realizing themselves not only in parental role, but also participating in social life. Recommendations on the organization of psychological assistance to families with children with ICP are proposed.

Keywords: defense activities; coping strategies; infantile cerebral palsy; compensatory mechanisms; adaptation; psychocorrection; parental relation.

References

1. Myasishchev, V.N. (1960) *Lichnost' i nervozy* [Personality and nervosa]. Leningrad: Leningrad State University.
2. Varga, A.Ya. & Drabkina, T.S. (2001) *Sistemnaya semeynaya psikhoterapiya* [Systemic family psychotherapy]. St. Petersburg: Rech'.
3. Storozheva, Z.I. & Proshin, A.T. (2011) Selective Involvement of the Neurotransmitter Systems of the Cerebellum in the Mechanisms Forming Different Types of Defensive Behavior. *Neuroscience and Behavioral Physiology*. 41(9). pp. 964–972. DOI: 10.1007/s11055-011-9516-4.
4. Lichko, A.E. (2010) *Psikhopatii i aktsentuatsii kharaktera u podrostkov* [Psychopathy and character accentuation in adolescents]. St. Petersburg: Rech'.
5. Chereneva, E.A. (2013) Defensive Mechanisms of Behavior and Conceptual Sets in Socio-Psychological Adaptation of Children with Intellectual Disabilities. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Journal of the Siberian Federal University. Humanities*. 6(9). pp. 1374–1387. (In Russian).
6. Putnam, M.A., Tiersky, L.A., Freer, B.D. & Pievsky, M.A. (2014) Defense mechanisms and cognitive complaints: assessing cognitive complaints and self-reported defensive styles. *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 62(3). NP9–NP13.
7. Nikolskaya I.M. & Granovskaya, R.M. (2006) *Psikhologicheskaya zashchita u detey* [Psychological protection in children]. St. Petersburg: Rech'.
8. Bassin, F.V. (1969) О силе "Я" и психологической защите [On the strength of "I" and psychological protection]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 118–125.

9. Granovskaya, R.M. & Nikolskaya, I.M. (1998) *Zashchita lichnosti: psikhologicheskie mekhanizmy* [Personality protection: psychological mechanisms]. St. Petersburg: Znanie.
10. Quitmann, J., Rohenkohl, A., Bullinger, M., Specht, A., Schillmöller, Z. & Petersen-Ewert, C. (2015) Coping strategies of children and adolescents with clinically diagnosed short stature. *Journal of Child and Family Studies*. 24(3). pp. 703–714. DOI: 10.1007/s10826-013-9880-5
11. Kuftiyak, E.V. (2017) Deti s defitsitami razvitiya: osobennosti psikhologicheskikh zashchit i koping-strategii [Children with developmental deficiencies: features of psychological defenses and coping strategies]. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detey i podrostkov*. 17(3). pp. 25–33.
12. Khiteva, A.A. (2007) Zashchitnye mekhanizmy lichnosti i osobennosti roditel'skogo otnosheniya k deyat'm s dvigatel'nymi narusheniyami razlichnogo geneza [The protective mechanisms of the personality and the features of the parental attitude towards children with various movement disorders]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Herzen University Journal of Humanities & Science*. 22(53). pp. 419–424.
13. Pyatakova, G.V., Mamaychuk, I.I. & Umnov, V.V. (2017) Psychological defense mechanisms of children with cerebral palsy in the context of mothers attitude to a child's disease. *Ortopediya, travmatologiya i vosstanovitel'naya khirurgiya detskogo vozrasta – Pediatric Traumatology, Orthopaedics and Reconstructive Surgery*. 5(3). pp. 58–67. (In Russian). DOI: 10.17816/PTORS5358-67
14. Kryukova, T.L. & Kuftiyak, E.V. (2007) Oprosnik sposobov sovladaniya (adaptatsiya metodiki WCQ) [Questionnaire on ways of coping (WCQ adaptation)]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*. 3. pp. 93–112.
15. Folkman, S. & Lazarus, R.S. (1985) If it changes it must be a process: Study of emotion and coping during three stages of a college examination. *Journal of Personal and Social Psychology*. 48(1). pp. 150–170. DOI: 10.1037/0022-3514.48.1.15
16. Datsenko, T. (2016) Research of coping strategies for children of senior preschool age. *Pedagogicheskii protses: teoriya i praktika – The Pedagogical Process: Theory and Practice*. 1(52). pp. 50–54. DOI: 10.28925/2078-1687.2016.1.5054
17. Kramar, E.S. (2016) Zhiznestoykost' i koping-strategii lichnosti roditel' detey s avtizmom i roditel' detey normal'nogo razvitiya [Viability and Coping Strategies of the Personality of Parents of Children with Autism and Parents of Children of Normal Development]. *Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Ser. Pedagogika. Psikhologiya*. 2(4). pp. 111–117.
18. Smirnova, M.V. (2012) Koping-strategii u detey mladshego shkol'nogo vozrasta [Coping strategies in primary school children]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya – Systems Psychology and Sociology*. 6. pp. 1–6.

Received 09.10.2018; Revised 16.11.2018;

Accepted 22.02.2019

Irina A. Bakaeva – senior lecturer, Department of educational psychology, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Cand. Sc.
E-mail: iabakaeva@sfnu.ru

Elena N. Novokhat'ko – associate professor, Department of educational psychology, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Cand. Sc.
E-mail: ennovohatko@sfnu.ru

Elena G. Shevyreva – associate professor, Department of educational psychology, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Cand. Sc.
E-mail: egshevyreva@sfnu.ru

Рецензии

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В.А. МАЗИЛОВА «МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»¹

Г.В. Залевский^а

^а Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

В монографии известного отечественного психолога, методолога профессора Владимира Александровича Мазилова дается характеристика методологических проблем, актуальных не только для современной психологической науки, но и для психологической науки дня завтрашнего. В работе осуществлен основательный ретроанализ процесса формирования методологических оснований научной психологии, рассмотрена история становления методов научной психологии. Анализ методологии идет по трем взаимосвязанным направлениям: когнитивной методологии, методологии психологической практики и коммуникативной методологии. Анализируется также соотношение психологии и философии и поставлена задача разработки философии психологии как ветви психологического знания, приводится эскиз философии психологии. Автором предложена новая трактовка предмета психологии как «внутреннего мира человека», позволяющая, с точки зрения автора, разрешить ряд дискуссионных вопросов современной психологии. В целом в книге В.А. Мазилова предложена оригинальная авторская концепция методологии психологии. Отметим лишь некоторые существенные характеристики данной концепции.

По мнению автора, «в настоящий момент на первый план выходит разработка интегративной методологии психологической науки» (С. 417). Отсюда следует, что предлагаемая автором концепция современной методологии – это концепция интегративной методологии, поскольку «разработка отдельных вопросов методологии (даже таких судьбоносных для психологии, как проблема предмета, метода, объяснения и т.д.), взятых сами по себе, не позволяет принципиально изменить ситуацию в методологии. Из этого следует вывод, что методологические проблемы должны решаться в комплексе, что ставит на повестку дня разработку интегративной методологии». Под интегративной методологией автором понимается «об-

¹ Мазилев В.А. Методология психологической науки. История и современность. Ярославль : Изд-во ЯрГПУ, 2017. 419 с.

щая методология психологии как непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, теории... в их взаимосвязи (С. 417). На мой взгляд, недостаточно понимать систему, в том числе и методологическую, только с позиции взаимосвязи составляющих ее элементов, не учитывая того, что каждый элемент играет свою роль в этой взаимосвязи, во-первых, и во-вторых, по мере усложнения живой системы – от клетки до человека и человеческого сообщества – эти взаимосвязи все больше иерархизируются с появлением «командного» элемента, играющего роль интегратора всех элементов системы. С моей точки зрения, в интегративной методологии таковым элементом и является предмет психологии (точнее, понимание предмета, что для нас выступает в качестве предмета психологии).

Интегративная методология, по мнению В.А. Мазилова, должна как минимум удовлетворять следующим требованиям: 1) должна быть достаточно широкой, т.е. включать в себя основные названные компоненты методологии (предмет, метод, теория, объяснение и др.); 2) должна иметь достаточно универсальный характер в том смысле, что она должна быть приложима к широкому кругу психологических концепций (С. 418). Автор считает, что такая модель описана в его труде с учетом «второй части известного определения методологии, предложенного в свое время Спиркиным, Юдиным и Ярошевским: «Методология – это система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также **учения об этой системе** (выделено мной. – Г.З.)» [1. С. 359].

О предмете психологии. Как отмечает сам Владимир Александрович, «неоднократно в разных главах книги делались заключения, смысл которых сводится к тому, что для решения вопросов, рассматриваемых в том или ином разделе, необходимо обращение к предмету психологии» (С. 407). Делался вывод, что трактовка предмета должна быть пересмотрена, что понимание должно быть максимально широким, что проблема предмета в наше время является центральной методологической проблемой. С этим, несомненно, следует согласиться, о чем я уже говорил выше. В.А. Мазиллов приходит к выводу, что «предметом научной психологии целесообразно считать **внутренний мир человека** (выделено мной. – Г.З.)» (Там же). «...внутренний мир отражает бытие человека и формируется в процессе жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой – независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются многие проблемы, которые решает психология» (С. 409). К такому пониманию предмета психологии как «внутреннего мира человека» автор приходит «новым для психологии способом определения предмета».

«Обычно при определении предмета используют (история психологии изобилует примерами такой технологии) следующий ход: объявляя тот или иной предмет в дальнейшем рассмотрении осторожно заменяют его на “единицу”, данный предмет представляющую. Эта традиция – наследие прежней методологии, когда полагали, что из единицы (клеточки) можно будет получить целое. Поскольку до целого дойти никогда не удавалось, довольствовались обсуждением, которая из предложенных единиц более перспективна... В итоге из психологии фактически исчезает совокупный предмет» (С. 409). В рассматриваемом случае внутренний мир человека представляет собой совокупный предмет – психе как целое, – который в процессе рассмотрения подвергается анализу. Обратим внимание на то, что психология впервые приобретает перспективное нередуктивное объяснение, ибо впервые пожелание Шпрангера становится реальным – объяснение психического через психическое. Можно сказать, что в настоящем методологическом подходе, скорее, реализован научный идеал, выраженный Вильгельмом Дильтеем о психологии описательной, понимающей и расчленяющей [2]. Во всяком случае, характеризуя внутренний мир человека, В.А. Мазиллов с соавт. [3] «пытались не разрушать одушевляющие связи» (С. 408–409).

О методах психологии. Поскольку утверждается принципиальный тезис, что внутренний мир человека не прост, а сложен, сложное образование, то отсюда «следует, что метод изучения тоже должен быть непростым. Поэтому, говоря о методах, стоит подчеркнуть, что чаще всего речь идет о комплексе методов, их сочетании. Иными словами, используются методы как из арсенала естественнонаучной психологии, так и из обоймы герменевтических методов» (С. 410). В данном утверждении наши позиции сближаются, поскольку и я тоже принципиально против того, что я называю «циклопной психологией». В то же время, по моему мнению, автор монографии уделил явно мало внимания проблеме понимания как метода психологии и его отношению с методом объяснения, хотя последний он рассмотрел достаточно подробно [4–7].

В целом, оценивая данный труд, следует считать его значительным и во многих отношениях оригинальным вкладом в теорию методологии психологии, поскольку он действительно «позволяет проводить последовательную линию на описание общей психологии как целостной и непротиворечивой науки, что не мешает демонстрировать множественность подходов и психологических теорий» (С. 414).

Литература

1. Спиркин А.Г., Юдин Э.Г., Ярошевский М.Г. Методология // Философский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1989. С. 359.
2. Мазиллов В.А. Психология академическая и практическая: актуальное сосуществование и перспективы // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 3. С. 87–96.
3. Шадриков В.Д., Мазиллов В.А. Общая психология : учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2015.

4. Залевский Г.В. Понимание как метод наук о психике // Сибирский психологический журнал. 2004. № 29. С. 12–22.
5. Залевский Г.В. Объяснение и понимание в психологии // Теория и методология психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 2007. С. 195–223.
6. Залевский Г.В. Объяснение и понимание против «циклопной психологии» // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, вып. 1. С. 41–47.
7. Залевский Г.В. Границы понимания и безграничность объяснения // Залевский Г.В. Избранные труды : в 6 т. Томск : Том. гос. ун-т, 2013. Т. 1. С. 215–244.

Залевский Генрих Владиславович – доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, профессор кафедры психологии и социальной работы Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта.

E-mail: Usya9@Sibmail.com

For citation: Zalevskij G.V. Review of the monograph “Methodology of Psychology. History and Contemporaneity” by V.A. Mazilov. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2019; 71:197–200. doi: 10.17223/17267080/71/11. In Russian. English Summary

References

1. Spirkin, A.G., Yudin, E.G. & Yaroshevsky, M.G. (1989) Metodologiya [Methodology]. In: Averintsev, S.S. (ed.) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 359.
2. Mazilov, V.A. (2015) Psikhologiya akademicheskaya i prakticheskaya: aktual'noe sosushchestvovanie i perspektivy [Academic and practical psychology: current coexistence and perspectives]. *Psikhologicheskij zhurnal*. 36(3). pp. 87–96.
3. Shadrikov, V.D. & Mazilov, V.A. (2015) *Obshchaya psikhologiya* [General Psychology]. Moscow: Yurayt.
4. Zalevsky, G.V. (2004) Ponimanie kak metod nauk o psikhike [Understanding as a method of psychological sciences]. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 29. pp. 12–22.
5. Zalevsky, G.V. (2007) Ob"yasnenie i ponimanie v psikhologii [Explanation and understanding in psychology]. In: Zhuravlev, A.L. & Yurevich, A.V. (eds) *Teoriya i metodologiya psikhologii* [Theory and Methodology of Psychology]. Moscow: Institute of Psychology, RAS. pp. 195–223.
6. Zalevskij, G.V. (2008) Ob"yasnenie i ponimanie protiv “tsiklopnoy” psikhologii [Explanation and understanding against “cyclopean” psychology]. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 3(1). pp. 41–47.
7. Zalevskij, G.V. (2013) *Izbrannye trudy: v 6 t.* [Selected Works. In 6 vols]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 215–244.